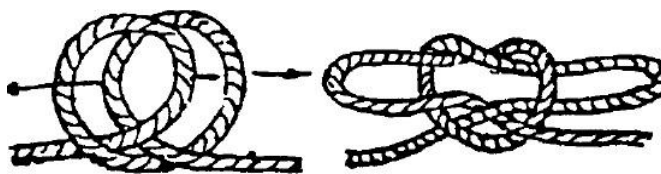


Морис Бронштейн

МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ

Интервью с узниками Печорского концлагеря



Walnut Creek, California

2013

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

Морис Бронштейн

Мёртвая петля

Moris Bonshteyn

Mertvaya petlya

(Dead loop)

Copyright©2013 by Moris Bronshteyn

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without the written permission from the Author.

Requests for permission to make copies of any part of the work should be sent to morisb@sbcglobal.net.

ISBN 978-1-300-91663-5

Printed in the United States of America

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

S T E V E N S P I E L B E R G

December, 1998

Dear Moris,

It is with great respect and admiration that I extend my warmest wishes to you. I want to thank you for your tremendous commitment to the work of Survivors of the Shoah Visual History Foundation.

The Shoah Foundation would not have been able to record the 50,000 testimonies to date without you. Your efforts to help document the past will have a profound impact on the future, bringing the lessons of the Holocaust and the message of tolerance to generations to come.

Once again, I thank you. Our work ensures the promise of a better tomorrow.

All my best,



Перевод письма Стивена Спилберга

Уважаемый Морис,
Позвольте выразить мое глубокое уважение и восхищение вашей невероятной преданности в работе для SHOAH - Фонда Видеодокументов Переживших Холокост.

Без Вашей помощи нашей организации не удалось бы собрать около пятидесяти тысяч свидетельств, имеющих к настоящему времени. Ваши усилия по увековечиванию прошлого окажут глубокое воздействие на будущие поколения, преподнося им уроки Холокоста и идею терпимости.

Разрешите еще раз поблагодарить вас. Наша с вами работа - это залог лучшего будущего.

Всего наилучшего,

Стивен Спилберг

Предисловие

Давно собирался опубликовать сделанные мной видеointервью с бывшими узниками гетто, в частности, с узниками концлагеря «Мёртвая петля».

История эта началась больше пятнадцати лет тому назад. Я жил тогда в городе Виннице, что на Украине. Однажды мой собеседник из Лос Анжелеса сообщил о Фонде «Пережившие Шоа», созданного кинорежиссёром Стивеном Спилбергом, и что этот Фонд организывает видеointервью с бывшими узниками гетто и концлагерей по всему миру. Далее он поведал, что Фонд приступает к работе на Украине и предлагает мне принять участие в качестве интервьюера. Как я ему благодарен сейчас! Как известно, по всему миру было сделано свыше пятидесяти тысяч видеointервью с людьми, пережившими пребывание в гетто, концентрационных лагерях, лагерях смерти. И я горжусь тем, что внёс в эту копилку и свои 74 интервью.

В 1998 году проект был завершён. Все оригиналы интервью в цифровом формате находятся в архиве Голливуда, в Лос Анжелесе. Насколько мне известно, этими материалами пользуются специалисты в области проблем Холокоста, учёные, преподаватели разных университетов. Для широкой аудитории эти материалы остаются практически недоступными. Поэтому и возникло желание написать книгу на основе проведенных мной интервью. Чтобы иметь возможность работать с материалом, все мои интервью были переведены в базу данных библиотеки Стэнфордского университета, ближе к месту моего проживания. И в этом мне помог замечательный человек, преподаватель университета, к тому же прекрасно владеющий русским языком, Mr. Glenn Worthey. Дорогой Глен, выражаю Вам мою искреннюю признательность за всё, что Вы для меня сделали.

В книге представлена та часть интервью, которая касается военного периода, когда мои собеседники находились в гетто или лагерях. Здесь приводятся интервью, в большинстве случаев, бывших узников Печорского концлагеря «Мёртвая петля». Отсюда и название сборника.

ПЕЧОРА

Совершим небольшой экскурс в историю для знакомства с местом расположения концлагеря «Мёртвая петля». И здесь воспользуюсь небольшой частью материалов из сайта Сергея Котелко, любезно предоставившего такую возможность. За что выражаю Сергею мою признательность.

«...Печора, Печерский парк, Южный Буг внизу – пожалуй, одни из самых красивых мест в Подолии. Предположительно, название произошло от слова «пещера». Археологические раскопки, проведенные в 1948-1949 г.г. подтвердили существование пещер и обнаружили тут поселения Трипольской культуры. Первые упоминания о Печоре встречаются в документах XVI века и связаны они с именем князей Збаражских. Когда позже тут властвовали турки, (1672 - 1699) находим здесь молдавского господаря Георгия Дуку. Грек из Албании, Дука, "за суму немалую купивши у царя турецкого для своей господарской резиденции, в полку Брацлавском за Богом (Бугом), в городке Печоре велел знаменитый дом себе выстроить..." Знаменитый дом имел также парк, спускавшийся террасами к реке Южный Буг, протекавшей внизу. После Дуки какое-то время имение принадлежало Юрию Хмельницкому. В 1683 г. он перенес резиденцию в Немиров, после чего Печорский дворец пришел в запустение и был разобран. Из него построены фундаменты и ограда деревянной церкви Рождества (1764 г.)

После Юрия Хмельницкого Печорой владели сначала Заславские затем Вишневецкие, а от них першла к знаменитому Станиславу Щенсному Потоцкому.

Последним владельцем Печоры был граф Франц Константинович Потоцкий. Он родился в Печоре 14 февраля 1877 года. Вместе со сменой власти, после 1917 года на Украину, в том числе и в Печору пришли и еврейские погромы. По воспоминаниям местных жителей, в 1927 году разобрали дворец. Потом началась война и стало совсем грустно - в Печоре устроили концлагерь, прозванный самими узниками «Мертвая петля». Сюда были согнаны 40 тысяч евреев из местечек

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

Винницкой области - Брацлава, Могилева - Подольского, Тростянца, Ладыжина, Тульчина и других. Кроме этого, сюда же попала часть евреев, депортированных из Бессарабии, Буковины, Румынии. Лагерь находился на границе румынской и немецкой зоны оккупации. Контролировался лагерь румынскими полицейскими. Холод, голод, эпидемии тифа, туберкулеза, дизентерии сделали свое дело. В отличие от немцев, которые иногда входили в лагерь с целью расстрела людей, румыны действовали более «благородно» - морили людей голодом, холодом и болезнями. Зверствовали тут и украинские полицаи – охранники. К моменту прихода Красной Армии в живых в лагере осталось не более 300 - 400 человек. Всего в концлагере «Мертвая петля» было убито около 50 тысяч узников».

МИХАИЛ БАРТИК

Решил начать рассказы бывших узников печорского концлагеря именно с Михаила по нескольким причинам. С Михаилом мы были знакомы задолго до моего участия в проекте «Пережившие Холокост». Как уже отмечал, я был сопредседателем еврейского общества в Виннице, Михаил занимался чем-то подобным в городе Тульчине Винницкой области. Наши пути-дороги часто пересекались, бывали на различных семинарах и собраниях в Киеве. Вместе со своими тульчинскими земляками, Бартик был в числе первых, кто попал в только что организованный концлагерь в Печоре и в числе последних, покинувших этот ад. Что называется, «от звонка до звонка». Бартик сумел в ходе выездного интервью показать нам самые примечательные места Печорского лагеря. В послевоенной жизни Михаил Бартик женился на бывшей узнице того же Печорского лагеря. Итак, слово Михаилу Бартику, а затем – его супруге Эстер.

- До начала войны многих мужчин брали на переподготовку, но никто не мог предполагать, что вражеские войска могут переступить советскую границу и зайти на её территорию. Считалось, что если и будет война, то, скорее всего, на вражеской территории. К тому же, как-то знали о заключённом мирном договоре с Германией.

- Отец был достаточно информирован?

- Конечно. Он всё-таки был начальником цеха, читал газеты, слушал радио. Отец не был мобилизован на фронт, т.к. был не военнообязанным, к тому же получил бронь. Когда в городе пошла паника в связи с приближающимися немецкими войсками, встал вопрос об эвакуации. Отцу было поручено подготовить к эвакуации фабричное оборудование. Пока этим занимался, отец предложил матери с детьми присоединиться к её отцу с остальными членами его семьи, что и было сделано. У деда была телега, две лошади, и мы пустились в путь. Мы – это дед с дочерью, бабушка, мать, отец, сестра, братик и я.

-В каком направлении вы направились?

-В сторону Бершади, с тем, чтобы затем двинуться на восток, к Днепропетровску, Кировограду, куда-то туда. Собрали некоторые вещи, документы. Но не успели отъехать на 30-40

километров, как нас уже догнали немцы. Пришлось возвращаться в Тульчин.

- Много ли людей пытались также эвакуироваться?

- Пытались многие, но большинство, как и мы, не успело. Думаю, что из Тульчина успело эвакуироваться не больше чем 500 человек. Когда мы возвратились в Тульчин, здесь уже хозяйничали немцы. Дом наш не был разграблен, мебель осталась на своих местах. Но дальше пошла та ещё жизнь! Немцы чувствовали себя как у себя дома, забирали всё, что хотели.

- Расскажите, как они выглядели.

- Когда я сравниваю тех немцев, которые вошли в Тульчин, и тех, которые уносили ноги, не перестаю удивляться. Такие ухоженные, холёные, такие откормленные, такие вооружённые, технически оснащённые. Я не помню, чтобы они ходили пешком: на велосипедах, на мотоциклах, на машинах. Своим видом и наглым поведением они просто нагоняли страх и ужас на людей. Я видел их и я также видел наших, отступающих солдат. Измученные, кто - в обмотках, кто - босиком... Вскоре стали появляться полицаи, из местного населения. Специальной формы у них не было, одеты, как все остальные, только отличительные повязки на рукавах. Были ограничения на передвижения, были проблемы с питанием, но, по сравнению с тем, что пришлось пережить потом, это были ещё цветочки. Как-никак, мы жили в своём доме. Но вот наступили еврейские праздники: Рош Ашана, затем – Йом Кипур. Начались первые убийства. Помню, был здесь некий Стоянов. Говорили, что он был оставлен для подпольной работы, с ним оставался также еврей Воскобойников. Так вот, Стоянов сдал Воскобойникова, которого тут же убили. Ещё был директор обувной фабрики еврей, коммунист Гранц. Его убили, разрубили на части и возили в тачке по Тульчину. Я это видел своими глазами. Затем было организовано гетто в Тульчине. Евреям было предписано жить в определённых границах. Мы уже тоже не могли оставаться в своём доме и переехали к тётке, её фамилия Колоденкер. *От себя добавлю, что тётка впоследствии тоже стала узницей Печоры и я брал у неё интервью.* В Тульчине практиковал доктор по фамилии Белецкий, все были о нём хорошего мнения, прекрасно относился к евреям. Так вот этот

доктор, когда было создано гетто, предложил немцам в принудительном порядке сделать всем евреям, якобы для борьбы с возможными эпидемиями из-за большой скупченности, некие прививки. После этих прививок люди начали массово болеть тифом. Моя сестра также заболела тифом.

В один, далеко не прекрасный день, на рассвете, помню, это была пятница, т.к. мама пекла хлеб в канун субботы, стук в двери, окна, команда собратсья в течении пяти минут и выйти на улицу. После этого нас собрали в первой школе. Затем стали по 200-300 человек отправлять в баню. В бане нас заставили раздеться, якобы для дезинфекции. В бане мы не мылись, но всем, опять по распоряжению того же Белецкого, всем сделали уколы. Объяснили: это делается для того, чтоб мы не болели. А на следующее утро нас погнали. Это было уже под праздник Ханука, был декабрь месяц. Идти было очень тяжело. Дорога – сплошное болото. Громадная колонна. Шли без остановок. Если кто-то нагибался, чтобы попить хотя бы из лужи, тут же получал удары палками, либо прикладом, или даже пулю.

- Вы лично видели, как убивают за то, что человек хотел попить?

- Да, я это лично видел. Сколько стариков, которые не могли дальше идти, остались лежать на той дороге! Я всё помню, мне уже в ту пору 12 лет было. Я даже помогал родителям нести младшего братика на руках. Моя сестра с нами не шла, она оставалась в тульчинской больнице с тифом. В колонне, я думаю, было порядка 3000 человек, все тульчинские. Вели, словно военнопленных, сопровождали собаки, людей из близлежащих сёл близко не подпускали. Гнали нас целый день. В селе Торков нас загнали в конюшню, где и переночевали. Наутро всех стали выгонять на улицу. Кто не мог идти, тут же пристреливали.

- Вы это видели, как пристреливают?

- Да, своими глазами. Мы своей семьёй держались вместе. В какой-то момент всех внезапно остановили. Отобрали примерно 20 мужчин и расстреляли. Объяснили, что пытались бежать. Впоследствии, после войны, на этом месте был установлен мемориальный знак.

К вечеру второго дня нас пригнали в Печору, к бывшему имению графа Потоцкого, до войны там размещался санаторий.

Перед нами открылись и за нами закрылись ворота. Я запомнил то, что увидел. Большой трёхэтажный корпус, недостроенное здание (мы это потом называли холодильник), несколько барачков, огромная парковая зона, обнесенная по периметру 2-х, а местами и 3-х – метровым забором с колючей проволокой наверху. Наша семья попала в барак. Мы ужаснулись: впереди одна дорога – смерть. Кушать не давали. Пить не давали. Воду доставали из реки Южный Буг, к ней надо было спускаться вниз по крутым 170 ступенькам. Эту добытую воду мог выбить из рук комендант Березюк, зверь из местных сельчан. В маленьких комнатах размещались до 40 человек. Быстрее всего умирали в «холодильнике». К забору нельзя было близко подходить, можно было схлопотать палку или плётку, а то и пулю.

- До вас кто-то был здесь, вы кого-то застали?

- Нет. Мы открывали лагерь. Были, так сказать, первооткрывателями. Может, поэтому нам досталось больше, чем другим. Первая партия узников была именно из Тульчина. В конечном итоге, практически все тульчинцы попали в этот лагерь. Через несколько дней пребывания в лагере мы поняли, что отсюда только один выход – в могилу. Что говорить: ни еды, ни воды. Вслед за нами стали появляться новые партии узников. Вначале огромные, затем – поменьше, по двести-триста человек. В это время в Тульчинском гетто осталось примерно два десятка семей. Все они размещались на одной улице – Володарского. Это были ремесленники: заготовщики, часовые мастера, портные, сапожники. Т.е. те, кому не было замены. Впоследствии все они остались живы. Немного вернусь к моей сестре, которая оставалась в тульчинской больнице. Ей грозило быть угнанной вместе с нами, но нашёлся добрый украинец по фамилии Килимник, выдал её за свою дочь и она осталась в больнице. Но в феврале 1942 года она оказалась вместе с нами. А в лагерь всё прибывали и прибывали новые партии: из Брацлава, Шпикова, Тростянца, избежавшие расстрелов из Немирова, Ладыжина, других мест. Отдельная история – пересыльный пункт в Могилёв-Подольском, куда прибывали евреи из Бессарабии, Румынии, Буковины. Тем временем в лагере по мере скопления людей началась эпидемия тифа, дизентерии. В лагерь стал наведываться Белецкий вместе с начальником полиции Стояновым с тем, чтобы убедиться, с какой скоростью умирают

люди после его опытов. Сокрушался, если в день умирало не больше сотни человек. Говорил, 150-200 в день – это нормально, лагерь быстро опустеет. Первым из нашей семьи заболел отец, затем, через некоторое время, мать, потом я и братик. Где-то, в марте умирает мой братик. Повторно заболевает отец, как говорили сташие, воспалением лёгких. Поскольку в Печоре жили евреи, там даже бывали погромы, было и еврейское кладбище, где поначалу хоронили покойников из концлагеря. Там же похоронен и мой братик. Вслед за ним, уже в середине апреля, умирает мой отец. Как же хоронили там людей? Представьте себе две палки, связанные между собой двумя верёвками. Утром заходят в комнату люди с этим «снаряжением», спрашивают: сколько мертвецов? Как правило, шесть-восемь. И вот их укладывают на эти носилки. Люди больше похожи на скелетов, у кого-то свисает голова, висят руки и ноги, смотреть на это было невозможно... И так ежедневно. А Белецкий всё сокрушается: почему так мало умирают? Где конкретно захоронен мой братик, я до сих пор не знаю. Прихожу на это кладбище и кланяюсь каждой могилке. Впоследствии стали хоронить за селом в общих ямах, там и мой отец лежит.

Таким образом, в живых остались мать, сестра и я. Иногда некоторым «счастливчикам» удавалось перехватить картофелину, или кусок хлеба, которые местные сердобольные жители перебрасывали через забор. Иногда получалось что-то обменять на еду. У моей мамы был большой клетчатый платок, который и понесла в сторону забора для обмена. Её встречает тот самый Березюк: что несёшь? – Вот, платок хочу поменять на хлеб для голодных детей. – Давай мне платок, а завтра пришли ко мне твоего сына, я его выведу, самого накормлю и много хлеба дам. Назавтра я пришёл к Березюку и вместо хлеба получил много... палок. Как-то я узнал, что некоторые мальчики совершают побеги из лагеря, чтобы раздобыть еду. Попросил разрешения у мамы. Мама ответила, что её брат Мойша поплатился расстрелом за такую попытку. Я ей: так умрём ведь с голоду. Мама: умрём все вместе. Я маме: у меня нет больше сил голодать, хочу умереть. Либо попытаю счастья вместе с другими мальчиками, либо утоплюсь в Буге. Мама пошла за советом к её отцу, он находился в другом бараке. Отец сказал маме после её рассказа: какая уж теперь разница, как он погибнет: утопится,

или будет пойман и убит. Пусть идёт. Останется хоть какой-то шанс выжить. После этого мать разрешила. Был такой мальчик Яша, который имел опыт и знал все дороги, ему понадобился напарник, побег надо было совершать вдвоём из-за высокого забора и он согласился взять меня ночью с собой. Велел только приготовить торбочку. Это было довольно опасное мероприятие: надо было опасаться и охранников, и сельских пастушков, которые сдавали беглецов, и собак. Так, или иначе, первый поход за едой завершился успешно. Мы благополучно добрались до какого-то села, кажется, Бортники. Люди надавали нам хлеба, фасоли, картошки и т.п. После чего, уже в следующую ночь, скорее под утро, возвратились в Печору. Мать, конечно, обрадовалась и тому, что живой вернулся, и тому, что принёс спасительную еду. Впоследствии было ещё очень много таких вылазок, эти мои побеги, по сути, во многом помогли нам выжить.

- Как всё происходило уже у дома, куда вы приходили? Как к вам относились, не отказывали ли вам?

- Должен сказать, что в большинстве случаев относились очень хорошо, кормили и заполняли наши торбочки до краёв тем, что имели. По сути, мы спасали и себя и наших родителей. Всё наше пребывание в лагере – это была борьба за выживание, мы были абсолютно оторваны от всего остального мира. Но вот, где-то в сентябре 1942 года к нам стали поступать евреи из Могилёва-Подольского, а вместе с ними, евреи из Румынии, Буковины, Бессарабии. От них мы узнавали, что вокруг существует какая-то еврейская жизнь, не везде концлагеря, есть гетто, где, худо-бедно, евреи как-то выживают. И вот однажды, кто-то из вновь прибывших евреев, узнав, что я знаю дороги вокруг лагеря, попросил стать для небольшой группы проводником. Они, мол, договорились за деньги с полицаем, тот их выпустит, а моё дело – помочь им найти нужную дорогу. Но это всё оказалось провокацией. Была устроена засада во главе с известным в лагере головорезом Сметанским, все были пойманы и зверски избиты, а мне этот изверг сломал руку.

Отдельная история – поход по воду в лагере. Все ходили к реке Южный Буг. На противоположной стороне Буга – уже не Транснистрия с румынской властью, а территория под немецкой властью. Там находились немцы и тренировались в стрельбе по

живым мишеням, т.е. по нам, узникам Печорского лагеря. Так, очень часто поход за водой заканчивался гибелью. Некоторые отчаявшиеся пускались зимой по льду на другой берег, тогда этот лёд становился красным от крови.

- Были ли в лагере случаи спасения бегством семьи или одиночные?

- Были. И я сам мог бы в очередной раз сбежать и не возвратиться в лагерь, но я не мог оставить мать и сестру. В 1942 году в лагерь приезжали немцы и забирали людей на работу. Выгоняли всех на улицу, выстраивали в колонну. Кто не мог выйти, тут же пристреливали. В колонне сортировали: одних налево, других направо. Если попадалась подходящая для работы мать с ребёнком, тут же отбирали ребёнка и убивали о дерево или оземь.

- Вы сами это видели?

- Видел. И видел, как насиловали прямо в лагере. Таким образом на моих глазах изнасиловали мою соученицу, имя не хочу называть. Скажу вам честно: мне хотелось жить. Но выдерживать ту жизнь я уже не мог и не хотел. Вскоре после той сортировки и после моего очередного похода за продуктами какая-то добрая крестьянка, увидев нас с моим напарником за пределами лагеря, предупредила: «не вертайтесь у Печору, вже копають ями, вас усіх будуть розстрілювати». Прошло несколько дней, в лагерь заезжают машины с эсэсовцами, среди них латыши, эстонцы.

- Откуда вам это известно про латышей и эстонцев?

- Сейчас объясню. С нами была переводчица, Полина Зельцер, она пояснила, что в шапках с кокардами – немцы, те, что в пилотках – прибалты. И вот начали загружать людей в машины. Вывезли одну, две, или больше машин, я не знаю, не видел, стоял возле фотана, а вывозили от ворот, где было много людей. В лагере был румынский комендант по фамилии Стратулат. Узники между собой называли этот лагерь «Мёртвая петля», кто дал это название, мне неизвестно, но это была действительно петля, которая затягивала и спасения практически не было. *Забегая вперёд, от себя добавлю, что в дальнейшем я узнал, кто из узников первым придумал это название лагеря. Интервью с этим человеком – впереди.* Сюда, в петлю, загоняли, а отсюда вывозили покойников. Как вывозили

покойников? Запрягали тех же узников летом в телегу, зимой – в сани, загружали покойников и – в ров, или яму. Бывали случаи, когда живые забирались под покойников и таким образом убегали из лагеря. Возвращаюсь к ожидаемому расстрелу. Вдруг наступила тишина. Выходит Стратулат с переводчицей Полей и она объявляет: «Евреи, вы спасены, вас не будут расстреливать». И если вы думаете, что люди, обрадованные, стали быстро расходиться, вы ошибаетесь. Многие надеялись, наконец, расстаться с такой жизнью...

В очередной побег за продуктами мы с напарником направились в Крыщенцы. Здесь нас и поймали румынские жандармы. И начались наши мытарства. Сначала – подвал в селе Гриненки с порцией тумачов, затем – Брацлав, дальше – Монастырище. Там нам хорошо запомнился полицай по фамилии Вовк, особенно его плётка с медным наконечником. А дальше, через несколько дней, примечательное село Вышковцы. Опять нас побили. Да так, что, сколько буду жить, буду помнить. А потом свершилось чудо: нас выходил какой-то старик. К сожалению, ни фамилии, ни имени его я не знаю. Надеюсь, он – в раю, потому что заслужил. В общей сложности, мы скитались больше месяца. Уж не знаю, кто привёл нас обратно в Печору. Когда мать узнала о моём возвращении, упала без чувств. Уже не надеялась увидеть меня живым.

В октябре 1943 года начали давать по одному разу в день похлёбку. А ещё, какая радость, мамалыгу, малай, хлеб. Но надо было ещё дожить до сорок четвёртого года. А лагерь продолжал вымирать. Уже три громадных рва были завалены трупами. Такая, с позволения сказать, жизнь наша продолжалась до 14 марта 1944 года, когда, наконец, нас освободила Красная Армия. Любопытный факт связан с нашим освобождением. Случилось так, что я познакомился в мирное время с неким господином по фамилии Нейман. И тут выяснилось, что именно этот человек, тогда в чине капитана, и был тем командиром, который со своим воинским подразделением первым вступил на территорию Печорского концлагеря. Впоследствии он рассказал, что имел приказ двигаться после Печоры дальше на запад, бить фашистов. Но когда ему кто-то сообщил, что в лагере томятся еврейские узники, он, в нарушение приказа, изменил маршрут и

стал нашим ангелом-спасителем. В дальнейшем, я имел длительную переписку с этим замечательным человеком.

- Можете ли оценить, сколько узников побывало в Печорском концлагере?

- Трудно сказать. Тогда я был слишком мал, чтобы понимать всё, что происходит и определять количество людей. Если учесть, что только в Тульчине до войны проживало больше 10 тысяч евреев и почти все прошли через Печору, и большинство там и остались навечно, а ещё многие тысячи из мест, которые я называл в ходе интервью, можно предположить, что не меньше 25-30 тысяч.

Как обычно, последовала третья часть интервью, в которой Михаил рассказал о послевоенном периоде своей жизни, в которой было ещё немало трудных дней, а также демонстрация множества фотографий. Большинство фотографий отображали огромную общественную деятельность Бартика на посту руководителя Тульчинского союза бывших малолетних узников. При его непосредственном активном участии были сооружены памятники: в Торкове, где состоялся упоминавшийся в интервью расстрел; в селе Бортники, где погибли многие жители Тульчина; грандиозный памятник со скульптурой в селе Печора. Затем состоялось ещё выездное интервью с Бартиком, в ходе которого Михаил подробнейшим образом рассказал, где и что происходило в этом ужасном месте, а ныне – действующем санатории с великолепным парком, показал все памятные для него места. Как я сейчас жалею, что читатели не смогут увидеть эти моменты из интервью!

- Чем бы вы хотели завершить интервью?

- Мы там не надеялись, что выживём. Очень хочу, чтобы потомки наши знали, что с нами произошло. Очень благодарен Фонду, лично господину Спилбергу за возможность рассказать правду о том, что было на самом деле. Ведь в течение длительного времени государство не хотело, да и не позволяло упоминать о Холокосте на территории Советского Союза. Бывшие узники гетто и подобных Печорскому лагерей помалкивали о своих несчастьях: это означало пребывание на оккупированной территории и возможное сотрудничество с немцами. Даже на памятниках о погибших узниках-евреях из

антисемитских соображений было запрещено именно так и писать. Писали: покоятся советские граждане. Именно по этим соображениям я дал согласие на это интервью. Очень надеюсь, что когда-нибудь будет создана постоянно действующая выставка в память о Холокосте, о том, что нам пришлось пережить.

ЭСТЕР БАРТИК

- Как Вы узнали о начале войны?

- 22 июня мы с подружками игрались на улице Ленина. Слышим, люди вокруг говорят – война, война. Дома включили радио – звучит музыка. Мои домочадцы сначала не поверили, не представляли до конца, что это такое, но присутствовал страх. Мужчины сразу же потянулись к военкомату и – на фронт. Мой брат был допризывного возраста, получил повестку, ушёл на фронт и больше мы его не видели. Люди стали собираться в эвакуацию. У моего отца была лошадка, мы погрузили наш скарб на телегу и успели добраться только до Войтовки.

- К этому времени было ли известно, как ведут себя немцы по отношению к евреям?

- Всё было известно, поэтому и пытались эвакуироваться. Правда, часть евреев, у которых были, к примеру, свои крупорушки, радовалась. Надеялись, что с приходом немецкой власти будет узаконена частная собственность. Очень грустно было смотреть на убегающих на восток солдат Красной Армии. Жалкий вид был у них. Они говорили, что немцы, если и придут, то – нескоро. А на следующее утро сюрприз – немцы! Мы спешно собрались и направились обратно в Тульчин. По дороге нас остановили немцы и намерелись тут же нас уничтожить. Отец мой немного владел немецким, как-то ему удалось упрямить, нас отпустили. А в самом городе уже хозяйничали немцы. Многие дома горели, наш, правда остался цел. В сентябре евреи Тульчина стали жить в новом статусе – узники гетто. Нам пришлось перейти в другую квартиру, т.к. наш дом был вне территории, ограниченной гетто. В это время местный врач Белецкий стал проводить свои опыты по прививке заболевания на тиф. *Подробно на эту тему в ходе своего интервью говорил Михаил Бартик.* А в декабре уже был создан концлагерь в селе Печора. Место выбрали идеально: с трёх сторон каменный забор, с четвёртой стороны – река Южный Буг. Мы понимали, что нас ждёт участь стать узниками этого лагеря. В этот страшный момент к папе пришёл наш знакомый, украинец по фамилии Антонюк, и предложил забрать наши хорошие вещи (всё равно

пропадут), а заодно взять к себе Фирочку, т.е. меня. Я была беленькой, скорее славянской внешности, чем еврейской. Другими словами, спасти меня. Папа спросил меня: пойдёшь? Я категорически отказалась, сказала: куда вы, туда и я... *Дальше последовал рассказ о «допечорском» периоде, близкий к тому, что рассказывал Михаил. Повторяться нет смысла, надеюсь, читатель меня поймёт. Продолжу рассказ Эстер с момента попадания на территорию Печорского лагеря.*

... В Печоре нас разместили в корпус без окон и дверей. Возможно, тот самый «холодильник», о котором упоминал Михаил. На следующий день моя сестра Хана, «разведав» обстановку, нашла места в основном трёхэтажном корпусе. В одной из комнат разместились папа, мама, две сестры с маленьким ребёнком и я. В другой – две мамины сестры. Забегая вперёд, скажу, что места появлялись постоянно, так как люди умирали постоянно. Какие же там были условия для жизни? Об отоплении и речи не может быть. Лежали в три ряда: по одному у стен и третий- посредине. Т.к. мы пришли позже, наш ряд был посредине и у самых дверей. Каждое утро заявлялись евреи, из наших же и спрашивали: сколько? Т.е., сколько за ночь появилось мертвецов. Другие приходили и забирали трупы. Кушать не давали, питья не было. Мама прихватила с собой чайник и ещё была на всех одна ложка – вся утварь. У нас были с собой кое-какие вещи – пальто, валенки. Начали постепенно обменивать на продукты. Как-то сестра попросила мужчину, выбиравшегося из лагеря за продуктами, прихватить и её платок для обмена. Однако, его поймали и убили. В результате: ни мужчины, ни продуктов, ни платка. Что-либо сварить, даже если появлялись какие-то продукты, было проблемой. Некоторые женщины приспособились разводить костёр прямо на улице и за «вознаграждение» варили для других какую-то похлёбку. Да, чтобы сварить, нужна ещё и вода. Воду надо было приносить из Буга, а это – целая проблема. Даже, если и приносили чайник воды, то это только для приготовления еды. О том, чтобы помыться, не могло быть и речи. Иногда спасал снег. Но и там подстерегала опасность: вши. Вши были кругом, люди выносили вещи и вытряхивали этих вшей прямо на снег. Почти поголовно свирепствовал тиф. Это также коснулось меня и моей сестры Розы, мы обе заболели тифом. Я и сейчас не

могу понять, как мы обе остались живы. Ведь лежали с этим тифом в холоде у самой двери, на голом полу. Без всяких лекарств. Отдельная деликатная тема: поддержание хоть какой-то элементарной чистоты. Не каждый мог по нужде выйти на улицу. Утром в коридоре надо было убирать, не каждый мог это делать. Находились люди, которые убирали, а за это со всех палат собирали «оплату» – хлеб, картошку... Надо сказать, среди этого всего в коридоре обнаруживались и трупы, особенно, в тех случаях, когда это был последний член семьи. Даже умирающего, его выносили умирать в коридоре. Я проболела тифом, наверное, месяца три, а Роза – четыре. К весне мы каким-то чудом выжили обе. Да и мама оклемалась и даже возилась с внуком.

Эпизод о порядочности людей. Ещё до Печоры мой отец дал одному украинцу из села Михайловки, фамилии не помню, две пары валенок, за что тот должен был уплатить 200 рублей, или два пуда муки. Но, случилась Печора. И вот одной женщине, которая выбралась из лагеря и попала в Михайловку, этот мужчина передал для нас 20 немецких марок. Какое благородство! Да и женщина поступила очень благородно по отношению к нам: всё отдала. Мы на эти марки довольно долго смогли продержаться!

То, что с нами происходило, невозможно описать. Но Вы не можете себе представить, чего мы только насмотрелись в лагере! Никогда не забуду лежащую мёртвую женщину и ребёнка, продолжающего сосать её грудь. А их обоих терзают полчища вшей. В нашей палате умирал бывший бухгалтер Кирнасовского сахарного завода. Умирал с голоду. Как тяжело он умирал! Как причитал: разве мог себе представить я, главный бухгалтер, что буду умирать с голоду. А что сделала женщина в нашей же палате?! Об этом и рассказывать страшно. Когда её двухгодовалый малыш настойчиво и непрерывно просил кушать, а дать ему было нечего, женщина встала ногами на ребёнка и затоптала его насмерть. Это произошло на наших глазах! По другую сторону Буга стояли немцы. Иногда они заходили на территорию лагеря и насиловали приглянувшихся девочек. Так произошло с моей подружкой по Тульчину, старшей меня на год. А когда в лагерь наведывались Стоянов с Белецким и уточнялись данные о ежедневных смертях,

вводился, так называемый, строгий карантин. Это означало полный запрет на приближение к спасительному забору, у которого происходил обмен вещей на еду. Доставалось также и украинцам по другую сторону забора. Чего, мол, ходите сюда? Некоторые приходили смотреть на нас, как на зверинец, а мы чувствовали себя экспонатами, но многие искренне хотели нам помочь. Бывало и так, что по строгому карантину запрещалось даже выходить из корпуса. В подвале был изолятор. Это был какой-то кошмар! Туда сбрасывали совсем одиноких, в том числе детей, у которых поумирали все родные. Я, как и все дети, заглядывала туда. Видеть, как совсем опухшие от голода дети страдают, было невыносимо.

К весне мы уже расстались со всеми вещами. К этому времени умерли обе мамины сестры. Мама перестала кушать, просто потому, что уже не за что было купить. Я стала просить маму, чтобы она отпустила меня вместе с другими детьми выбраться из лагеря, чтобы найти пропитание. Мама категорически запретила, сказала по-еврейски: мы с отцом пожертвуем собой ради того, чтоб вы, дети остались живы. В один день она нас собрала и объявила, что у неё кровавый понос, что скоро умрёт и заклинала, чтоб мы держались вместе и поддерживали друг друга. Папа ещё был жив. Она ещё пожила три дня и в страшных муках, при полном сознании, ушла из жизни. Ровно через неделю не стало папы... Для нас наступила полная «свобода»: не у кого больше спрашивать разрешения, делай, что хочешь. Хочешь – живи, хочешь – умирай. Делать было нечего, стали мы с сёстрами по очереди совершать побеги из лагеря и добывать пропитание. Однажды, по возвращении с очередной «охоты», меня перехватил полицай по фамилии Сметанский и учинил надо мной экзекуцию: огрел меня двадцатью пятью нагайками. Чуть живую, меня привели в палату. К этому времени одна моя сестра Роза скиталась где-то в окрестностях лагеря, Хона не могла оставить на меня, побитую, своего сыночка. Наверное, это был самый трудный момент за всё время пребывания в лагере. Вы уж извините за подробности, многие, с кем делилась, не верили, но доходило до того, что я извлекала вишнёвые косточки, промывала в речке, камешками разбивала и ела семечки. И траву ела. В один из таких моментов меня увидела жена маминого брата.

Необыкновенной красоты женщина, умная, обаятельная. Говорит, Фирочка, что с тобой, ты такая худенькая. Я сказала, как есть, мол, уже ничего нет у нас. Она повела к себе и дала мне, как сейчас, помню, большую медную кружку с двумя ручками, полную ржаной каши. Можете представить, какой у нас с Хоней был праздник с этой кашей. Пару дней мы пожили на этой каше. Через несколько дней после этого эпизода по этапу привели в лагерь мою сестру Розу. Сумела раздобыть у Тульчинских знакомых двадцать марок, где прятала их, до сих пор не может вспомнить. На этом подспорье сумели пожить ещё какое-то время. Затем были ещё побеги и так просуществовали до сентября сорок второго года. *Дальше последовал рассказ о готовившемся, но так и не состоявшемся расстреле, о котором подробно рассказывал Михаил Бартик в своём интервью.* Затем в лагере появилась огромная партия вновь прибывших. Это были евреи из Могилёв-Подольского. От них мы узнали, что во многих еврейских местечках вблизи от наших мест, в гетто, продолжают жить евреи и их не убивают. Упоминали Шаргород, Копайгород, Мурафу, Красное, ещё некоторые. У моей сестры Хоны свёкр со свекровью жили в Копайгороде. И тут Хона предложила выбираться из лагеря и пробираться в Копайгород: там, мол, живут родители и сёстры мужа и они нас приютят и как-то поддержат. Как же туда добраться, не зная дороги? Нашли женщину из села Вышковцы, отдали ей наш чайник и попросили довести нас до Мурафы, куда она знала дорогу, и пустились в путь. А некоторые евреи из лагеря кричали полицию: смотрите, вот они убегают.

- Евреи из лагеря?!

- Да, представьте себе, евреи из лагеря. На наше счастье, он не услышал, видно, судьба такая. Была зима, жуткий холод. Мы полуголые, чуть живые, добрались до села Красное. Там нас пустили в дом, покормили, подсушили наше тряпье, после чего пошли в Мурафу. Там нас тоже пустили в какой-то подвал, опять переночевали, но байковый платочек с головы ребёнка пропал. Хона завернула головку в свой ситцевый платок, но ребёнок замёрз окончательно. В следующем селе хозяйка предложила нам двигаться дальше, а ребёнка уже сама похоронит. Хона – в истерике, крик, плач. Сыновья хозяйки принесли молоко, нагрели, стали приводить ребёнка в чувство и

он... вернулся к жизни. Следующим нашим пунктом стал город Шаргород. В какой дом мы ни просились, нас никто не хотел принимать. Переночевали в украинской семье в соседнем селе и двинулись на Копайгород, надеясь, что уж там-то нас примут с рапростёртыми объятиями: всё-таки родня. Не тут-то было. Нас приютили на три дня, даже не покормив по-человечески, после чего Хона сказала: возвращаемся умирать в Печору. Это была зима 1943 года. На обратном пути в Печору нас прихватил полицаи, принял за «сталинских шпионов», после чего мы угодили в тюрьму в селе Лучинец. В конечном итоге нас выпустили из тюрьмы и мы продолжили свой путь в Печору. Кое-как, со всякими приключениями, мы добрались до Печоры. Люди, увидевшие нас, возвратившихся в этот ад, глазам своим не поверили. Как же так? Уйти из Печоры, побывать в еврейских местечках, фактически на свободе, и вернуться в сюда же! А мы: здесь умерли наши родители и наша судьба – тоже умереть здесь. Но, вместе с тем, борьба за выживание продолжилась. Опять побеги, опять избиения, опять мытарства, опять ночёвки в мороз под открытым небом и т.д.

С нами в палате была некая Фейга Карлик из Шпикова. Она нам говорила: вот скоро умрёт моя мама, я вам дам одеться, я вам заплачу, буду кормить по дороге, а вы меня выведёте в Джурин. Там, мол, живут родители её мужа, они приютят её и, возможно, нам помогут. На том и порешили. Сначала мы добрались до села Красное. Опять нас никто не хотел впустить, опять мытарства... Наконец, мы добрались до Джурина. Родственники, конечно, обрадовались появлению Фейги, нас принять отказались: узнают, что из лагеря Печоры, будут проблемы. Но посоветовали пойти в синагогу, там помогут. Однако, в синагоге нас не приняли: просто некуда. Там, и в самом деле, народу было полным- полно. Пошли за помощью в общину, которой руководили румынские евреи, не местные. А там сказали: вы пришли из Печоры – туда и возвращайтесь. Но второй раз в Печору мы решили не возвращаться. Там же, в Джурине, обнаружился наш земляк из Тульчина, Миша Гершман. Он посоветовал вести себя смелее, не просить никаких разрешений. Вместе с ним возвратились в синагогу, разместились прямо на пороге, так и остались. Со временем, поскольку люди умирали, у нас появилось постоянное

место. На деньги от Фейги стали покупать продукты, главным образом, хлеб, стало полегче. А когда деньги кончились, стали ходить по домам побираться. В Джурине этот процесс был «великолепно организован». В каждый день недели были определены конкретные дома, в которые следует прийти за подаванием. Стояла огромная посуда с нарезанными маленькими кусочками хлеба и каждый вошедший мог взять себе кусочек. Затем нас переселили в большую синагогу, где стало полегче с «жилъём». После чего мы попали в женскую часть синагоги. И последним местом нашего пребывания в Джурине стал открывшийся детдом.

Здесь хочу сделать маленькое отступление от рассказа Эстер Бартик. Я сам родом из Джурина и также был узником Джуринского гетто, правда совсем уж малолетним. К моменту начала войны мне исполнилось всего лишь пять месяцев. Естественно, сам я ничего не помню. Сведения о том периоде я черпал из рассказов старших братьев. Более значительную информацию о Джуринском гетто с точки зрения румынских узников я получил из подаренной мне части книги «Живой и благословенный» некоего Менаше Миллера. А подарил мне копию этой книги мой земляк, бывший узник Джуринского гетто, а также Печорского лагеря, Яков Хельмер. Рассказ самого Якова о своей судьбе – впереди. И вот – фрагмент из повествования Менаше Миллера, касающегося Джуринского детдома: «24 октября 1943 года открылся сиротский приют для 50 круглых сирот. В этот день состоялось торжественное открытие в присутствии уважаемых людей – нашего раввина, местного раввина Цви Гершл Коральника, Макса Розенбауха, Моше Каца и др. Сироты были чисто одеты и накормлены. Еврейская община Бухареста прислала одежду и обувь. Однако было ещё недостаточное количество одеял, и это в преддверии предстоящей зимы. Адвокат Бернард Горт взял на себя управление сиротским приютом, ему помогала сестра. В доме были чистота и порядок. Наконец-то у сирот была крыша над головой, еда для существования. Им не нужно было слоняться по улицам и копаться в мусоре в надежде найти остатки еды. Невозможно было без слёз смотреть на этих деток и горячие слёзы стояли в глазах присутствующих...» Мне остаётся только

добавить, что перевод с иврита делала также моя землячка Алла Розенцвит.

Возвращаюсь к рассказу Эстер. Там, в детдоме, мы и оставались до момента освобождения Джурина.

- Какие власти в тот период были в Джурине?

- Главной властью была румынская жандармерия. В какие-то моменты на небольшой период там появлялись и немецкие руководители. Была также и еврейская община и еврейская полиция. Не надо забывать и об украинской полиции. Так, что властей хватало. Я позже вернусь к моменту освобождения Джурина. Но сейчас я хочу вспомнить моих земляков, знакомых, которые погибли в Печорском лагере. У Ривы Петрогалис было шестеро детей. Ни один ребёнок не остался жив. Я встретила Риву в Джурине без единого ребёнка. У тёти моего мужа было восемь мальчиков – ни один не выжил. Многочисленная семья моей подруги Гити Крайзенберг вся вымерла. Такая же участь постигла семью Краковецких. У нашего соседа Неймана вымерла вся семья. То же самое могу сказать и о семьях Кодебман, Бекерман, Кватерман, Нины Маклер. Уже после войны по памяти мы составили списки погибших в лагере, их оказалось больше 4000. Отпечатали в алфавитном порядке.

В какой-то момент появились новые румынские евреи и стали составлять списки детей румынского, буковинского, бессарабского происхождения и вскоре этих детей увезли. Это происходило буквально перед освобождением. А освободили Джуринов 18 марта 1944 года. До этого мы успели насмотреться на жалкий вид отступающих немцев. А красноармейцы, наоборот, выглядели более прилично в полушубках, телогрейках, шапках-ушанках, сапогах. Мы пробыли в Джурине ещё 3-4 дня, после чего вместе с сёстрами, тоже оказавшимися в Джурине, отправились в Тульчин. Позже выяснилось, что в Джурине спаслось, по крайней мере, человек сорок из Тульчина. Не передать словами ощущения, которые мы испытали, прибыв в наш родной свободный Тульчин! Дома нашего, конечно, не было, вселиться не было куда. Но наша инициативная Хона быстро сообразила, где мы можем поселиться. Вслед за уходящими войсками из Тульчина стали выбираться румынские еврей-узники гетто. В одну из таких комнат нас и вселила вездесущая Хона. Так мы и стали жить в освобождённом Тульчине. Так и

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

завершились наши мытарства. Нельзя говорить о том, что наступило благоденствие - ещё был впереди год продолжающейся войны, да и после войны были трудные времена. Но самое страшное – печорский ад – осталось позади!

АРКАДИЙ ПЛОТИЦКИЙ

Я сейчас вспомнил, что оператор Валентин Долина, с которым мы вместе брали все видеопортреты на Украине, после окончания беседы с Аркадием предложил сделать художественный фильм, а в качестве прототипа использовать юного Плотницкого. Надо срочно искать подходящего мальчика с хорошими вокальными данными и владеющего хорошим украинским языком, говорил Валентин. Не могу сказать, реализовал ли Валентин свою идею. Вскоре я эмигрировал в Америку...

- Скажите, в Вашем доме были разговоры о предстоящей войне?

- Я помню, что в 1937-38 г.г. в доме говорили об арестах некоторых наших соседей. Радио в доме не было, информация была скудная, но было известно о мобилизации взрослых мужчин в связи с белофинской войной, как её называли, а также событиями в Западной Украине. А когда началась Великая Отечественная война, я помню поднявшего и целовавшего меня отца в военной форме, наголо остриженного. Больше мы его не видели. Была паника, люди плакали, это правда. Но были разговоры и другого плана. Многие считали, что, может, и неплохо, что придут немцы. Дадут возможность торговать, появятся предприниматели, частная собственность.

- Было ли известно об уничтожении евреев на оккупированных территориях в Европе?

- Очень мало мы об этом знали. Более информированные понимали грозящую опасность и принимали решение эвакуироваться. Моя тётя, мамина сестра, работала в банке. Сообщила маме, что банк эвакуируется вместе с сотрудниками и предложила маме присоединиться. Мама ответила отказом, мотивируя его нежеланием расстаться с тяжело доставшимся добром. Хотя жили мы не очень уж богато. Правда, иногда получали посылки от двух маминых сестёр из Америки. Помню, мы получили посылку, в которой были отрезки шерстяной ткани на платья для всех сестёр, а мне – красивый шерстяной костюмчик синего цвета.

Возвращаюсь к началу войны. Вначале была интенсивная бомбардировка, многие люди бросились бежать из Шпикова, в первую очередь, конечно, партийное и советское руководство. Но вскоре наступила тишина. Не уверен в точности по датам, но, примерно к третьему июля в Шпикове стало совсем тихо. А мы, бабушка, мама и три сестры, спрятались в доме. Однако, когда услышали треск мотоциклов, бабушка велела всем выйти. Взяли хлеб, молоко и вышли на улицу. И здесь я впервые увидел немцев. Все на мотоциклах, в касках, с закатанными рукавами и с автоматами. Когда они подъехали к нашему дому немец показал бабушке жестом, чтобы она отпила молоко, после чего из его уст прозвучала фраза, которая до сих пор стоит у меня в ушах. На чистом украинском языке он сказал: «Хліба не давайте. Самі не будете мати.» Это сказал человек в немецкой форме, кем он был на самом деле, понятия не имею. Возможно, из украинцев, успевших перейти к немцам. Они никого не тронули, попили молоко, развернулись и уехали. На следующий день в Шпиков вошли регулярные немецкие части, было совершено несколько убийств, в том числе был убит, например, еврей Фройка Осадчук. После чего немедленно было организовано гетто для евреев. Наш дом вошёл в территорию, ограниченную гетто. Было разъяснено, где евреям можно находиться, а где нельзя. Всем было велено нашить шестиконечную жёлтую звезду. Не могу с точностью сказать, как долго пробыли в Шпикове немцы, но после них появились румыны. Были также и итальянцы, и мадьяры. Интересный факт: в составе венгерской армии служили... евреи. Вокруг Шпикова до войны было пять колхозов, один из них был еврейским. В этом колхозе и разместились венгерские солдаты. Так они заходили в еврейские дома и на чистом идиш просили кошерную посуду.

Надо сказать, что полученные из Америки вещи в самом начале войны были предусмотрительно спрятаны в специальный тайник, вмурованный в печку. Кроме моего синего костюмчика. В этот период я впервые столкнулся с антисемитизмом. Разумеется, я тогда этого слова не знал, но ощутил на себе. Украинские ребята, с которыми мы дружили, перестали с нами играть, впервые я услышал слово «жид», появились полицаи с белыми повязками на рукавах, появился староста, начальник

полицейскому Шуренко, заявивший, что в коммунистическую партию вступить его заставили жида и т.д. Тем временем жизнь в гетто становилась всё хуже. Проблемой стала добыча пропитания. Люди обменивали вещи на еду, периодически собирали евреев на базарной площади, шли разговоры о предстоящих расстрелах. И вот в одно холодное осеннее утро, вероятно, это был ноябрь, всех евреев Шпикова собрали в очередной раз на площади и погнало. Сейчас я уже знаю, что это было село Рогозное, что в 12 километрах от Шпикова. К вечеру мы пришли в большое здание, скорее всего, клуб, потому что была сцена и оркестровая яма, а мы оказались на каменном полу. Колонна была огромная, сопровождали нас румынские жандармы и украинские полицейские. Кто не мог идти, тех добивали.

- Вы сами лично видели, как добивали?

- Да, я видел. Я также видел лежащих на дороге мёртвых. Я видел, как местные жители вырывали из рук евреев их пожитки. Я хочу Вам в связи с этим рассказать вот о чём. С нынешних позиций, оценивая описываемые мной события, сложилось стойкое убеждение, что мы не должны были быть угнанными. Дело в том, что в Шпикове ожидалось прибытие какого-то важного чина из Румынии, и его надо было достойно встретить, то есть, преподнести подарок. Стали собирать драгоценности, золотые, серебряные ложки, кольца, серьги, кулоны и т.п. А вручать должны были три еврея, наиболее авторитетные люди. Помню фамилию только одного – Фольфензон. Подробности не знаю, но подарок не был вручен. В Шпикове жила некая Хуторянская, у которой было три коровы. На эти коровы положил глаз местный священник Петровский. Когда случился скандал с неврученным подарком, сельский сход в церкви с подачи Петровского вынес решение: «Вигнати усіх жидів». Что и было сделано. Ведь из многих еврейских местечек евреев не выгоняли, люди мучились в гетто, но остались живы.

Например, в моём родном Джурине. Я сейчас вспомнил похожий эпизод, описанный в тех самых записях Менаше Миллера, о которых шла речь в предыдущей главе. Менаше пишет: «В феврале 1942 года возник очень серьёзный конфликт между общественными деятелями: с одной стороны господин Зонтаг, с другой – господин Карпет и госпожа Розенцвайг (речь

идёт о членах Еврейского комитета, состоящего, главным образом, из прибывших в Джурин румынских евреев – М.Б.). Господин Зонтаг обвинял своих оппонентов в том, что они не передали всю собранную для взятки местному начальнику сумму, а присвоили себе часть суммы. Этот спор грозил разъединением еврейской общины. Вопрос поставили перед Еврейским комитетом. И, лишь после его вмешательства, и приложенных больших усилий спор разрешился, спасая жизни многих евреев». *С ужасом думаю о том, что могла повториться Шпиковская история, рассказанная Аркадием Плотицким. И что произошло бы со всеми нами, в том числе, вашим покорным слугой?!*

- Вы предполагаете, что главная причина высылки шпиковских евреев: отказ от подношения румынскому начальнику.

- Это, а также настрой местного населения. Должен сказать, что в этот период люди стали проявлять свои самые низменные качества. Такой пример. У сына ветврача Якубова была любимая девушка, еврейка, с которой только что отметил выпускной школьный бал. Когда она попала на работу в ветлечебницу, он стал всячески издеваться над ней: кончилась ваша советская власть, работай, жидовка. В Рогозном я чувствовал себя ужасно. Я был в Шпикове активным мальчиком, был лидером, заводилой, товарищи уважали меня. А здесь я как-то сник, втянул голову в плечи, всё время чувствовал себя униженным. Постоянно боялся полицаев, особенно запомнился Майкоса. В Рогозном появилось своё руководство во главе с Милей Школьником, между прочим, довольно порядочным человеком. Часто по утрам раздавалась его команда на идиш: народ, выходите на улицу выбивать вшей. Педикулёз был жуткий. Отсюда - чесотка, тиф. А ещё был врач, украинец. К счастью, я к нему не попал. Потому, что попавшие к нему, живыми не оставались. Наверное, он делал какие-то прививки. Когда мы в конце 1941 года попали в Печору, нас уже было гораздо меньше, чем прибыли в Рогозное.

- Все ли евреи были изгнаны из Шпикова? Все ли изгнанные попали в Рогозное?

- Да, все были изгнаны, в Шпикове евреев, по моим сведениям, не осталось, и все попали в Рогозное. И все

практически оказались в упомянутом клубе. Теснота была ужасная. Спали вповалку, в том числе, на сцене и в оркестровой яме. Бывали даже случаи, когда со сцены сваливались в яму и это вызывало бурную реакцию. Со временем, увы, становилось просторнее, т.к. как многие не выдерживали и умирали. Должен отметить, уже с нынешних позиций и немного забегая вперед, что мы, шпиговские, прибыли в Печору, как бы более подготовленными, закалёнными, что ли, более приспособленными. Сюда, в Рогозное, мы прибыли из тепличных условий, а здесь прошли очень суровую школу. Евреи вели себя по-разному. Поскольку территория считалась румынской, как часть Транснистрии, то и управлялась румынами. Надо сказать, что при всех трудностях, унижениях, болезнях, антисанитарии расстрелов, как в гетто и лагерях при немцах, не было. А местное еврейское самоуправление осуществлялось тоже румынскими евреями. Я уже упоминал Мило Школьника, который вёл себя вполне достойно. Чего не скажешь о еврейской полиции. Например, были такие Аврум Кандыба и Шор. Они высматривали, а затем докладывали украинским полицаям, у кого какие есть вещи, золотые украшения и т.п. Как результат, однажды Шора повесили. Таким мне запомнилось наше пребывание в Рогозном.

- Ваши ряды редели только за счёт голода и болезней, или были другие причины?

- Да, в основном, по этим причинам. Я не помню массовых расстрелов или угона людей на работы. Возможно, кто-то выбирался в соседние местечки в гетто, но доподлинно мне это не известно. В нашей семье взрослых людей не было, мы покорно ждали нашей дальнейшей участи. И участь вскоре пришла: нас погнали в Печору. Это было начало 1942 года. К тому времени в Печоре уже был налаженный лагерь.

- Какая перед вами предстала картина, когда вы добрались до Печорского лагеря?

- Первое впечатление для меня, мальчика: огромное скопление людей. Я до этого никогда не видел одновременно столько людей в одном месте. Мы оказались на третьем этаже большого здания в комнате примерно в тридцать квадратных метров человек на 25-30. Жуткая теснота, некуда приткнуться. Люди лежали впритык друг к другу. И в первый же день у нас

своровали два последних пирожка с горохом. Бабушка в то время ещё была жива, что-то шила и, как я помню, нас изредка кормили. Чем же нас кормили? В середине или конце дня в комнату заносили ведро «горохового супа». Гороха там не было, была густоватая вода. Чаще всего, когда заносили это ведро, все на него набрасывались и кончалось тем, что ведро опрокидывалось и «суп» разливался по полу. *Случались худшие финалы, о чём расскажу ниже из другого интервью.* В том синем костюмчике, который постоянно был на мне, хранились в карманчике некоторые деньги, которые мама предусмотрительно спрятала. Со временем и эти деньги иссякли. В конце концов мне сказали снять этот костюмчик, его продали за буханку хлеба. Я даже помню того мальчика, которому достался мой костюмчик, встречался с ним после войны. К тому времени бабушка ослабела, машинку швейную, последний источник существования, пришлось обменять на какой-то харч, деньги кончились... Мама и тётки занялись «предпринимательством». И меня включили в этот «бизнес». В подвале нашего корпуса располагался импровизированный базар. Я должен был спускаться в этот подвал и кричать: «Эйсы латанен», т.е. горячие деруны, картофельные блины. Мне дали 10 дерунов, которые у меня тут же вырвали, не заплатив. На этом наш «бизнес» был прекращён. После этого стали ходить по сёлам просить милостыню. Бабушка к тому времени умерла. По сёлам ходила мама и тётя Маня. Однажды, это было зимой 1942 года, мама возвратилась босиком: украинские мальчишки напали и сняли обувь. После этого она слегла и подняться больше не могла. Заболела и слегла младшая мамина сестра Хаита. А тётя Маня, бывало, уходила и неделями не возвращалась в лагерь. Стало быть, есть нам было нечего. Бывало так, что ни я, ни мама, ни тётя Хаита по восемь дней ничего не ели. Я знал, что некоторые мальчишки сбегали за едой из лагеря. Лагерь охранялся полицией с винтовками. В месте примыкания лагерного забора к Бугу можно было найти возможность выбраться из лагеря. И однажды я решился и пошёл в Печору. Мне было страшно, я боялся войти в чей-то двор, мне как-то стыдно было просить. Помню, в первый выход я принёс в лагерь пару картофелин и кусок хлеба. Потом умерла с голоду тётя Хаита. Тётя Маня, как я уже говорил, надолго исчезала из

лагеря, редко возвращалась. Фактически мы остались с мамой вдвоём. Со временем я осмелел, стал чаще выходить из лагеря. Затем у меня ... прорезался голос. Я стал петь людям. Моя «программа» состояла из двух частей. Первая – жалостливая, вторая – весёлая. К первой относилась тюремная дореволюционная: «... Солнце всходит и заходит, а в лагере темно, вокруг ходят часовые, стерегут моё окно...». Что-то в этом роде. Другая песня из моего «репертуара» была украинская: «У сусіда хата біла, у сусіда жінка мила...». После чего за мной закрепилась кличка «У сусида», так меня стали называть, а я откликался. Первые мои выходы за пределы Печоры были с женщинами. Я пел, им подавали. А при дележе мне почти ничего не доставалось. Так продолжалось до весны. Весной я решил ходить самостоятельно. Со временем я перестал брать картошку, чёрный хлеб. Я стал брать лук, чеснок, соль, белый хлеб и... нитки. Т.е. то, что было легче нести и оказывалось более эффективным.

- Извините, хочу уточнить. Белый хлеб вместо чёрного – это для снижения веса. А для чего нитки?

- Сейчас объясню. У мамы над головой висел мешочек. А сама она была вся исхудавшая, просто иссохшая, постоянно сидела на корточках или ползала на четвереньках. Поскольку я уходил надолго, я знал, что она всегда может обменять эти важные и нужные продукты и нитки на тарелку супа. Я осмелел настолько, что стал выходить из лагеря не прячась, полицаи меня знали и пропускали. Был такой Серёжа, фамилии не помню. Бывало, говорил: ну-ка, «У сусида», спой песню. Я пел и спокойно шёл дальше. А он спокойно пропускал, ибо знал, что я обязательно вернусь к маме. Мне сейчас трудно вспомнить имена людей, которые меня спасали в этих походах в разные сёла: Вулыга, Жашковцы, то же Рогозное, Ивоновцы. Я далеко уходил. Кстати, я всегда был чист: меня купали, мыли. Некоторые хотели меня усыновить. Очень жаль, что я не смог запомнить те дома и тех людей, котрые меня спасали тогда. Правда, бывало, и гоняли, но не били. Было и так, что я вместе с украинскими мальчишками пас скот. Но всегда возвращался в лагерь, к матери. Летом было намного легче, чем зимой. Зимой я далеко не уходил, надолго не отлучался, с питанием всё было намного хуже. К тому же несколько раз я замерзал. После того,

как меня несколько раз обманули при дележе, я ходил один. До сих пор помню свои ощущения при замерзании. Вдруг становилось совсем тепло, снится тёплая печь, вокруг благодать. Спыхватываешься, а тут жуткий холод, а ты совсем один, вокруг ни души. Из лагерных событий вспоминается жуткий случай, произошедший на моих глазах. Когда два полица, один из них по фамилии Сметанский, на спор, забавы ради, застрелили мужчину, нагнувшегося над ведром с вишнями. На следующий день, правда, у всех полицаев изъяли винтовки. *Затем Аркадий повторил рассказ о несостоявшемся расстреле узников лагеря, о котором читатель уже знает из интервью Михаила Бартика. Я решил не повторяться. Отмечу лишь, что Аркадий к моменту отмены расстрела уже сидел в головной машине.*

- Тем временем в лагере свирепствовал голод, болезни... К нашему расстрелу были подготовлены вырытые рвы. Поначалу умерших хоронили на Печорском кладбище. А в последующем все те рвы были заполнены трупами умерших от голода и болезней. Людями овладела полная апатия, страх и ужас, нежелание бороться, не двигаться. Просто лежали на полу и умирали. Бывало, разговариваешь с кем-то и вдруг он умолкает. Всё. Умер. В лагере было своё правление во главе с Циммерманом. Циммермана я помню. Помню переводчицу Полю, очень красивая была девушка. Говорили, что это именно она спасла евреев от расстрела. Не буду останавливать внимание на том, в каких она была отношениях с комендантом Стратулатом. Однако говорили, что именно она в критический момент уговорила Стратулата воспротивиться решению немецкого командования о расстреле, ссылаясь на юрисдикцию Транснистрии, как румынской территории. Была даже сложена песня в её честь, я её знал и пел, сейчас уже почти ничего из неё не помню. Справедливости ради, не могу вспомнить каких-то акций массовых расстрелов, или даже убийств со стороны румынских властей. Чего не скажешь об украинских полица, тоже, правда, не всех. Были более, или менее, вменяемые, просто несли службу. А были обыкновенные изверги, как, например, тот же Сметанский, Семиренко, «Мишка в кубанке», это была его кличка, он постоянно носил казачью кубанку на голове. Те уж по полной программе «отводили душу». Чуть что – избивали палками, плётками. Сметанский был невзрачным,

худым, низкорослым, вечно пьяным и всегда злым, визгливым и готовым к избиениям. Таким же извергом был и «Мишка в кубанке». Он, кстати, получил самую справедливую кару. На моих глазах его расстрелял еврей-офицер из пистолета. Отвёл в сторону и выстрелил в упор. Остальные впоследствии были осуждены к разным срокам, после чего благополучно вернулись. Считаю это несправедливым.

Особой жестокостью отличался врач по фамилии Вишневский. Выглядел очень импозантно: пальто с шалевым воротником дорогого меха, в котелочке, с тросточкой. Когда к нему обращались с просьбой помочь, он говорил: «Ты болен? Так подымай скорей». Помогал только тем, у которых можно было поживиться золотом или драгоценностями. Иногда встречал туда, куда ему не следовало по его статусу врача. Например, если где-то на задворках лагеря люди пытались сварить какой-то супчик, он мог подойти и запросто всё это опрокинуть на землю: не положено. Я, когда рассказываю всё это, подчас сам себе не верю. Как могло такое быть?! Люди целую неделю по крохам собирали крупу, картофельные очистки, луковую шелуху, чтобы хоть что-нибудь приготовить для еды, а он появлялся и за секунду лишал их этой похлёбки. Его я тоже видел после войны живого-здорового.

Кто выживал в лагере? Кто сумел собрать волю, кто был дружен, кто делал всё возможное и невозможное, чтобы выжить. Но многие черствели душой, ожесточались. Я помню, как, бывало, в комнату заходило двое детей: мальчик лет шести и девочка помоложе с двумя пустыми консервными баночками. Заходили и просто стояли. Кто-то ложил в эти баночки ложку какой-то еды, другие – брали за спину и вышвыривали. Мама, помню, говорила: ну, не даёте ничего, так хоть не бейте. Помню врача из Бессарабии, который тронулся умом. Красавец, высокий, с золотой коронкой. Заходил в комнату абсолютно голый, весь дрожал. Его также грубо выталкивали. Люди зверели. У меня перед глазами семья Крайтор из Румынии. Был отец, мать, дочь Эстер, сын Ойзер и совсем маленькая Блимочка. Наблюдал я однажды очень любопытный и поучительный эпизод. Отец в сёлах доставал кукурузную муку и варил мамалыгу. Вот он выкладывает мамалыгу на стол, достаёт нитку, чтобы разрезать и тут же маленькая Блимочка начинает

плакать. Почему же она плакала? Во время ритуала дележа мамалыги приговаривали: «Это – папе, самый большой кусок; это – маме, поменьше; это – Эстер, ещё меньше; Озеру – ещё меньше». Блимочке доставался совсем крошечный кусочек, поэтому и плакала. И как бы она ни плакала, ритуал неукоснительно соблюдался. В конечном итоге эта большая дружная семья вся выжила и благополучно возвратилась в Румынию.

Невозможно рассказать обо всём, что с нами происходило в Печоре. И дня не хватит. Вот, вспомнил такой эпизод. Рождество в 1944 году, 6-е или 7-е января. В лагере делать нечего. Голод гонит, выбираюсь в очередной раз в село, бесцельно брожу по Печоре. Вижу красный дом, я вам потом покажу его. Знаю, что в нём живут немцы. Тем не менее иду прямо к этому дому: голод гонит. У порога немец меня видит, по внешнему моему виду нетрудно догадаться, кто я и откуда пришёл. Говорит: «ком» и заводит в дом. Это не были боевые части, не то строители, не то индентанты, что-то в этом роде, немолодые. Спрашивает, хочу ли я кушать. А я уже дней семь или восемь не ел. Отвечаю: да. Приносит армейский котелок с кашей и мясом. Я этот котелок моменально опустошил. Он спрашивает: ещё? Я отвечаю – да. Приносит второй котелок. Я съедаю. –Ещё? –Да. К этому времени нас окружили остальные его товарищи. Короче говоря, я съел четыре котелка этой самой каши с мясом. После трапезы спрашивают: есть чёрствый хлеб – возмёшь? – Конечно, да. И они стали сносить весь хлеб, что у них был. В мешок вместились двадцать буханок. Понёс этот клад вдоль Буга и к вечеру заявился в лагерь с этим бесценным грузом. Я этот эпизод никогда не забуду и сейчас, когда я вижу, как иной раз разбрасываются едой, особенно, хлебом, у меня перед глазами история, о которой рассказал. Возможно, именно благодаря этому хлебу мы и выжили. Это был январь 1944 года. Расскажу ещё любопытную вещь. В феврале 1944 года уже была слышна канонада. Приближалась линия фронта. В какой-то момент из лагеря вывезли мужчин, молодых девушек. Остались женщины, старики, дети, инвалиды. Руководство лагеря больше времени проводило в сельских домах, чем в лагере. Мы стали чувствовать себя вольготнее. Но всё равно кушать было нечего. И тут мы с несколькими ребятами обнаружили склад прямо на

территории лагеря в подвале корпуса. Взломали замок, а там, внутри – мука, крупа, даже эмалированные кастрюли, вёдра, всё есть. Как потом выяснилось всё это добро поступало по линии Красного Креста ещё с 1942 года, но всё это пряталось от узников и использовалось руководством лагеря. В то время, как у них на глазах умирало по 300-350 человек в день, и эти трупы, как дрова вывозились в ямы. Кстати, вывозили, если было чем расплатиться. В противном случае родственники сами как-то выносили. Возвращаюсь к обнаруженному кладу. С вечера стали печь из муки коржи. С утра до полудня ждали, не приедут ли нас расстреливать и только после полудня позволяли себе кушать эти коржи, ибо знали, что немцы расстреливают только в первую половину дня.

К концу февраля канонада стала всё слышней. Где-то 8-10 марта я был свидетелем, как один немец говорил другому: «гитлер капут». Люди стали прятаться по погребам. Мама велела мне тоже идти прятаться со всеми, а сама осталась, так как была парализована. Утром 14 января я увидел у ворот лагеря новых людей: с оружием, в шапках-ушанках, с погонами на плечах. Радостный, с криками «Наши, наши» прибежал в нашу комнату. А мне в ответ: «Заткнись, сопляк, ты ничего не понимаешь». Дело в том, что узникам стало известно о трагедии в Тыврове. Туда ворвались красноармейцы, а затем немцы их вышибли оттуда, после чего были расстреляны все евреи. Тогда я обратился к еврейскому офицеру, который со своими солдатами вошёл в лагерь и попросил объявить по-еврейски узникам об их освобождении. *Это был тот самый капитан Нейман, о котором мне поведал Михаил Бартик в ходе своего интервью.*

С освобождением из Печорского лагеря мытарства автоматически не закончились. Мать парализована. В Шпикове никого и ничего нет. Тётя Маня как в воду канула. Всё где-то по сёлам обитает. Что делать, куда податься? Все тульчинские двинулись в Тульчин. Мама говорит: иди с ними, я останусь здесь, когда сможешь, с кем-нибудь вернёшься за мной. Дальше было бродяжничество с попрошайничеством в Тульчине. В конце концов, мне удалось вывезти маму из Печоры и вместе с ней мы возвратились в Шпиков. Когда возница высадил нас, выяснилось, что идти нам некуда. Дом наш разрушен, в

пристройке живёт чужая женщина. Стали проситься, никто не принимает: кому нужна женщина-калека с малышом. Ни за что не догадаетесь, кто нас приютил? Бывшая дворянка, вероятно, полька, знахарка и воровка. Она не бедствовала благодаря своим способностям. Мы у неё прожили несколько месяцев, пока не освободилась пристройка к нашему дому. Дальше, несмотря на освобождение из лагеря, я продолжал заниматься своим «искусством»: ходил по домам, теперь уже и еврейским, и пел, немного изменив репертуар.

- У меня ещё несколько вопросов по Печорскому лагерю «мёртвая петля». Знаете ли происхождение этого названия?

- Нет, не знаю. Мне теперь разъяснили понятие «мёртвая петля» из индейской мифологии. Но вряд ли это каким-то образом связано с названием лагеря. И кто автор этого названия, тоже не знаю.

- Были ли в лагере цыгане? Знаете ли случаи сексуального насилия?

- Цыган не видел. О сексуальных связях некоторых девушек с полицаями или румынами по согласию знал. Слышал об одном случае насилия, когда румын надругался над старухой.

- Была ли возможность выйти из лагеря семьёй через ворота и не вернуться?

- Теоретически такая возможность была, особенно за несколько месяцев до освобождения. Другое дело – многие ли воспользовались такой возможностью. Было известно, что практически во всех еврейских местечках были организованы гетто и евреев из лагеря туда не принимали из соображений собственной безопасности. Многие возвращались в лагерь. Во многих семьях оставались больные, немощные, которые не могли далеко уйти и их нельзя было оставить. Да и любому было небезопасно пускаться в дальнюю дорогу. И что их ждало «на свободе»?

- По вашей оценке, сколько человек побывало в Печорском лагере?

- Я считаю, не меньше 60-65 тысяч. Практически, весь еврейский Тульчин, Шпиков, Брацлав. Большая часть огромного Могилёв-Подольского. А ещё Черновцы областные, Бессарабия, большая румынская община. Ведь в Могилёв-Подольском был

пересыльный пункт. Очень многие из этого пункта попали в Печору.

Дальше последовал трогательный рассказ о нелёгкой жизни в Шпикове, затем в Тульчине, до и после Победы. А ещё было выездное интервью с этим замечательным человеком в Печоре, где Аркадий в подробных деталях показывал и рассказывал о памятных местах этого чудовищного лагеря смерти. Интервью с Аркадием Плотницким считаю одним из самых откровенных, самых содержательных и трогательных. Не менее интересным было интервью с моим следующим собеседником – Абрамом Капланом.

АБРАМ КАПЛАН

...- Каким Вам запомнился первый день после объявления войны?

- Первые дни войны запомнились частыми бомбардировками города Могилёв-Подольского. Здесь находился стратегически очень важный мост железнодорожный, который связывал Запад с Востоком. Немцам было очень важно этот мост разбомбить, поэтому бомбёжки были довольно интенсивными. Ну, а мы, моголевчане, прятались от бомб. Надо сказать, что немедленно был создан штаб МПВО, ныне – гражданская оборона, по радио объявляли: «Воздушная тревога, всем уйти в укрытия». Мы с семьёй прятались в старых армянских, турецких подвалах вблизи нашего знакомого Гарбера. Там обычно во время тревоги собиралось до двухсот человек.

- Я хотел бы конкретизировать свой вопрос. Когда стало известно о начале войны, как эта проблема обсуждалась в Вашем доме? Что говорили родители? Вставал ли вопрос об эвакуации?

- В нашем доме вопрос об эвакуации вообще не поднимался. Мы свято верили во все пропагандистские заверения, что наша Красная Армия остановит и разгромит любого врага и советским гражданам нечего опасаться. Только в очередную бомбардировку прозвучал призыв ко всему населению покинуть город. Выйдя из подвала мы вместе со всеми, не заходя домой, направились в сторону Шаргородской горы. Без еды, без документов, без чего-либо. Пешком мы добрались до городка Черновцы. В Черновцах был организован эвакуационный пункт. Для семей с детьми были предоставлены подводы, мы такой возможностью воспользовались и двинулись на Тульчин. Дети на повозках, взрослые пешком. немецкие самолёты пролетали над нами, но не бомбили. По дороге мы останавливались в Джурине, там нас покормили супом. К вечеру прибыли в Тульчин, а уже на следующее утро в город вошли немцы. Хозяин дома, в котором мы остановились очень просил, чтоб мы никуда не выходили.

Вскоре на нескольких мотоциклах подъехали немцы, осмотрели комнаты, сообщили, что здесь будут находиться немецкие офицеры и всех нас, включая хозяина, вышвырнули на улицу. Делать было нечего, без еды, без жилья, без знакомых людей. Взрослые приняли решение возвращаться в Могилёв-Подольский: там хоть есть знакомые люди, соседи. И мы на нескольких подводах поехали в сторону Могилёв-Подольского. По дороге было село Боровка, где накануне, как потом выяснилось, проходила жестокая карательная акция – расстреляли 600 евреев. Перед въездом в Боровку нас обнаружили немцы и украинские полицаи, ехавшие на машинах. Мы поняли, что попали в западню. Удирать было бессмысленно, они на машинах, мы въехали в село. На центральной площади полицаи нас остановили, велели сойти с повозок, усадили на землю и пошли звать немецкого коменданта. Появился комендант, с ним стала говорить по-немецки Рива Абрамовна Гольденберг, учительница немецкого языка. Она просила, чтоб он нас отпустил, объяснила, откуда и куда идём, сумела как-то разжалобить его, после чего велел полицаям вывести нас за село. Человек десять полицаев, вооружённых винтовками вывели нас за село, стали потехи ради стрелять в воздух, а мы все разбежались, кто – куда, главным образом, в лес. Только на следующее утро мы собрались около леса и продолжили свой путь в Могилёв. А в Могилёве нам навстречу двигалась крытая машина с румынами. Они стали кричать: «Жидан, жидан» и стрелять, правда, тоже вверх. Мы тут же убежали в лес. А там, недалеко, до войны были «салотопки», куда сгоняли бродячих собак, сдирали с них шкуры, а жир перетапливали на мыло. Туда никто не совался из-за ужасной антисанитарии и жуткой вони. Чугуны с топившимся жиром, летают огромные зелёные мухи, кругом шкуры. Там мы провели три дня, никто нас не искал. Мы пальцами снимали с этих казанов сало и ели, при этом никто не заболел. В конце концов, оттуда надо было уходить. Отец разведаль, что дом наш разграблен подчистую, остались разорванные фотографии и перья от подушек, что в Могилёве вылавливают евреев, что уже расстреляли нескольких, в том числе нашего знакомого Мишу Садецкого. После всего рассказанного нас приютил наш спаситель, человек по фамилии Збегин. *Фотография Збегина*

была на одном из стендов в офисе Могилёвской Ассоциации узников, которой руководил Абрам Каплан. Там было ещё много экспонатов, о которых расскажу позже. Младшего Збегина зовут Станислав Марьянович, старшего – Марьян Станиславович, мать – Дина Устиновна. По национальности они поляки. В дальнейшем, почти всю войну они нас прятали. Это были настоящие Праведники, Герои. Вначале они нас спрятали в сарае, точнее, в погребе этого сарая. Тут же Дина Устиновна нас накормила. А за это время подготовили комнатку при летней кухне. Отец и сын Збегины по ночам не спали: если бы нас обнаружили, расстреляли бы всех.

- Кто-нибудь из семьи Збегиных сейчас есть в живых?

- В живых есть внуки и жена Станислава Марьяновича. Сам он был удостоен почётного официального звания Праведника народов Мира в израильском институте Яд-Вашем, жена пользуется определёнными льготами. Ему также присвоено звание Почётного Гражданина Могилёв-Подольского. О нём написано и мной, и братом, и соседями немало статей. Возвращаюсь к своему рассказу. В какой-то момент нас с моим братом Лёвой засекала соседка Збегиных, некая Вера. Эта Вера активно дружила с немцами. Когда мы поняли, что разоблачены, прятаться не было смысла, стали смелее с братом выходить из нашего убежища за продуктами. Голод был невероятный. Нас было пять человек, надо было добывать пропитание. Объектами нашей «охоты» были фруктовые сады, бойня, где можно было поживиться отходами «производства», а также мельница. В конце смены мельник очищал жернова от накопившейся мучной пыли, отрубей. Мы эту пыль подбирали, приносили домой. Мать заполняла ведро водой, засыпала эту пыль; песок и грязь оседали на дно, остальное на воде было вполне съедобным. Мать искусно готовила из принесенного нами супы, а на десерт были наворованные нами фрукты. Так и выживали в эти голодные времена. А ещё была, так называемая «жондра». Это, когда кукурузную муку просто заливали водой и варили. Отец тоже не сидел сложа руки. Поскольку по профессии был мыловаром, он попытался устроиться на мыловаренный завод на работу. Тогдашний директор Немченко, который до войны был сторожем на этом заводе, на работу отца, конечно, не взял. Однако, отец выпросил кусок мыла, который

был нами разрезан на куски и распродан, что позволило немного прикупить продуктов. А на мельнице приобрели муку и даже испекли одну буханку хлеба. Вот это уже был праздник! А старший брат пошёл на мебельную фабрику, которая находилась на территории гетто, и стал там сбивать ящики. Кроме заработанных там копеек, он ещё умудрялся приносить домой по одной-двум дощечкам, чтоб запастись топливом на зиму. А ещё мой брат вместе с соседом Ициком Шварцом открыли в доме такой «бизнес». Утащили с завода металлист «бабку», т.е. приспособление, с помощью которого стали делать гвозди и продавать их. Это уже приносило «доход» в виде реальных немецких марок и пфеннингов., на которые уже можно было что-то купить. Румыны научили нас печь «малай» из кукурузной муки и «точ» из картофеля. А мы, пацаны продолжали свои набеги на сады, обеспечивали домочадцев яблоками, а также запасами для печки. Так, сообща, и выживали. *На мгновение отвлекусь от рассказа Абрама Каплана. Просто вспомнил, что мама мне рассказывала, что я, собственно, вырос на кукурузной мамалыге, а старший брат Изя рассказывал, как по Джурину ходили румынские евреи с противнями в руках и призывали покупать: «Точ – малай, точ – малай». А потом и сами джуриняне научились делать эти нехитрые выпечки.*

26 августа в городе Могилёв-Подольском, по официальным документам, было создано гетто. Были определены 16 улиц и переулков, которые оградил колючей проволокой, местами деревянным или каменным забором. Были определены два места для входа и выхода из гетто: одно - на рынке с центральными воротами, другое – на улице Ленина. Тут же были организованы жандармские и полицейские участки и началась перепись евреев. Было два украинских полицейских участка и один еврейский. И даже нашлись такие подонки, которых, конечно, предварительно запугали, которые пошли служить полицаями. Основная их работа сводилась к тому, чтобы во время всяких облав, показывать румынскому жандарму или украинскому полицая, где живут евреи.

- Вы в то время слышали такой термин «юденрат»?

- Я знаю, о чём вы спрашиваете, но в Могилёве юденрата, как такового, не было. Все говорили о еврейской полиции. Могу назвать некоторые имена. Был Лернер, был Кияновский, очень

нехороший человек, в этой полиции был Гельман с улицы Полтавской, был наш сосед Штаркман и были другие, чьи фамилии не помню. Всего было человек двадцать, еврейских полицаев. Вот вам конкретный случай «деятельности» еврейского полицака. В Могилёве проживал всем известный дамский портной Группин. Когда была облава по отправке в Печору, к нему в дом явились Лернер с полицаями, Группин не стал сопротивляться, дабы спасти сына, спрятавшегося на чердаке. Сообразительный Лернер приставил лестницу, забрался на чердак, обнаружил и сбросил на пол 16-летнего юношу. Ровно через неделю парень скончался в Печоре. Интересно, что впоследствии все эти негодяи-евреи, как и все, оказались в Печоре. Их постигла та же участь, что и остальных. А вначале они сослужили очень плохую службу, выдавая противнику всех евреев. А наша семья как оказалась в Печорском лагере? Тот же сосед Штаркман, вместо того, чтобы предупредить о предстоящей облаве, привёл к нам в дом местных и румынских полицаев и нас увезли в лагерь. Ну, а местным полицаям-антисемитам сам Бог велел, как говорится. Был такой Сарабон, пьяница, когда напивался, мог просто ворваться в любой еврейский дом и избить всех подряд без всякой причины. Развлечение такое с пьяных глаз.

Осенью 1941 года в Могилёв-Подольском был организован, один из крупнейших на Украине, пересыльный пункт на улице Ставискской. Когда Гитлер передал румынским властям территорию Транснистрии, туда начали депортировать тысячи евреев из Румынии, Бессарабии, Буковины. И вся эта масса хлынула в Могилёв-Подольский через мост над Днестром в селе Атаки. Жестокое было время, кто не мог перебраться, сбрасывали с моста живьём прямо в реку Днестр. Многих просто расстреливали.

Тем временем, руководить мыловаренным заводом стал румын из Бухареста, все называли его «Герр Инженер» и его любовница, румынская еврейка Энця, хотя формально директором числился Немченко. А завод надо было запускать на полную мощность, так как мыло требовалось для немецких войск в близлежащих местностях. Стали искать опытных мыловаров, в том числе, и моего отца. Под угрозой смерти, или отправки в Печору всей семьи, отец и ещё несколько человек

возвратились на завод и стали варить мыло. За дисциплиной очень ретиво следила упомянутая Энця, вплоть до рукоприкладства. И моему отцу доставались от неё тумаки. Однажды отец украл на заводе бутылку «рипакового» масла. Оно неплохо заменяло обычное подсолнечное. Энця эту пропажу обнаружила и разбила эту бутылку об отцовскую голову и доложила о случившемся «герру инженеру». Тот упрятал отца в подвал с каустической содой (это один из компонентов мыла) и держал взаперти несколько мучительных, и для нас, дней. По соседству с заводом жила семья Лоскуевых. Как-то они узнали, что на следующий день будет крупнейшая облава для отправки в Печору и предложили спрятать нас. Три семьи Франчуков, Гоцманов, и нас, Капланов, приняли у себя Лоскуевы. А спрятали они нас на чердаке самого завода в корзинах из-под 20-литровых бутылей. Хозяйка дала нам что-то поесть, накрыла соломой и так мы просидели в этих корзинах без движения и без разговоров трое суток. После этого эпизода мы ещё некоторое время прятались дома. А потом, делать нечего, отец со своими товарищами возвратились на завод. Но Печора, в очередной раз, была отложена. Глубокой осенью моего старшего, 14-летнего брата стали брать на строительство железнодорожного моста. Был случай, когда он, обессиленный выронил из рук тяжеленный ящик с болтами. Бригадир, из местных, в наказание провёл экзекуцию: привязал верёвку к брату и с моста окунал его в холодную воду и приподнимал. И так много раз, при этом, течением брата бросало на камни, он был весь изранен. Потом его отвязали, оставили замерзать на берегу. Обнаружил его русский парень Виктор Боровик и фактически спас его от смерти. А на следующий день Сарабон заставил мать пойти на стройку вместо заболевшего моего брата. Мать и ещё одна женщина ходили отрабатывать дней пятнадцать. Интересная деталь. Во время отработки за ними следил немецкий часовой. Когда начальство отвлекалось, он сам предлагал им садиться и отдыхать. А в обед, их кормили раз в день какой-то похлёбкой, он приносил им дополнительно паштет, ещё что-то. Паштет мама приносила домой... Тем временем в городе продолжались облавы, угоны на работу, в том числе, моего отца, избиения. У моего отца до самой смерти оставалась вмятина на голове от удара рукояткой пистолета.

Свирепствовал голод, холод и болезни. В какой-то момент запретили хоронить на еврейском кладбище. Многие покойники захоронены в разных необозначенных местах. Такая же участь постигла сестру моего отца, тёти Молки. Лишь сейчас, у мемориала, мы поставили гранитную тумбочку в память об этой женщине.

- К концу 1942 года количество евреев в Могилёв-Подольском вместе с прибывшими из разных мест приблизилось к двадцати тысячам. *Абрам Каплан много и досконально изучал проблемы Холокоста в этих местах, поэтому владел приличным объёмом информации к моменту проведения интервью. Отсюда такая осведомлённость. Естественно, он здесь, да и в ходе всего интервью, свидетельствовал, исходя из накопленных сведений, а не с позиции мальчика в годы войны.* Немецкие, и румынские власти забеспокоились, чтобы и самим не стать жертвами свирепствовавшей эпидемии тифа и других болезней. Спешно стали создаваться другие пересыльные пункты и гетто в других городках: Бершадь, Копайгород, Озаринцы, Сказинцы и пересылать туда евреев из Яруги, Ямполья. В Сказинцах погибло до четырёх тысяч евреев, мы там поставили памятник погибшим. Многие из Могилёва попали в Одессу, Балту на всякие строительные и сельскохозяйственные работы в нечеловеческих условиях. Эпидемия сыпного тифа коснулась нашей семьи в полной мере. Заболели все, кроме мамы: она переболела тифом до войны. В тяжелейшей ситуации оказался и мой старший брат Виля, и отец, и мы с Лёвой, моим братом-близнецом. Мы с Абрамом позже выяснили, что, как оказалось, мне довелось познакомиться с его братом Лёвой, правда, при весьма печальных обстоятельствах. *Вот уж, поистине, мир тесен. В феврале того, 1997 года, я ездил в Днепропетровск на похороны моего брата Изи. Тогда я обратил внимание на мужчину, который тихо, молча, выполнял в этой процедуре, казалось, незаметную, но самую необходимую работу. Он не был распорядителем, или организатором похорон. Есть такая категория людей, которых как бы не замечаешь, но они оказываются всегда в нужном месте в нужное время. Это был тот самый Лёва Каплан, брат-близнец Абрама. Мой ллемянник мне говорил, что Лёва с моим братом работали вместе много лет тому назад. Узнав о смерти Изи,*

пришёл и оказал неоценимую помощь в проведении похорон. А в ещё более сложной ситуации оказалась мать: ей предстояло всех выхаживать. Никаких лекарств, медикаментов, еды, конечно, не было. В какой-то мере соседи помогали. К тому времени на весь Могилёв оставался единственный врач-еврей, Бланк Исаак Ефимович. Лечить ему было нечем, только добрым словом, полезным советом. А больных было множество, но он старался посетить всех. Благодаря соседям и заботам матери мы все выжили. Больше всех от болезни страдал отец, исхудал до неузнаваемости. Болезнь кончилась, проблемы остались. Мы с Лёвой стали искать, чем бы протопить, ели картофельные очистки, иногда удавалось стащить с телеги пару-другую буряков, которые везли на переработку. Тогда, вообще, был праздник! Мы их пекли на железной печке-румынке. И очистки были вкусными. Я недавно испёк для интереса несколько картофельных очистков. Отвратительная гадость! А тогда казались настоящим деликатесом.

- В декабре 1942 года, при очередной облаве нас отправили в Печору. Усадили в машину, в которой уже было полно евреев, сначала привезли в село Серебряя. Там была железнодорожная станция, такой перевалочный пункт. Когда собрали достаточное количество евреев, всех погрузили в вагон, повезли до станции Вапнярка. В вагоне было человек восемьдесят. По дороге человек пять умерли. В Вапнярке всех пересчитали, сверили со списками, погрузили на подводы и повезли в Печору. Сопровождали весь обоз всего два румына на лошадях. К позднему вечеру мы добрались до Печоры. Перед воротами спешили, подводы развернулись и уехали, нас через калитку запустили внутрь и велели ждать. Затем появился начальник постарше, ему доложили, что прибыли «жиди з Могилева», он тут же увёл двух крепких мужчин. Затем нас привели к центральной площади с фонтаном, устроили переключку и распределение по корпусам. Мы попали в главный корпус, правое крыло на первом этаже. Нам позже рассказали, что задолго до нас первыми узниками этого лагеря были тульчинские евреи, которые, в большинстве своём, умерли от истощения, а на оставшихся смотреть было страшно. Большинство мужчин забирали и увозили на строительство «Вервольфа».

- Что такое «Вервольф»?

- Это ставка Гитлера под Винницей. Ни один человек никогда оттуда не возвращался. В Печоре мы встретили много наших знакомых. Они рассказывали, что многие отсюда бегут, если есть куда бежать и есть чем откупиться у охраны. Если нет приличной оплаты охранникам, есть ещё возможность воспользоваться услугами, так называемых, «проводников». Это молодые ребята, хорошо знающие дороги и местность, за какую-то мзду могут помочь вывести из лагеря. Были, правда и такие проводники, которые выводили людей из лагеря и без всякой оплаты. В лагере еды нам никакой не давали. Единственное место, где можно было пожить хотя чем-то съедобным была кухня. Предназначена она изначально была для кормления узников, но практически узникам ничего не доставалось. Один раз в день, а то и в два дня там готовилась похлёбка. Мы же разыскивали опять очистки картофельные, какие-то косточки, остатки хлеба, этим и кормились. Второй источник выживания в лагере – забор. Туда приходили местные крестьяне, приносили еду, просовывали или перебрасывали через забор. При этом сильно рисковали, их отгоняли, им доставались удары полицаев. Мы чаще всего ходили к месту примыкания забора к реке Южный Буг. Туда приходили местные мальчишки и перебрасывали нам еду. А ещё они в реке удили рыбу и самую мелкую просто забрасывали на территорию лагеря. Если повезёт, мы рады были хотя бы одной рыбёшке, а две или больше – просто праздник.

- Немного подробнее о заборе. Какой он был высоты и ширины? Был ли этот каменный забор по всему периметру вокруг лагеря, за исключением речки, разумеется?

- Забор был капитальный, красивый, довольно широкий. В разных местах разной высоты, от двух до трёх метров. Такой забор был слева от ворот на протяжении примерно 100 метров, затем, под прямым углом, до самого Буга. Справа от ворот была красивая металлическая ограда, затем опоры, а между ними – колючая проволока. Я эти места сам облазил и хорошо помню. Крестьяне, естественно, подходили, главным образом, к металлической ограде и колючей проволоке. Вам уже, наверное, рассказывали историю о ведре с вишней и убитом мальчике, не буду повторяться. Добавлю лишь, что у забора был убит также

сапожник из Могилёв-Подольского, Шисман. Он лишь потрусил дерево, надеясь подобрать упавшие вишни. Охранник выстрелил и через три дня Шисман скончался. Эти истории потрясли всех обитателей лагеря, поэтому и повторяются в рассказах бывших узников. Ещё очень везло тем узникам, кто попадал работать на кухню: носить дрова, топить печь, выносить золу, мыть котлы и т.д. Естественно, там было чем поживиться. Некоторые ухитрялись кое-что из еды и вынести для своих или поделиться.

Был такой «проводник», Эля Бейдер, который уже хорошо зарекомендовал себя. Мой отец однажды, через три месяца нашего пребывания в Печорском лагере, договорился с ним о выводе нас из этого кошмара. Отец сказал ему, что у нас ничего нет, заплатить нечем. Тем, не менее, Бейдер согласился. Может, потому, что вместе с нами выходили ещё две женщины, которые ему заплатили. И вот, ночью, чуть ли не по-пластунски, мы под колючей проволокой у самого Буга выбрались за пределы лагеря, где нас уже поджидал Бейдер. Вначале мы шли какой-то посадкой, всё время оглядываясь. Нам постоянно казалось, что за нами следует погоня и нас вот-вот схватят. Затем, одному ему известными тропинками, он вывел нас на Озаринецкую Гору, где мы уже облегчённо вздохнули. Это был март 1943 года. Больше мы в этот лагерь не возвращались. Бейдер выполнил своё обещание, довёл нас до самого Могилёв-Подольского, за что были ему безмерно благодарны. Мы ещё видели его только один раз в 1944 году.

- Вы продолжите свой интересный рассказ, но у меня ещё несколько вопросов по Печорскому лагерю. Известны ли вам случаи проведения в лагере медицинских экспериментов?

- Над членами нашей семьи эксперименты не проводились. Но во время пребывания в лагере мы знали, что отбирались женщины и дети, увозились в клинику, у них брали жидкость из позвоночника, какую-то слизь из желудка. Суть экспериментов была неизвестна, но их родственники говорили, что испытуемые умирали в считанные дни. Вводили ли им инфекции, или чем-то травили, неизвестно, но такие случаи были.

- Встречались ли Вам в лагере цыгане? Известны ли случаи надругательств над женщинами?

- С цыганами не встречался. О надругательствах, мне, мальчику не было известно. Возможно, родители что-то знали, но мне не говорили.

- Какие ещё, кроме названных вами, способы пропитания были в лагере?

- У тех людей, у которых сохранились ценные вещи, драгоценности, благородные металлы, те могли свободно обменивать у местных жителей, в том числе, у полицаев, на продукты питания. Любопытная деталь. Во время облав с целью отправить в лагеря местные полицаи практически не проводили обысков. Они больше удовлетворялись возможностью огреть подвернувшегося ненавистного еврея палкой или плёткой. Поэтому у многих сохранились кое-какие ценности, помогшие им выжить в дальнейшем.

- Когда мы говорили о гетто в Могилёв-Подольском, вы упомянули еврейскую полицию. Было ли что-то подобное в Печоре?

- Мне, по крайней мере, это доподлинно не известно. Румынской жандармерии и местной полиции хватало, немцев видел всего один-два раза. Еврейской полиции не помню.

- Знаете ли фамилии местных полицаев?

- Помню всем известного Сметанского Лукьяна, помню фамилию Ткача, а ещё – Соловей, не знаю, фамилия это или кличка. Сметанский, на самом деле, был злобный изверг, при этом алчный, падкий на ценные вещи. От него несложно было откупиться, если было чем. Вёл себя жестоко и безжалостно. Мог запросто, без всякого повода, подойти и ударить человека, невзирая на пол, возраст, состояние здоровья. Особенно, при плохом настроении. Все его боялись, старались обойти стороной. Ему не составляло труда, увидев человека, с трудом тащившего ведро с водой из Буга, подойти и выбить это ведро из рук и спустить человека вслед за ведром назад, к Бугу. Страшный был человек. Если ему становилось известно, что в комнату попала какая-то еда, он тут же проводил обыск. Всё это сопровождалось избиениями, расшвыриванием и людей и вещей, после его визитов люди ещё долго не могли прийти в себя. Когда отправляли мужчин на работу в «Вервольф», Сметанский считал нужным сопроводить каждого, поднимающегося в кузов машины, сильными ударами палкой по спине. Такая вот

патологическая звериная жестокость была в этом изверге в сочетании с гнусной подлостью. Он мог договориться с проводником или узником за взятку выпустить из лагеря, а другим полицаям поручал устроить засаду. Взятку брал, людей возвращали в лагерь, при этом нещадно избив за попытку к бегству. Были известны случаи, когда эти люди после таких побоев умирали. Ткач был помягче. Поговаривали, что он иногда делал вид, что не замечает каких-то «вольностей» узников. В лицо я знал многих полицаяв, но не всех сейчас могу вспомнить поимённо. Если вам интересно, я могу позже представить полные списки бывших полицаяв, которые мы обнаружили в архивах. Я после интервью ознакомился с этими списками. Я уже упоминал о необыкновенном интерьере офиса этой еврейской организации. И всё это благодаря упорству, стараниям, преданности делу, базирующимся на строгой воинской дисциплине настоящего офицера, бывшего майора Советской Армии Абрама Каплана. Уникальный человек!

- Ещё такой вопрос. (Замечу в скобках. Мне нравилось задавать вопросы этому правдивому человеку. Я всегда получал немногословный, но, по-военному, чёткий, исчерпывающий ответ). В тех мучительных для евреев условиях Печорского лагеря, теплилась ли хоть какая-то религиозная жизнь, собирались ли люди, скажем, на молитву.

- Мой ответ: да. Я это знаю наверняка, потому, что мой отец также принимал в этом участие. Это было очень опасно, потому, что собираться группами вообще запрещалось. Помню, на втором этаже главного корпуса собирались небольшими группками по пять-шесть человек, садились на пол и молились. Кстати, у моего отца в лагере сохранился талес, он им обматывал голое тело, а сверху одевался обычно. До тех пор, пока талес не превратился в лохмотья.

- Вы говорили, что по прибытию в лагерь обнаружили там тульчинских евреев, и что вид у них был ужасающий...

- Не то слово. Это были ходячие скелеты, обмотанные в лохмотья. Я наблюдал, как они встречали каждую новую партию прибывающих. Протягивали руки и молили: хлеба, кусочек хлеба! Некоторые бросали им что-то из еды. Они набрасывались, между ними возникали стычки. Смотреть на это было невозможно.

- Я хотел бы продолжить свой вопрос. Когда шла речь о могилёвских узниках, вы говорили о возможностях бегства из лагеря, даже семьями, с помощью «проводников» или без них. Так же поступила и ваша семья. Почему так не поступали тульчинские?

- Я вам скажу, почему. Тульчинские были первыми в этом лагере. Была жёсткая дисциплина среди полицаев, каждый старался выслужиться и проявлял усердие. О побегах не могло быть и речи, весь лагерь был под неусыпным контролем. Часть тульчинских и в тех условиях сумела бежать. А к моменту нашего прибытия в лагерь полицаи почувствовали вкус к ценностям, «проводники» стали с ними делиться, да и сами узники, у которых сохранились ценности, стали сами входить в контакт с полицаями. Многие поплатились, о чём я рассказывал выше, но некоторые смогли спастись. Конечно, тульчинским евреям досталось намного больше страданий, чем их последователям. И физически, и морально, и духовно они были сломлены.

- Спасибо. Я исчерпал свои вопросы по Печорскому лагерю. Возвратимся к рассказу о вашей дальнейшей судьбе после удачного бегства из лагеря.

- Да, Эля Бейдер довёл нас до Озаринецкой Горы. К тому времени в Озаринцах были только буковинские евреи. 21-го и 29-го августа 1941 года была проведена жестокая карательная операция, в ходе которой были уничтожены все мужчины-евреи.

Им выкалывали глаза, отрезали уши, затем заперли в синагоге, подожгли и там они все погибли. В конце концов мы возвратились в Могилёв-Подольский, в то же место, откуда были угнаны в Печору. Мать о нашем прибытии немедленно сообщила нашим спасителям, Збегиным, чему они были безмерно рады. Переночевали у них, но затем стали жить в своём разграбленном доме, чтобы не подвергать Збегиных опасности. Тем временем, жизнь в гетто оставалась такой же голодной. Разве что народу стало значительно меньше: угоны, облавы, отправки на работы, смерти от голода и болезней. В городе было два базара: еврейский на территории гетто, и украинский за его пределами. На еврейском нам поживиться было нечем, не за что, да и выбор был небогатым: точ, малай и хлеб из овса вперемежку с отрубями. А на украинском мы, пацаны, наловчились подбирать

то, что оставалось нераспроданным и продавцы оставляли, не желая тащить эти продукты обратно. Для нас это был клад, но надо было рисковать и под колючей проволокой выбираться из гетто и также рискованно пробираться на украинский базар своевременно, пока другие не воспользуются этой возможностью. Вот эпизод из моего личного опыта. В очередной вылазке на украинский базар меня поймал Светик Чайковский, который до войны был секретарём комсомольской организации города, а в оккупации стал полицаем. Торба моя была уже полной. Он тут же всё вывалил, но на этом не успокоился. Снял свой брючный пояс, одним концом обвязал мою руку, второй конец привязал к своему велосипеду и поехал, а я – бегом за ним. По дороге я несколько раз падал, разбил в кровь лицо, колени, тело. Таким способом он дотащил меня до ворот еврейского базара, где начиналось гетто, пригрозил смертельным исходом в следующий раз и отпустил. Возмездие наступило много лет спустя, когда я возвратился из срочной службы в армии и случайно встретил своего обидчика возле кинотеатра. Напомнил об эпизоде и, что есть силы нанёс ему чувствительный удар «по морде». Потом, правда, имел много мороки с правоохранительными органами за самосуд. Другой эпизод, уже с моей мамой. У нашей соседки Беспрозванной готовились крестины внука, и она попросила маму помочь ей донести до церкви продукты, посуду, утварь, необходимые для проведения обряда. Там её, как еврейку, «вычислили» местные украинцы-антисемиты, схватили и сдали в полицейский участок. Первое, что с ней сделали – это, конечно, избили, затем... наголо остригли. Видимо, чтобы легче узнавать при побеге. В конце концов, та же Беспрозванная с помощью знакомых полицаяев вызволила маму. А ещё был случай, тоже с мамой. Была некая крестьянка по фамилии Битко, которая пекла тот самый хлеб с овсяными устюгами и отрубями. Мама пошла к ней и стала просить продать хлеб подешевле из-за отсутствия нужной суммы. Та, рассердившись, вывела маму во двор и спустила на неё собаку. Маму после этого нельзя было узнать, настолько была изуродована собакой. За то, что посмела попросить хлеб дешевле. И подобных эпизодов было множество.

Мыловаренный завод продолжал, тем временем, работать. И работал там лишь один Франчук. Затем история повторилась:

герр инженер узнал, что Капланы и Гоцманы возвратились в город и их обоих заставили вернуться на завод. И так, до самого освобождения, мой отец в тяжелейших условиях, при постоянных издевательствах, работал на этом заводе. Приблизительно за месяц до освобождения через город прошли власовцы. Они были на подводах, с семьями, одеты в полувоенную немецкую форму, с оружием. Когда колонной спустились с Шаргородской горы, разбрелись небольшими группами и устроили в городе погром. Избивали всех подряд, включая полицаев и румынских жандармов. Несколько человек застрелили. А когда попали в еврейскую часть города, в гетто, врывались в дома и нещадно избивали всех обитателей дома. Вели себя, как звери. Когда попали на территорию еврейского базара на лошадях, согнали толпу в помещение, где торговали мясом, и просто стали методично прикладами избивать. Одна женщина попыталась бежать, её догнали на улице и застрелили. После этого власовцы ещё «порезвились» на вокзале, где расправились с румынскими жандармами во главе с комендантом Барбулеску. Вот такой чёрной тучей пронеслись власовцы через Могилёв-Подольский. Через какое-то время за власовцами через город прошли итальянские воинские части. Тоже на машинах. Вид у них был далеко не бравый, и вели себя совершенно иначе, никого не тронули. Через два дня и их не стало. Теперь уже известно, что у немцев был план по уничтожению всех остатков еврейского населения Могилёва. Согласно плану, немецкая и румынская власти должны были оставить город 25 марта 1944 года, а акция по уничтожению должна была состояться 23 марта. Но, благодаря стремительному наступлению Красной Армии, этим планам не суждено было сбыться. В ночь на 18 марта в город въехал единственный танк. Затем прогремели два взрыва, один за другим: были взорваны оба моста через Днестр. Этой взрывной волной расшвыряло бегущих немцев и румын, много их трупов оказалось в Днестре. На следующий день эти вояки уже прятались от нас. Немедленно в городе был создан штаб по поимке и пленению противников. А 19 марта в город вошли регулярные войска во главе с танковым батальоном. И это число - официальная дата освобождения города Могилёв-Подольского. После этого в городе стала восстанавливаться мирная жизнь.

Председателем горисполкома был Мотенко, который вместе со всеми выходил и делал всё, что и остальные: ремонт крыш, стен, стеклили окна, собирали разбросанные по городу снаряды, оружие, боеприпасы. Я стал посещать школу впервые в 12 лет, одновременно, вместе с другими ребятами, помогал взрослым. Так, постепенно, город приходил в себя, и мы, вместе с городом, тоже приходили в себя. Как и большинство моих сверстников, я проучился несколько месяцев в первом и втором классах и стал вместе с одноклассниками учиться в третьем классе. Вместе с освобождением лёгкая жизнь не наступила. Да, свобода, но кушать всё равно было нечего. Пробавлялись, как могли. Со временем, после войны, становилось легче. Дальнейшая моя судьба в молодые и последующие годы была связана со службой в Вооружённых Силах. А до этого была нелёгкая служба, включая роль подопытного кролика при учебном взрыве атомной бомбы на Тоцком полигоне. Испытывалась реальная ядерная бомба с участием реальных солдат и офицеров, в присутствии наблюдающего за ходом испытаний Министра обороны СССР Георгия Жукова. В результате этих испытаний сразу погибло порядка 200 человек, впоследствии, от радиоактивного излучения умерло ещё 500-600 человек. Многие, в том числе и я, приобрели те или иные заболевания. Что касается лично меня, то лишился мышечной ткани дёсен, пигментацию кожи и, самое опасное, несворачиваемость крови. Малейший порез чреват тяжелейшими последствиями. Всё это – результат радиационного облучения. После этих событий мне приходилось множество раз подписывать разные бумаги о неразглашении, но сейчас это больше не является секретом. Дальше я ещё служил в авиационных частях, дослужился до звания майора и в этом звании демобилизовался.

- Приходилось ли вам сталкиваться по жизни с проявлением антисемитизма?

- Что касается меня лично, то я этого не испытывал, но хорошо видел, что происходит вокруг. Это проявлялось и в ЖЭКе, когда двух евреев, электрика и сантехника, начальник иначе, чем «жиды», не называл. И на приборном заводе, когда некоторых евреев лишали премии только по этой причине. Да и местные власти нынешние не могут похвастать излишней толерантностью, терпимостью по отношению ко всему

еврейскому населению города. Я здесь имею ввиду акты вандализма на еврейском кладбище, и разрушение памятников и памятных знаков о Холокосте. Всего было разрушено 260 памятников! Я поднял тогда на ноги городское начальство, милицию, прокуратуру, прибыло телевидение, все всё видели, сняли на камеру. В результате – никаких мер не было принято, никого не разыскивали, никого к ответственности не привлекли. Даже тогда, когда я называл доподлинно известных мне виновников этих преступлений. Например, прокурор на полном серьёзе предлагает мне устраивать засады, вылавливать этих негодяев, а уж потом он ими займётся. Так называемого, бытового антисемитизма всегда было достаточно. Пару лет назад в городе стали появляться на дверях еврейских домов листовки антисемитского содержания. Мол, либо уезжайте в Израиль, либо мы вас уничтожим. Такую листовку я обнаружил в своём почтовом ящике.

После этого я попросил своего собеседника рассказать о его общественной работе. Я попробую, как сумею пересказать его повествование, это сопровождалось демонстрацией всего того, что сделано руками этого удивительного человека и его единомышленников. Очень пожалел, в очередной раз, что вы, читатель этого не увидите.

...Моя общественная работа среди узников началась в 1989 году, а в 1990 году меня избрали председателем Могилёв-Подольского Совета узников, и с тех пор по нынешнее время выполняю эти обязанности. До этого, в армейской жизни, ничем подобным не занимался. Больше того, я и с евреями не так уж часто встречался по месту жительства и службы. Я внутренне так воспитан и устроен, что, чем бы я ни занимался, я всегда всё делал добросовестно. Это моё кредо. И здесь стараюсь всё делать добросовестно, от души. Первой моей задачей было: объединить всех 540 узников; это немало, по армейским понятиям это – большой батальон. Серьёзной проблемой было организовать выдачу удостоверения каждому бывшему узнику, так как это связано с определёнными льготами со стороны государства. Немедленно приступили к теме увековечения памяти узников гетто и концлагерей. Социальная защита узников и увековечение памяти – два краеугольных камня всей нашей деятельности. Нам удалось заполнить полуразрушенное

помещение, которое своими руками привели в тот вид, что вы видите сейчас. Собираем взносы от узников, солидную помощь оказывают спонсоры, располагаем некоторыми средствами, которые используем в нашей работе. Первым памятным местом, которое мы соорудили, был памятный знак на гостинице «Колос», где были ворота гетто. Огромный памятник был сооружён на улице Ставиской, автор – Меламуд Григорий Моисеевич, профессиональный скульптор и художник. Митинг, посвящённый открытию этого памятника, был грандиозным, на него пришли практически все могилевчане. Во все памятные даты у этого памятника зажигаются свечи. Стало доброй традицией: молодые пары в день бракосочетания обязательно останавливаются и кладут цветы у этого памятника. Он стал поистине символом скорби о погибших узниках Могилёвского гетто, печорского лагеря, гетто Вапнярки, Черновцов, Боровки. В основание памятника заложены специальные капсулы с землёй из всех этих мест. А ещё с нашим участием установлены памятники в Озаринцах, Сказинцах, селе Следы, в Печоре. Надо отметить, везде нам способствовали местные районные власти. Мы также создали Книгу Памяти, куда собраны имена более двух тысяч человек. Мы часто проводим и развлекательные мероприятия с песнями, спектаклями. Примечательно, что к нам примкнули и русские, и украинские исполнители и с удовольствием участвуют во всех наших концертах.

- Приходилось ли вам рассказывать о жизни в оккупации во время службы в армии?

- Нет, не приходилось, опасно было. В автобиографиях я писал, что был на оккупированной территории, но в подробности не вникал. Не писал о гетто и Печорском лагере. Правда, впоследствии пожалел об этом, когда столкнулся с необходимостью доказывать своё пребывание в этих местах для получения льгот. Но это - уже история.

- Абрам Давыдович, какими словами вы бы хотели завершить ваш рассказ? Почему вы согласились дать нам это интервью?

- Я согласился поделиться воспоминаниями для того, чтобы этот материал был продемонстрирован, послужил напоминанием всем людям Земли, особенно молодёжи, что фашизм – это война, а война – это гибель людей, разрушение городов и всего, что

создано людьми. Чтобы никогда больше не случился фашизм, чтобы люди всех национальностей жили дружно, уважали друг друга, поддерживали друг друга. Чтобы люди знали, что такое геноцид, что такое – убивать людей только за то, что они евреи, или цыгане и тому подобное. Чтобы это никогда больше не повторилось!

Мы ещё долго беседовали с Абрамом на разные другие темы, общение с ним доставляло истинное наслаждение. А на следующий день было выездное интервью с Абрамом Капланом, в ходе которого он показал нам все памятные места Могилёв-Подольского, о которых рассказывал накануне. Но это надо видеть, пересказать невозможно.

РАЙСА ЧЕРНОВА

Не скрою, мне было чрезвычайно интересно взять интервью у нееврейки. Раиса была, правда, наполовину еврейкой, наполовину русской. Она не росла в семье, где соблюдались еврейские традиции. Мать, еврейка, во всем соответствовала жене человека военного, русского. Однако, когда случилась беда и всех евреев Тульчина отправляли в Печорский лагерь, мать решила разделить участь своих соплеменников и не воспользовалась возможностью прикрыться замужеством за русского, как ей советовали. Впрочем, предоставим слово самой Раисе.

- В вашем детстве, кем вас считали друзья и подружки?

- Знаете, меня считали и русской, и еврейкой. Я не ощущала никакой дискриминации. Среди русских ребят меня считали русской, среди еврейских – еврейкой. По-настоящему я ощутила себя еврейкой в концлагере. А до войны, мне кажется, особенного антисемитизма не было. Во всяком случае, на себе не испытывала.

- Ваш отец был военным. Не помните, велись ли в доме разговоры между родителями на военную тему, например, о войне за границами СССР?

- Нет, таких разговоров не помню, маленькая была. Помню, мама, бывало говорила, что русские военные женились на еврейках и это считалось престижным для обоих. Например, у моего одноклассника Леонида отец был военным по фамилии Филаретов, а мать – еврейка Иткис. Были и другие примеры. Мой отец родом из Братска Одесской области, а в Тульчине стоял кавалерийский полк, в котором он служил. Здесь и познакомился с мамой и женился на ней.

Когда началась война, мне было шесть лет и я тогда не восприняла это событие, как что-то плохое. Я видела, как в Тульчин входили немецкие, румынские и мадьярские войска, с интересом разглядывала их необычную форму и слушала необычную речь. Уже потом, глядя на взрослых, стала прятаться в нужный момент, сидеть тихо, не задавать вопросов. Однажды, когда в очередной раз началась облава на евреев для угона в Печору, мы с мамой спрятались на чердаке и через щель

увидели, что вместе со всеми ведут бабушку. Мать сказала тогда: «Пойдём тоже, что будет со всеми, то и с нами», спустились с чердака и стали готовиться к отправке. Однако, добрые соседи стали отговаривать, мол, муж русский, дочь наполовину русская, пережди, перепрячьтесь, авось обойдётся. Мама решила несколько дней переждать у бывшей украинской сотрудницы по швейной фабрике. Не хочу называть её имя, её уже нет в живых. Она и привела полиция. Нас забрали в Первую школу на сборный пункт. Первое потрясение я испытала уже в этом сборном пункте. Беспечно бегая по классам, в одном из них я обнаружила двух новорожденных деток-близнецов. Побежала к маме: я нашла живые куклы. Мама соорудила из кусочка марли мешочек, насыпала сахар, давала им пососать... Детки так и умерли на моих глазах в том классе. Затем был пеший переход в Печору. Пошли в направлении Копиевка, Торков. Шли долго и тяжело. Сопровождавшие нас полицейские вели себя жестоко. Вот что произошло непосредственно с нами. Среди колонны идущих были телеги, в которые удавалось посадить совсем уж немощных. Когда мне уже было идти не вмоготу, всё-таки ребёнок, мама не могла уже нести меня, а падать никак нельзя: тут же застреливали, мама решила посадить меня в одну из подвод. Полицай увидел и стал нещадно бить маму палкой. Палка была сучковатой и один из сучков угодил маме в левый глаз. Последствия были ужасные. Зрачок принял грушевидную форму. Уже после войны там образовалась опухоль, отчего мама и умерла. В Торкове остановились на ночлег в конюшне. Была глубокая осень, холод, грязь, страх, стоны, вопли, дети орут. Полицай начал стрелять, чтобы утихомирить. Стали бояться, что загорится соломенная крыша от пуль. Кое-как угомонились. А на следующее утро опять двинулись в путь, оставив немало трупов в этой конюшне. Да и по дороге многие умирали. Сколько лет прошло, а мне эти кошмары до сих пор снятся.

Наконец, добрались до Печоры. Открылись ворота и перед нами представился красивый парк и красивый особняк. За нами ворота закрылись и мы оказались в западне. Неспроста этот лагерь называли «Мёртвая петля». Просто загнали людей умирать голодной смертью. У кого были с собой какие-то довоенные вещи, пожитки, подходили к забору и обменивали с

местными жителями за еду. Но полицаи не позволяли, отгоняли, били, а иногда и стреляли. Должна сказать, что полицаи вели себя хуже, чем немцы или румыны. Помню, особой жестокостью отличались «Мишка в кубанке», настоящей фамилии не знаю, а ещё – Сметанский. Нас с мамой разместили в главном корпусе, но место для себя надо было искать самим. Мы были не в первой партии, люди там были до нас, мама нашла маленький кусочек пола под балконной дверью. К весне я заболела тифом. Помню, лежу под этим балконом, снег на нём растаял и я оказалась лежащей прямо в воде. А мама в то время была в Печоре, где познакомилась с женщиной, Аней Филипишиной-Демьянчук. Кстати, очень славная женщина. Мама ночами пробиралась к ней через лаз в стене забора, примыкавшего к Бугу. Поскольку мама хорошо шила, Аня набирала для неё заказы от селян, мама их выполняла ночами и получала за это какую-то мзду в виде еды. Так и существовали. Несмотря на мой тиф и лежание в луже с водой, я всё же выжила. Уму непостижимо! А выжить заболевшему тифом было непросто не только потому, что сама болезнь уносит. Из-за опасений эпидемии всех заболевших бросали в подвал, где одновременно находились и больные, и умирающие, и мёртвые. Всякий раз, когда полицаи проверяли, нет ли заболевших, маме удавалось прикрывать и прятать меня, чтоб не угодить в тот самый подвал. Видимо, суждено было выжить. Возможно, меня подняли на ноги парочка мочёных яблок, которые мама выменяла за красивый огромный платок. Особая тема – добыча воды. *Об этой проблеме я уже писал в пересказе предыдущих интервью. Рассказ Раисы отличается только тем, что воду доставали не из Буга, а из небольшого ручейка, который протекал там же, по дороге к Бугу.*

Вспоминаю эпизод, произошедший с моей мамой. На кухне стояла плита, которой иногда можно было воспользоваться, если было что нагреть или сварить. Когда мама пыталась сварить пару картофелин в своей жестянке, рядом с ней стоял мужчина, у которого была большая семья и он что-то пытался сварить в ведре. Предупредил маму, что в ведре кипятки, поднял его, в этот момент кто-то нечаянно его подтолкнул и весь этот кипяток вылился маме на грудь. В отчаянии мама прибежала в палату, стала срывать с себя одежду. В результате получила сильнейший ожог. Тело покрылось волдырями, потом началось гниение.

Помню, нашла где-то маленький перочинный ножик и мама этим лезвием снимала этот гной. Было что-то невообразимо жуткое. Потом мама попросила меня, малышку, пробраться в Печору, к тётке Ане и выпросить хоть немного подсолнечного масла. Я не хотела идти, потому что боялась, никогда раньше от мамы не отлучалась. Но мама уговорила, сказала, что иначе умрёт. Короче говоря, набралась смелости, пошла к проходной, стала просить: «Дяденька, пропустите, мама умирает». Удивительно, но полицай пропустил. Больше того. Как только я вышла из проходной, местные пастушки налетели на меня и так меня избили! Не знаю, может сейчас кого-то из них мучает совесть, но тогда они меня так избивали, что мой плач и крик услышал тот самый полицай, выскочил и разогнал их. Я сумела добраться до тётки Ани. Она, в первую очередь, накормила меня. В глиняный горшочек налила суп, в перевёрнутую крышечку положила две варёные картофелины и дала маленький флакончик подсолнечного масла. Я была в изодранном пальтишке, бутылочку с маслом просунула под подкладку через дырочку в кармашке, взяла горшочек, завёрнутый в платочек и пошла. И что вы думаете? Эти пастушки меня ждали, знали, что я буду возвращаться. И опять устроили мне экзекуцию. И снова меня выручил тот же полицай, который, на моё счастье, всё ещё оставался на дежурстве. Горшочек они, конечно, разбили, но бутылочка с маслом осталась целой. Несмотря ни на что, счастливая, я принесла черепки с картошкой в платочке и, главное, флакончик с маслом. Этот флакончик её спас. Постепенно раны зажили, но ещё долгие годы после войны мама не могла носить открытые платья. Сколько же там было горя и несчастья. Там даже было людоедство! Я видела, как женщина несла в руках чью-то отрезанную грудь. Я помню, как умирали мои родственники. У мамы была сестра Лыба. У неё было пятеро детей. Все остались там, в Печоре. Мужа другой сестры взяли на работу, откуда не вернулся: его расстреляли. У третьей сестры сын умер, отморозил ноги. У четвёртой сестры сын был «проводником», вы, наверное, уже слышали о такой категории бывших узников. Один раз ему удалось вывести людей в гетто, а на второй раз его поймали и расстреляли. Кстати, в гетто не очень-то и принимали печорских, боялись. Печорские были обречены на гибель, а раз их спасают, значит и спасителей ждёт

та же участь. Такая вот жестокая логика. Могу смело утверждать, что в Печоре ни один ребёнок в возрасте до одного года не выжил, это было просто невозможно. Я помню, как умирала моя бабушка Сура и потом лежала ещё три дня в подвале, а я ходила смотреть на неё и не понимала, почему она не встаёт. Я помню, как вывозили покойников на арбе, запряжённой волами. Забрасывали в эту арбу трупы, нагружали доверху кого как придётся. У меня перед глазами эта картина: там сползает и падает на землю детское тельце, там висит чья-то рука, голова, нога. И это – изо дня в день. И - полная арба.

Моя память сохраняет эпизоды моего Печорского детства, кажущиеся мне значительными, а на самом деле не такие уж важные. Например, помню, как добрый мужчина подошёл к забору, увидев меня, бросил пучёк зелёного лука. Пучёк зацепился за ветку дерева, тут же появился высокий парень и весь пучёк достался ему, мне же осталось только горько зарыдать. Однажды, когда мама в очередной раз отправилась к Ане, я решила сделать ей приятное – постирать моё зимнее пальтишко. Спустилась к Бугу, по камешкам добралась до подходящего места и в этот момент услышала хлопок. Обернулась, а на заборе восседает полицаи и целится в меня из винтовки. И тут же выстрелил во второй раз, но промахнулся. Выбрал меня в качестве мишени ради развлечения. У Ани был сын, Алёша, лет 13-15. Вспоминаю такой эпизод, связанный с Алёшей. Как-то в лагере объявили строжайший карантин, ужесточили контроль так, что из лагеря не высунуться, а, следовательно, ничего раздобыть для еды невозможно. И вот, среди ночи по нашему корпусу пошёл шум: где эта Маня, у которой девочка Рая? Мама выскочила в коридор, а там стоит наш Алёша с парой картофелин и парой луковиц. Не представляю, как в тех условиях ему удалось пробраться в лагерь и разыскать нас.

- После войны вы общались с этими людьми.

- Конечно. Мы часто общались, мы ездили к ним, они ездили к нам.

- Не возникала мысль выбраться из лагеря и остаться в этой семье?

- Это было невозможно. Они подвергались огромному риску. Мы были им признательны за ту помощь, что нам оказывали.

- А уйти из лагеря и обосноваться где-то в другом месте.

- В принципе это было возможно, но довольно сложно. Куда идти, какой дорогой, кто нас приютит, что ожидает в пути и масса других вопросов. Кстати, мы всё-таки, в конце концов, воспользовались такой возможностью, где-то за месяц до освобождения, когда пошёл слух о массовом уничтожении всех узников Печорского лагеря.

- Расскажите об этом подробнее.

- Подробности я не смогу рассказать, я всё-таки была ребёнком. Я только помню, как мама шепталась со своей сестрой на идиш о том, что становится опасно, надо выбирать.

- Извините, на каком языке они общались?

- На еврейском

- Вы знали еврейский язык?

- Да, конечно. И сейчас знаю. И мы, воспользовавшись известным лазом в заборе у Буга, ночью выбрались из лагеря. Добрались до гетто в селе Верховка, где нас и освободила Красная Армия. Уже позже мы узнали, что румынские власти отказались расстрелять оставшихся евреев в Печорском лагере. Я как-то занялась подсчётом жертв лагеря только из нашей родни и насчитала 21 человека. Столько моих родственников остались навсегда в этой мёртвой петле.

Помню, что в Верховке нас спрятали в каком-то маленьком домике, а в самом доме находился огромный чан, и этот чан служил нашим с мамой убежищем, в этом чане мы проводили почти всё время. Перед самым приходом Красной Армии через Верховку уходили немецкие и румынские воинские части, а вместе с ними, как потом говорили, власовцы. Помню, мы сидели в своём чане, а совсем близко, во дворе пьянствовали и распевали песни на русском языке эти самые власовцы, тогда я этого слова не знала. А буквально через несколько дней вошли наши войска.

Помню, как привязала к палочке красную тряпочку, вышла навстречу нашим солдатам, размахивала этим «флажком» и браво распевала выученную в детсадишке песенку со

словами: «Мы поём о товарище Сталине первомайскую песню свою». Для нас приход нашей армии был большим праздником хотя бы потому, что уже не надо было прятаться в этом ужасном чане. Ну, а дальше надо было добираться домой. Было ещё довольно холодно. Март в том году был снежный, морозный. Мы шли пешком, и с нами, помню, поравнялась колонна танков. Нас с мамой солдаты посадили на танк и так уж вышло, что мы в Тульчин въехали на танке! Въехать-то мы въехали, а идти-то некуда. Пришли мы к нашему дому, а он весь разграблен, пустой, ни крыши, ни окон, ни дверей. Мама меня оставила, а сама пошла в воинскую часть, где папа служил до войны. Так и помню эту картину: сидит чучело, мешок костей, так я выглядела, мама почти такая же. Приволокла из воинской части, то есть того, что от неё осталось, какие-то досточки, фанерки, тазик. Стала кое-как закрывать окна. На следующий день опять, и опять. К лету и теплее стало, и мама сумела со временем и окна застеклить, в общем, стало чуть легче в этом плане. Но кушать всё равно нечего было. Мама много раз предлагала мне ходить попрошайничать. А я не могу. Не могу - и всё тут. Бывало так, что выходила, смотрела, как это делают другие детишки, а сама - никак. Вот, однажды, стою в сторонке, наблюдаю, как дети просят у солдат возле воинской части. Смотрю, один даст ребёнку рубль, другой - кусок хлеба. А я стою и плачу, не могу подойти и просить. Тут на бричке подъезжает офицер, все детки его тут же облепили. Офицер стал деньги раздавать, кому - рубль, кому - трёшку, кому - пятёрку. А я стою, заливаюсь слезами и не могу подойти и протянуть руку. Увидел меня, подозвал и спрашивает:

- Как тебя зовут?

- Рая.

- А где мама?

- Дома.

-А папа?

- На фронте.

- А где вы были?

- В лагере.

Достаёт из кармана бумажку с портретом Ленина и говорит: «Отнеси это маме». Я хватаю эту бумажку, бегу и ещё с центра города начинаю кричать: «Мама, мне дядя Ленина

подарил», и с этим криком бежала до самого дома. Оказалось, это было... пятьдесят рублей! Мама тут же, с этими бешеными деньгами побежала на базар. Купила мне одно(!) яйцо меня покормить и ещё десяток для продажи. На вырученные деньги опять стала что-то покупать и продавать, потом опять и опять. Короче говоря, эти пятьдесят рублей дали нам толчок и мы потихоньку стали выбираться из глубокой нужды. Со временем мама стала работать в той же воинской части вплоть до перевода этой части в другое место. С 1947 года на меня была назначена пенсия за погибшего отца...

В последующие годы мать Раисы вторично вышла замуж за очень порядочного, доброго человека. Раиса называла его папой. Постепенно жизнь наладилась, я был искренне рад, что у Раисы Черновой сложилась совсем неплохая судьба.

ЕВГЕНИЯ ЦИРУЛЬНИКОВА

Как по-разному вели себя мои собеседники, в данном случае, собеседницы. Если Раиса Чернова была очень эмоциональна, часто наворачивались слёзы, всхлипывала, порой плакала, то Евгения, за редким исключением, была спокойно-рассудительна, говорила ровно, подробно останавливалась на деталях, сосредоточивалась на самом главном и существенном. В ходе именно этого интервью, я впервые узнал, откуда произошло название Печорского концентрационного лагеря – «Мёртвая петля», что и послужило названию моего повествования. Итак, слушаем Евгению Цирульникову, в девичестве – Рабинович.

- Кроме вашего брата, вы все находились здесь, в Брацлаве. Когда и при каких обстоятельствах вы впервые узнали о том, что идёт война?

- Недалеко от нашего дома жил товарищ моего брата Яши. Рано утром, ещё не было семи часов, он громко постучал в нашу дверь и сообщил, что началась война. Мы включили радио и сами всё услышали. В доме был шок, переполох, паника, никто не понимал, что надо делать, как себя вести. Первым делом мы сообразили, что брата из Киева заберут на фронт, отца тоже заберут, другому брату было 16 лет, боялись, что и его могут мобилизовать. Так, что паника у нас была не безосновательна. Стали выходить на улицу, общаться с соседями. Все, конечно, были подавлены, у всех было паническое настроение, это я помню. Буквально через несколько дней после начала войны, как мы и предположили, отца и моего младшего брата Яшу, 1924 года рождения, мобилизовали. Старшего брата, Петю, который учился в Киевском университете, тоже мобилизовали на фронт. Отец мой до войны работал в детском доме. Директор детдома предложил нам эвакуироваться вместе с ним. Мы взяли кое-что из домашнего скарба, погрузили на подводу и отправились в дорогу. Доехали до Теплика, но пошли слухи, что немцы следуют за нами. Остановились на ночлег в каком-то доме. Когда утром проснулись, обнаружили, что подводы нет, наших вещей нет, и директора... тоже нет. Так, что мы с мамой и братиком Борисом остались у чужих людей. Решили возвратиться домой, что заняло несколько дней. За время

нашего отсутствия дом наш был разграблен, но не до конца, кое-что осталось. В Брацлаве уже были немцы, гоняли по городу на велосипедах, с губными гармошками, кричали «сало, млеко». Была организована жандармерия и полиция из местных жителей с винтовками и с белыми повязками на рукавах. В августе начали сгонять евреев на улицу Базарную, где мы и жили. Со всего Брацлава всех евреев разместили на улице Базарной и вокруг базарной площади. В нашем доме уже разместилось пять семей. Нам было велено носить шестиконечную звезду на груди и на правой руке. Нарушителей жестоко избивали, и делали это в основном, наши местные полицаи. Война сразу же выявила, кто есть кто из украинцев, русских и поляков, живших в местечке, по тому, как себя ведёт. Были очень порядочные люди, которые нам помогали, а были и такие, которые сразу же пошли служить немцам. В городе была тройственная власть: были и немцы, и румыны, и местные полицаи. Была также создана еврейская община. Руководители общины говорили, что скоро будет создано гетто, о котором мы понятия не имели. Говорили также о том, что надо собирать деньги, драгоценности, одаривать всем этим жандармерию, и к нам будут относиться очень хорошо. Очень по-зверски вели себя полицаи. Мы хоть и жили в своём доме, но спать ложились на полу. Полицаи бродили по ночам, запросто могли открыть стрельбу по окнам, дверям, бывали случаи убийств и ранений. А уж грабили, сколько хотели, забирали всё, что попадётся под руку.

До войны на нашей улице располагалась тюрьма. В начале войны в тюрьме никого не содержали, этим воспользовались наши новые власти. За малейшую, с их точки зрения, провинность, сажали в эту тюрьму. А то и без всякой провинности. Вот так и я в свои тринадцать лет угодила в эту тюрьму на трое суток, пока не дали выкуп за меня. Всё очень просто. Посадили - получили выкуп - выпустили. Многих забирали на работу, откуда не возвращались. Говорили, что их вывозили на скалы в реке Южный Буг и там расстреливали. Не знаю, правда это, или нет. *Подозреваю, что этих людей отправляли на строительство ставки Гитлера «Вервольф» под Винницей, как об этом говорил в своём интервью Абрам Каплан, но не берусь утверждать.* По призывам еврейской общины

продолжались сборы денег и драгоценностей для властей с тем, чтобы мы оставались в гетто, и, чтобы нас никуда дальше не отправляли. Так продолжалось до 31 декабря 1941 года. В этот день был сильный мороз, снега много выпало. В четыре часа утра полицаи стали всех поднимать и строить в колонны. Ну, что мы втроём могли с собой взять? Мне 14 лет, братику всего 10, больная мама. Взяли по узелку, немного оставшихся денег и пошли строиться в колонну. Колонна растянулась, наверное, на полтора километра, от нашего дома до моста. По бокам колонны - полицаи с собаками, немцы, румыны. На какое-то время нас оставили стоять на морозе, а сами пошли по домам проверять, не остался ли кто-то. Кого находили, тут же расстреливали. Часов в десять колонна тронулась в путь. Если кто-то падал, расстреливали без раздумий. Сопровождали и немцы, и румыны, и полицаи. Если кому-то приглянулась девушка, выхватывали из колонны и тут же, на снегу, на наших глазах, насиловали, а затем расстреливали. К вечеру мы добрались (кто сумел) до села Вышковцы и там нас загнали в конюшню. Там было полно навоза, но мы втроём были рады, потому, что не все поместились в конюшню и коровник. Многие остались ночевать на улице. А на следующее утро - опять в колонну, уже намного меньшую, так как осталось в этих Вышковцах море трупов. Лишь к вечеру следующего дня мы, наконец, добрались до Печоры. Чуть живые, голодные, замёрзшие, ничего не понимающие. У ворот нас, как преступников, встречали вооружённые полицаи с собаками. Мы увидели только, что там уже были люди. Привели нас в какое-то здание без окон и дверей, и здесь мы свалились от изнеможения, кто где мог. Первое время власти разрешали местному населению подходить к заборам, где происходил обмен вещей или денег на продукты питания. Варить негде было, воды тоже не было, обходились снегом. Люди приносили варёные кукурузу, свёклу, картошку, перебрасывали всё это через забор. Так и обходились. Потом стали привозить туда всё больше и больше людей. Привозили из Молдавии, Румынии, Польши. По несколько машин в день. Приезжали с вещами, колясками. Тут же производили сортировку: молодых оставляли, а пожилых с вещами и детей сразу же увозили. Говорили, что увозят в другой лагерь. На самом деле, потом люди узнали, для них выкапывали ямы и

живьём туда сбрасывали и закапывали, а вещи забирали. И это продолжалось довольно долго. Каждый день привозили и каждый день увозили. В Печоре не было, как в Освенциме, или Дахау, газовых камер и печей, людей там не сжигали, но это не был и рабочий лагерь. Там люди умирали медленной голодной смертью, а также от холода и болезней. Не хватит чернил, чтобы описать всё, что творилось в этом лагере. Людей привозили всё больше, а становилось всё меньше. Трупы, трупы, много трупов. Каждый день их сносили в одно место, затем грузили на подводу и увозили в ямы. Я впоследствии собирала сведения о количестве прошедших через лагерь людей. По моим неполным данным, в Печоре побывало около 30000 человек. К моменту освобождения в живых осталось около 700 человек. К весне 1942 года встала проблема воды: снег растаял. Лагерь располагался на территории бывшего имения графа Потоцкого, до войны – туберкулёзного госпиталя. В палате на два человека размещалось... до пятидесяти. Люди находились и в коридорах, на складах, в подвалах. Большая скученность, отсюда ужасная антисанитария, завшивленность, тиф и другие болезни. Не говоря о страшном голоде и жажде. Доходило до того, что одна сестра отдала другой отрезанную грудь, все об этом в лагере знали. Говорили, что вторая сестра выжила. Многих качало от сыпного тифа. Я сама себе удивляюсь, как я осталась жива после того, как переболела сыпным тифом. Мама нашла парикмахера, что-то заплатила, меня постригли наголо. На людей страшно было смотреть. В лохмотьях бродили по лагерю живые трупы, одни глаза выдавали какую-то жизнь. Тени вместо людей.

Как-то, в 1942 году в лагерь заехала машина, туда стали садиться люди, сказали, что везут в другой лагерь. Мама сказала мне: «Садись и ты, доченька, хуже, чем здесь, уже быть не может. Может судьба тебе улыбнётся. А мы с Боренькой останемся здесь помирать». *В этом месте державшаяся до сих пор Евгения, зарыдала. Похоже, я слукавил в начале рассказа об этой женщине, не всё запомнил, как следует.* Села в машину, не зная, куда повезут. А привезли в Брацлав. В Брацлаве к тому времени было два лагеря. Один из них, куда нас привезли, размещался в бывшей Чернышовской школе. Школа была обнесена высоченным, в четыре метра, забором из колючей

проводами, у входа – полицаи с собаками. Нас было человек двадцать. Народу в том лагере было немного. Ежедневно мы отправлялись на работу: ремонтировать дорогу. Из карьера привозили огромные камни, в нашу задачу входило эти камни разбивать на более мелкие куски и относить к ремонтируемым участкам дороги. К вечеру, едва волоча ноги, голодные, падали на нары. На следующее утро – опять похлёбка с дохлой кониной и – на работу. Поскольку в Брацлаве я училась, здесь оставались мои школьные подруги. Прознав обо мне, они стали незаметно приносить мне еду и даже кое-что из одежды, включая ботинки на деревянной подошве. Сама приделалась и подкормилась, даже стала делиться с соседями по нарам. Между тем, в лагерь стало прибывать всё больше и больше народу. Лагерь, о котором я рассказываю, управлялся немцами. Комендантом был немец по фамилии Годд, на работу нас сопровождал Артур. Однажды из лагеря бежали одиннадцать молодых людей: десять парней и одна девушка. Девушка была из Молдавии, её звали Ента, среди парней – Лигбейн Лёня, Константиновский Пиня, сейчас, к сожалению, не могу вспомнить остальных. Все их имена сохранены теперь на памятнике. И вот Годд велел всех собрать и через переводчика объявил, что, если в течение трёх дней беглецы не будут обнаружены, будет расстрелян каждый десятый. Мы уж не знали, чему нам молиться: то ли, чтоб их обнаружили, то ли, чтоб не оказаться десятым при расстрелах. Случилось так, что у одного из парней была знакомая украинка, у которой они решили переждать облаву. Там их и обнаружили. Привели в лагерь, показательно всех обвязали колючей проволокой, затем их отвезли в село Гриненки и там сбросили в огромный ров и присыпали землёй...

По лагерю прошёл слух, что лагерь будут ликвидировать, а вместе с ним и всех узников. Ближайшей моей подругой в лагере была тоже брацлавчанка Юля Константиновская. Я ей говорю: «Юля, если останемся здесь, нас убьют, если попытаемся бежать, нас тоже убьют. Но у нас будет хоть маленький шанс остаться в живых. Давай убежим». Одним из полицаев был Диденко Александр, отец моей соученицы, и я его прекрасно знала. Я подошла к нему и встала на колени: «Дядя Саша, вы меня знаете, я училась с вашей Фросей, я вас прошу – отпустите нас, скажите, что не заметили». Он сказал, что, возможно, берёт

грех на душу, но обещал помочь, только, чтоб о его соучастии никто не знал. Одним словом, он нас выпустил. А куда идти? Мы понимали, что ни в какой дом нас не впустят: за спасение еврея – расстрел. Кстати, в Брацлавском гетто осталось семейств пятнадцать, нужных специалистов: сапожники, парикмахеры, портные и т.п. Я предложила пойти в гетто, благо там оставался Юлин дядя. Юля возражала, дескать, если нас поймают, расстреляют и нас, и тех, кто нас прячет. Всё же пошли. Не доходя до гетто, нас обнаружил и поймал полицай. Как мы ни просились, он нас не отпустил, а привёл к коменданту Годлу. Уж не знаю, как мне хватило ума и изворотливости, но я ему сказала, что Юлин дядя даст за нас выкуп, только чтоб нас не расстреляли. Пошлите, говорю я, к нему кого-нибудь из полицаев и он даст выкуп. Дядю звали Манелис Мойша, он шкуры чинил. Годла таки послал полицаю, и по его возвращению написал на спичечном коробке наши две фамилии – Рабинович и Константиновская, и сказал полицаю: «Уведи их». И нас увели в другой лагерь, который находился в сельскохозяйственном техникуме. Такая же система с колючей проволокой и полицаями с собаками. Но мы остались живы! Позже стало известно, что всех узников Чернышовской школы расстреляли. Таким образом, мне опять удалось спастись. Комендантом в этом рабочем лагере был еврей, фамилия, похоже, Нуклер, не уверена. У него была своя квартира, где он жил с женой, держал также двух собачек. Очень жестокий был человек, любил бить людей по поводу и без повода. Его палка очень часто гуляла по людским головам и спинам. Там же я встретила знакомых по школе, старше меня, которые служили полицаями. Они нас часто сопровождали на работу в село Марксово, где мы собирали урожай овощей. Заодно можно было и самим покушать. Среди полицаев особой жестокостью выделялся один, которого звали Миша. Всего боялись и ненавидели одновременно. Но вот, удивительная вещь, этот Миша старался меня не обижать, больше того, стал усиленно подкармливать. При каждом удобном случае что-то вкусное подсовывал мне. Все, кто замечал это, удивлялись и всё расспрашивал меня, в чём тут дело. Больше всех удивлялась я сама. О каких-то чувствах говорить не приходится: я была страшной, измождённой и исхудавшей, кожа да кости, смотреть не на что. Тогда я этого отношения

Миши так до конца и не поняла. Туман рассеялся уже после войны, когда меня вызывали в суд в качестве свидетеля. Оказалось, этот Миша был настоящим... еврей(!) по фамилии Рабинович. Он предполагал, что, возможно, мы родственники, и это вызывало в нём хоть какое-то чувство сострадания. А на суде он призывал меня свидетельствовать в его пользу, мол, я тебе помогал, как родственник, теперь ты мне помоги. Я рассказала суду всё, как было на самом деле, как он измывался над людьми, как забивал насмерть, никакой поддержки от меня он тогда не получил. А получил по заслугам...

Так мы работали до осени. Осенью меня подозвал полицейский Севастьянов и говорит: «лагерь будут закрывать, вас будут перевозить в Печору». Двойственное чувство я тогда испытала. С одной стороны, пришла в ужас при одном упоминании слова «Печора», а с другой – была рада, что увижусь с мамой и братиком, о которых ничего не знала. В Печору нас привезли на машине. Первое, что увидела, зайдя за ворота Печорского лагеря, была лежащая мёртвая женщина с мёртвым ребёнком, а по ним ползают черви. Я узнала женщину, это была наша, брацлавская, Духовная Сима. Когда стала узнавать о своих, мне сказали, что маму увезли на машине в неизвестном направлении, а братика нет. И я снова осталась одна. Через несколько дней мой братик объявился, чему мы оба страшно обрадовались. Я по сей день не знаю, где покоятся останки моей мамы. Моему братику было всего десять лет и он один как-то выжил в тех немыслимых условиях. Он вместе с другими ребятами такого же возраста находил какие-то лазы в заборе, выбирался за пределы лагеря и ходил просить милостыню. Каждый вечер я с замиранием сердца ждала, вернётся, или не вернётся мой, рано повзрослевший, брат из очередного «похода» за едой. Приносил в своём мешочке кусочек хлеба, картофелину, свёклу, кукурузку, когда – что. А, бывало, и без ничего. Однажды его не было несколько дней кряду, я уже оплакивала его. Но он вернулся. Весь избитый, на нём не было живого места. А я была в отчаянии от того, что ничем не могла ему помочь. Он отлежал несколько дней и, делать нечего, опять стал ходить на свой «промысел». А прозябание в лагере, я не могу употребить слово «жизнь», продолжалось своим чередом. Люди по-прежнему умирали, одни пухли от голода, другие превращались в живых

скелетов, ежедневно вывозили десятки и сотни трупов. До середины 1943 года привозили всё новые и новые партии людей. Потом перестали привозить. Некоторым удавалось бежать. Те, у кого ещё оставались деньги или ценности, и которые имели куда бежать. Некоторые бежали просто в надежде спастись и выжить. И мы с братом стали думать о том, чтобы бежать. Бежать нам было не на что и некуда. Мы знали, что некоторые бежали в гетто Могилёв-Подольского. Сейчас некоторые люди, не знающие сути, путают или сравнивают гетто и концлагерь. А между ними огромная разница. Люди, в большинстве своём, жили в своих домах, худо-бедно, имели что кушать. Совсем другое – в лагере. Я уже много об этом ужасающем месте рассказала и вы имеете представление. Хочу сказать, что если бы не мой братик с его попрошайничеством, я бы там не выжила. В какой-то момент я сожалела, что лагерь этот находился на отшибе, вдали от каких-то магистралей или шоссе-ных дорог. Мне казалось, что, если бы о нём знало больше людей, партизаны, Красная Армия, кто-то пришёл бы нам на помощь. Очень удачно, с точки зрения наших врагов, было выбрано место. С трёх сторон – готовый высоченный забор, с четвёртой – быстротечный Южный Буг. Никто нас не видит, никто не навевывается, никто не посещает. Настоящая мёртвая петля!

- Кстати, Евгения Ароновна, вы знаете, откуда пошло происхождение этого название Печорского концлагеря?

- Как же мне не знать, если я – автор этого названия.

- Вы – автор этого названия?! *(Какая удача, подумал я в тот момент).*

- Да, именно я.

- Пожалуйста, расскажите об этом подробнее.

- Сейчас расскажу. Всё довольно прозаично. По воду мы ходили к Бугу. Набирали в бутылочки, баночки, ведёрки, у кого что было. А если не было ничего – в обувь, если не дырявая. А то и намачивали одежду, чтобы потом отжать. И при этом вели между собой разговоры о нашем житье-бытье. Там впервые и возник этот образ. Я его просто первой озвучила. В самом деле: мёртвая петля, откуда не выбраться! Со всех сторон – ограждения и ворота с полицаями и жандармами, через которые впускают живых и вывозят мёртвых. Так родилось,

приклеилось и навсегда осталось это название – «МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ».

В начале 1944 года наступила развязка. Вначале мы слышали канонаду, выстрелы. Что происходит, мы не понимали, так как не имели вообще никакой информации. Мы скорее склонялись к тому, что кого-то расстреливают. Но вот, после очередной вылазки мой братик сказал, что слышал разговоры о приближении наших войск. И у нас произошёл спор. Я настаивала на том, что до прихода наших войск нас здесь расстреляют и поэтому надо срочно бежать. А Боря, чуть не плача, говорил: «Мы столько натерпелись, я делал всё, что мог, чтобы спасти от голодной смерти себя и тебя, и лишь теперь, когда освобождение так близко, бежать и быть убитым?!». В конце концов, Боря согласился со мной, и вечером того же дня мы через известный ему лаз выбрались из лагеря и спрятались в каком-то сарае. Мы в этом сарае провели двое суток, потом не выдержали и высунулись на улицу. Здесь нас обнаружила хозяйка и сообщила, что в село пришли красноармейцы, сибиряки. Это было 17 марта 1944 года. Уже потом нам рассказывали, что готовилась акция массового расстрела узников Печорского лагеря, но румынские власти распорядились расстрел не осуществлять. Но многие, по рассказам очевидцев, были убиты при попытках к бегству. Так, или иначе, мы с моим братом остались живых. Трудно передать словами, что мы испытывали, когда увидели наших солдат. Мы простояли и проплакали весь этот ненастный день, под дождём и мокрым снегом, мы целовали руки этим солдатам, которые нам казались тогда красавцами-богатырями. Ну, а потом засобирались домой.

- Евгения Ароновна, если не возражаете, я бы задал ещё несколько вопросов по лагерю. Как осуществлялось управление лагерем? Кто был комендантом? Участвовал ли кто-нибудь из евреев в руководстве лагеря?

- Мне об этом ничего не известно. Может, в силу моего возраста в то время. Я не видела, чтобы с нами кто-нибудь общался. Я только знала, что на воротах стояли вооружённые полицаи, и что всех полицаев надо бояться.

- Когда узники ходили просить, они приносили только еду, или также деньги, одежду?

- Да, только еду. Денег никто не просил, да и вряд ли дали бы. Нам было не до одежды, нужна была только еда, чтобы не умирать с голоду. Горькая ирония состоит в том, что своей одеждой делились покойники. Хочу добавить, что местное население очень во многом помогало выжить. Без них осталось бы намного меньше людей в живых.

- Известны ли вам случаи выживания семей, которым удалось бежать из лагеря?

- Да, такое случалось, если они попадали затем в гетто, где их принимали и прятали, по крайней мере, первое время.

- Все ли узники находились в одинаково плохих условиях?

- В большинстве, в одинаковых. Но я знаю, что было несколько «привилегированных» семейств, которые сумели попасть в лагерь с приличными деньгами. В их комнатах было меньше народу, у них были оборудованные кухоньки, водились продукты и т.д. Им жилось полегче. Был даже случай, когда поженились.

- Что значит поженились? Что, и свадьба была?

- Ну, какая в тех условиях свадьба? По-моему, она была из Джурина, он – брацлавчанин. Они были не из бедных, собралось три-четыре семьи и тихонько отметили событие.

- А известны ли случаи рождения детей в лагере?

- Нет, такого я не слыхала. Детей там не рожали, этого не было.

Об одном случае рождения ребёнка, правда, не в Печорском, а Брацлавском лагере, мне позже стало известно, и Вы, уважаемый читатель, тоже узнаете. Дальше последовал грустный рассказ Евгении о послелагерных и послевоенных годах, полных борьбы за выживание, но... уже на свободе!

ЕВГЕНИЯ КРАСНЕР

Вы удивитесь, уважаемый читатель, но я невольно улыбнулся, когда написал имя моей следующей собеседницы, у которой брал интервью. При всём трагизме жизненных ситуаций, которые выпали на её долю, Евгения вела себя по ходу интервью, как будто вела рассказ не о себе, всё это пережившей, а ком-то другом. Весь её рассказ перемежался еврейскими, украинскими, немецкими и английскими словечками, был полон юмора. Она как-будто смеялась над своей судьбой. Слушать её было одновременно интересно, грустно и... забавно (уж не знаю, насколько это слово здесь уместно). Вряд ли мне удастся передать атмосферу этого интервью, считаю его одним из моих самых удачных. Речь, в данном случае, конечно, не обо мне.

...Я не могу понять, как тогда, в самом начале войны, взрослые люди не понимали, какая грозит опасность, особенно евреям. Был такой богач по фамилии Вольфензон, так он всех убеждал, что немцы – цивилизованная нация, откроются новые предприятия, магазины, возвратится частная собственность и всем будет хорошо. И это в то время, когда уже была оккупирована большая часть Европы, а евреев массово уничтожали. Из Шпикова эвакуировалось только несколько руководящих работников сахарного завода, все остальные не сдвинулись с места. Когда стрельба была слышна совсем близко, у близлежащих сёл, мы все попрятались в подвале. А на следующее утро в местечко вошли немцы. По-моему, это было в пятницу, потому что тётя Мындя замесила тесто для хлеба. В нашем доме поселилось два немца и они нас не трогали. Они были очень чистоплотны, умывались каким-то пахучим мылом, курили сигары, я помню все эти запахи. Перед самой войной мой брат простудился и заболел. Диагноз врача: мокрый плеврит. Когда немцы увидели его, больного, тут же засуетились, испугались тифа: «Das ist tifus!». А моя мама: «Nein, nein. Bei dem Jungen nur die hohe Temperatur». Это были проходящие войска. Здесь ещё не было устоявшейся власти. Затем стали говорить о каких-то «самостийниках», украинцах, якобы они – власть. После них, когда территория от Буга до Днестра была Гитлером передана под владение Румынии, так называемая

Транснистрия, здесь наступила румынская власть. Уж не знаю, к счастью или несчастью. Скорее всего, всё-таки, к счастью. *То ещё счастье! Но всё же лучше, чем немецкая власть на другой оккупированной территории.* В других местах, как, например, в Гайсине или в Виннице, евреев просто расстреливали. Румыны тоже вели себя по-разному, изверги были и среди них, но были и менее жестокие. Но возмущает поведение наших, доморощенных, украинских негодяев. Как же так?! Был пастух, пас нашу корову, Василий Паламарчук его звали. Каждый день приходил и забирал всё новые и новые вещи. Помню, мама ему говорила: «До яких пір ти будеш приходити? Ти ж учора був». «Доти, поки не будете жити, як Куніси». А это была беднейшая многодетная семья в Шпикове. Были полицаи, бывшие одноклассники моего старшего брата. Был такой Женька Ганджук, страшный полицай. Одновременно было создано гетто на улице Шолом Алейхема. Туда собирали людей со всего местечка и вселяли в дома, по 25-30 человек в дом. И наша семья также попала в чужой дом. Многие евреи жили в близлежащих сёлах и, поскольку там не было гетто, их свозили сюда, к нам. Так, вместе с нами находился доктор Штивель из Юрковки. Это он оказывал помощь моему брату. Забегая вперёд, скажу, что брат мой умер в концлагере.

Расскажу эпизод из моего детства в гетто. Однажды мама на рассвете (я этот рассвет буду помнить, сколько жить буду) послала в наш дом, где мы жили до гетто. Понадобилось снять с чердака какую-то утварь. И тут меня «застукал» полицай Остапов. Обнаружив меня, «преступницу», нарушившую границу гетто и посмевшую зайти в свой бывший дом, этот мерзавец изо всей силы ударил меня, ребёнка, плёткой. Я эту нагайку, мои слёзы от боли, от обиды помню до сих пор! Если ещё можно понять жестокость немцев, румын, венгров, это захватчики, оккупанты, это – война, то как понять украинских полицаев, с которыми ещё вчера вы были в тёплых, дружеских отношениях. Я не делю людей по национальному признаку. Понятно, что мы гордимся представителями нашей умной, талантливой нации. Это – Эйнштейн, это – Кобзон, это – Быстрицкая, это – Гилельс. Можно долго перечислять. Но есть множество представителей других национальностей, которых уважаю и люблю. Разве я не люблю Майкла Джексона,

Сильвестра Сталлоне? И американский президент мне нравится, очень красивый мужчина, и его жена Хиллари мне нравится, и Стивен Спилберг, тоже прекрасный мужчина. Обычно я при таких пассажирах стараюсь перевести разговор в необходимое русло, но Евгения была так искренна и эмоциональна, что я не посмел её останавливать и дал высказаться до конца. Я знаю этих людей из телевизора, поэтому их и назвала. Хочу пожелать им всем счастья и здоровья, а Биллу Клинтону – ещё долго-долго оставаться президентом. Excuse me, я немного отвлеклась от основной темы. Уже в Шпикове была устоявшаяся румынская власть, был Претор, уже была ненавистная украинская Управа во главе с Олексой Щербатюком, который избивал мою маму. И вот, 6 декабря 1941 года всем евреям было велено собраться на Базарной площади с вещами. Когда всех собрали, погнали в окружении румынских жандармов и полицаев с собаками. Поход этот был очень трудным и опасным. Кто не мог идти, расстреливали на месте. Трупы, трупы, множество трупов оставалось прямо на дороге. Когда уже сейчас беседуешь с пожилыми украинцами, они сочувственно сетуют: «Як же вас гнали, скільки було мертвих на дорозі!». Таким образом, пригнали нас в село Рогозное. Основную массу людей привели в местный клуб, довольно большое здание. Рядом с клубом размещался медпункт, туда нас и поместили. На следующее утро до нас дошло, что мы попали в лагерь. С охраной, с полицаями, с лагерными порядками. И опять же, разные были полицаи. Запомнила, что особой жестокостью отличался полицай по фамилии Майкоса. Очень многие наши земляки остались навсегда в земле села Рогозное. Испытываю угрызения совести, что до сих пор не отдали должное этим людям: нет там ни памятника, ни памятного знака. Как я уже говорила, были плохие полицаи, а были и не такие агрессивные. Там, в Рогозном была тётя Фаня Гершунова, женщина, скажем так, свободных нравов. У неё были добрые отношения с полицаем по имени Платон. Этот Платон иногда позволял нам выйти в село и на поля, где мы добывали на пропитание то подгнившую картошку, то мёрзлую свеклу. Иногда удавалось что-то выпросить у сельчан. Очень многие там умерли с голоду, я думаю, не меньше пятисот человек. Кроме шпиковских, других узников там не было. Когда нас осталось в живых меньше

половины, видимо, чтобы не держать для нас охрану и жандармов, в один из зимних дней 1942 года, нас собрали и погнали в Печору. Опять мы натерпелись по дороге, били просто так, как развлечение. Как известно, Печорский лагерь размещался на территории бывшего имения Потоцких, а до войны это был военный санаторий. Надо же такому случиться, что в своё время мой старший брат, майор, отдыхал в этом санатории, а впоследствии там нашёл свой последний приют отец и мама. Такие в жизни бывают перипетии. Нас разместили на третьем этаже главного корпуса, левое крыло. Окна выбиты, жуткий холод. В одной небольшой комнате разместились: наша семья, пять человек; дядя Шлойма и тётя Шейва; какие-то люди из Крыжополя; потом появились люди из Румынии, из Молдавии. У меня там появилась подружка, румынская девочка Туца, она даже научила меня петь румынские песенки.

- Можете исполнить?

- Попробую вспомнить. *Недолго думая, Евгения тут же исполнила песенку на румынском языке.* Я не знаю смысл всех слов, которые пела, просто детская память сохранила мелодию и слова песни. Хотя несколько слов бытового смысла запомнила. Людей в том лагере было огромное количество. Мы там застали тульчинских, крыжопольских, а многие прибывали и прибывали при нас. Excuse me, я забыла вам рассказать ещё о Рогозном. В одно январское утро мы просыпаемся, я смотрю – мамы нет. Не успела я зареветь, как мне старшие велели молчать: мама пошла в Шпикив. Какая-то женщина договорилась с полицаем и тот разрешил маме выйти. Цель была - взять ещё какие-то уцелевшие вещи и выпросить что-то из еды. Мама оделась под крестьянку – кожух, платок, валенки и пошла. Кстати, наш кожух прошёл с нами весь военный период, все этапы пути и сохранился до сих пор. Правда, мы им сейчас не пользуемся по прямому назначению, на зиму прикрываем им картошку и сохраняем как реликвию. *С этими словами Евгения встала и откуда-то извлекла этот, повидавший виды, предмет верхней одежды и показала на камеру. Это был забавный и, одновременно, трогательный момент.* Не успела мама зайти в местечко, как на окраине Шпикова её обнаружила и узнала местная крестьянка, тут же сообщила в жандармерию. Кончилось тем, что маму схватили, избивали так, что живого места

на ней не осталось, оставили на ночь в погребке, и только на следующий день чуть живую на санях привезли в Рогозное. Естественно, без вещей и без еды. Можете представить, как мы испереживались за это время. Мама ещё долго болела после этого избиения, были повреждены лёгкие, сильный бронхит, постоянный кашель.

Теперь возвращаюсь в Печору. У входа в санаторий были такие две пристройки. Там всегда дежурили румыны и полицаи, у них была плита, у которой они грелись. Однажды мой брат видел, как эти изверги посадили на раскалённую плиту еврейского мальчика и этим потешались. Ещё в этом лагере делали какие-то прививки, от которых люди заболели.

- Кто делал прививки?

- Говорили, что некий врач по фамилии Вишневский. Якобы, против тифа. А на самом деле, к лету 1943 года началась повальная эпидемия дизентерии, брюшного и сыпного тифа. Кушать нечего было. Но, наверное Бог нам помогал, я не знаю. В Виннице жила наша тётя Броня, по мужу Голуб, который был родом из села Велька Вульга. А в селе остались его сестра с дочерью. Это была тётя Параска и дочь Домна по фамилии Дуля. Они и носили нам еду через день. Так и выживали. Конечно, мы, чем могли, делились с соседями по палате. Не будешь ведь кушать один в окружении голодных. Вот и разламывали эту варёную картофелину или буряк на кусочки. А вокруг люди умирали, каждый день вывозили повозками множество трупов. За селом выкапывали рвы и туда сбрасывали трупы. Мы туда, к этим рвам, ездим на День Катастрофы, другие памятные дни. Сколько моих родственников осталось навеки в этих рвах! Не меньше двадцати! Вид у нас у всех был ужасающий. То, что нам приносили из села, спасало лишь частично. Не всякий раз им удавалось уговорить полицаев, не каждый второй день они приходили, бывало, четыре – пять дней ничего не ели. Голод, постоянный голод. Люди ели, что попадалось. Летом было полегче. Там огромный парк, много зелени, вот и ели траву, листья. Потом выяснилось, что там были склады, в которых были и мука, и крупы, и всякая кухонная утварь. Но никто об этом складе не знал. Доктор Вишневский знал, он расскажет об этом. А люди сотнями умирали с голоду.

Вот ещё эпизод, выхваченный из моей детской памяти. Передо мной вырастает парень: красавец, с густой чёрной бородой, голубые глаза, худущий и... абсолютно голый, ничего на нём нет. Бродит по коридорам, заходит в палаты, протягивает руку: «А штикалэ бройт! А штикалэ бройт!! А штикалэ бройт!!!». *Кусочек хлеба! Надо было видеть в этот момент Евгению! Сколько эмоций, сколько экспрессии! Я к тому времени выслушал немало интервью, но здесь и меня ошеломило, комок к горлу...* Не наш, не украинский еврей, где-то оттуда, из румынских или буковинских евреев. Его звали Макс. Многие его жалели и делились последним. Но были и такие, которые роптали: «Максик дер мышигенер лойфт арым». *Чокнутый Максик бегаёт повсюду.* Я эти сцены с Максом помню и никогда не забуду, так же, как рассвет с моим избиением, о котором рассказывала. А также не забуду загаженный коридор. Тысячу раз прошу прощения у тех, кто будет видеть меня и слышать. Excuse me, excuse me. Людям некуда было ходить, а многие и не могли далеко передвигаться, вот и происходило всё в коридоре. Догадайтесь сами, какой вид и какие запахи были в этих коридорах...

Это было то ли поздним летом, то ли ранней осенью, кругом было зелено. Заехала машина с немцами. Ещё когда мы были в Рогозном, такое здесь, в Печоре, бывало и раньше. Мы знали эти немецкие повадки: приехать, забрать людей, увезти в неизвестном направлении. Больше этих людей не видели, исчезали навеки. Их, немцев, главный лозунг был: *ausnutzen und fernichten* – использовать и уничтожить. Громадная машина, крытый фургон, полный немцев. Всех людей вывели на площадь и начался отбор. Многих усадили в машину, в том числе мою подружку, Сарочку Мильштейн с мамой. *Дальше пошло повторение рассказа о неожиданной отмене приказа о вывозе людей для массового расстрела, с которым читатель уже знаком.* И опять продолжилось это жалкое существование в этом лагере, известном теперь под названием «Мёртвая петля». В самом деле, мёртвая петля, медленно затягивающая голодной и холодной смертью. И жестокими полицаями. Особой жестокостью «прославился» Сметанский. Есть такой поэт, Наум Гребнёв. Он написал книгу стихов, в том числе, о Печорском лагере, и он там называет Сметанского Степанским. Видимо, из

каких-то юридических соображений. Некоторые одинокие молодые люди как-то выбирались из этой петли, уходили в гетто или в партизаны, я не знаю. А если - семья, куда ты пойдёшь? Поймают и, в лучшем случае, побьют и возвратят в лагерь, а то и убить могут. Так, месяц за месяцем, подошёл 1944-й год. По лагерю поползли слухи, что Красная Армия одержала ряд крупных побед, что фронт развернулся в обратном направлении. Мой брат где-то раздобыл от руки написанную листовку об успехах наших войск. Мы втихаря читали это всё и в нас стал вселяться маленький дух надежды. Правда, к этому времени в лагере осталось в живых человек 200-300, ходячие живые трупы. Потом пошла стрельба, всё ближе и ближе. Люди попрятались, кто – куда. В подвалы, в склепы Потоцких. Наконец, на территорию лагеря въехали машины с советскими солдатами, в касках, сапогах. Была весна. Ещё холодная, лежал снег, сверху наст, под ногами каша. Такой я запомнила эту весну. Я увидела этих солдат, поняла, что это наши, выбрала одного, помню, усатого и прильнула к нему, вся в слезах. Он обнял меня одной рукой, другой порылся в кармане, достал кусочек сахара, обдул его и дал мне. Затем отвернулся и сделал вот так рукавом шинели. Позже, когда немного успокоились, выяснилось, что у него в Белоруссии немцы расстреляли семью: девочку моего возраста, мальчика и жену. Мы попросились к солдатам на машину и нас привезли в Шпиков. Приехали. И что? Куда идти? Дома нет, одни руины. В тот домик, в котором мы находились в гетто, поселился дядька и открыл свой бизнес: стал делать копчёные колбасы. Но когда мы вернулись, он немедленно освободил нашу комнату. Через какое-то время нам помогли, понемногу обустроились... *Как мы и условились в самом начале, уважаемый читатель, остальной жизненный период моих собеседников, полный трагизма и всяких перипетий, в том числе приятных, я опускаю. Не могу лишь удержаться, чтобы не привести слова Евгении, сказанные в завершение интервью.*

У нас принято называть людей по имени-отчеству а за границей, в частности, в Америке, только по имени. Уважаемый сэр, мистер Стивен Спилберг! Вы делаете большое, нужное, умное, доброе дело! И за это вам мой нижайший, мой благороднейший поклон. *При этих словах, неожиданно для меня*

и оператора Евгения встала со своего стула и сделала низкий поклон, до самого пола. За то, что вы самый человечный из всех людей, которых я знала. Потому что я смогла рассказать всё, что с нами происходило во время войны. Когда меня спрашивали, где я была во время войны, я отвечала, что была в эвакуации. Слово оккупация нельзя было произносить, было опасно. Я бы хотела обратиться ко всем, кто будет смотреть и слушать моё интервью. Берегите мир! И запомните: война – это ужас. Ужас для всех людей, не только евреев. Война –это Бухенвальд, Освенцим, Трешлинка, Равенсбрюк, Печора, тысячи лагерей, где погибли миллионы людей. Ещё и ещё раз прошу: берегите Мир!

РЕЙЗЯ РОЙТМАН

Имя этой женщины уже упоминалось в интервью Эстер Бартик. Тогда они обе носили фамилию Габа. Они вместе пережили Печорский лагерь «Мёртвая петля». Казалось бы, какой смысл брать интервью у двух сестёр с одинаковой судьбой. И всё же мне было интересно поговорить с обеими хотя бы потому, что они разного возраста и со своих позиций воспринимали происходящее, по-разному оценивали события. Впоследствии я не пожалел, что именно так поступил. Читайте и судите сами.

...Я родилась в 1918 году и помню себя с четырёх лет. Помню, что Тульчин был чуть ли не сугубо еврейским городом с населением порядка 14 тысяч человек, здесь кипела культурная еврейская жизнь. Сюда любили приезжать гастролёры, еврейские исполнители, такие, как Эпельбойм, Клара Юнг, Шульман и многие другие...

...Все считали, что Красная Армия готова к отражению атаки любого противника. В стране царил дух победоносных войн: победили японцев на острове Хасан, затем победили финнов, надеялись также легко победить немцев, если нападут на СССР. Мы жили в центре города, недалеко от военкомата. Помню начало войны, 22 июня 1941 года, очень хорошо. Мать болела, что-то было с позвоночником, носила гипсовую повязку. Когда я вышла на улицу, меня остановила соседка и сообщила, что началась война с Германией. Я тут же вернулась домой, но решила матери не говорить. Через несколько дней мама попросилась выйти на воздух и довольно быстро оценила обстановку. «Почему ничего не говоришь? Я же вижу, что наши войска отступают, а возле военкомата полно молодых людей. Это ведь война!». Ещё через какое-то время началась эвакуация. Попытались выехать, но мамина голова едва держалась на шее из-за проблем с позвоночником, пришлось вернуться домой. А в городе – паника, пожары, разрушенные дома, поняли, что здесь оставаться опасно и решили, несмотря на болезнь мамы, всё же эвакуироваться и 22 июля во второй раз пустились бежать из Тульчина. Доехали (у нас была подвода, запряжённая лошадью) до села Федковка, переночевали у знакомой женщины, а наутро она сообщила, что в селе - уже немцы. Поняли, что дальше

двигаться бессмысленно и после короткого совещания решили возвратиться в Тульчин. Первый испуг мы испытали ещё в селе, когда встретивший нас на дороге немец схватился за топор. Но отец, свободно владевший немецким языком, как-то сумел его остановить. Когда мы вошли в наш дом в Тульчине, застали там немцев, слушающих патефон с классической музыкой и советскими песнями из нашей фонотеки с пластинками. Опять произошёл диалог на немецком языке с отцом, после чего немцы убрались восвояси, не забыв прихватить патефон с пластинками. В дальнейшем они ещё привлекали отца в качестве переводчика.

Первой жертвой Тульчина был очень интересный парень, я хочу, чтобы он вошёл в историю. Его звали Борис Воскобойник. Он до войны работал в двухгодичном пединституте. Возможно, его оставили для подпольной работы. Был ещё один подпольщик, Стоянов, тут же перешедший на сторону противника и стал полицаем. Вероятнее всего, Стоянов и выдал Воскобойника. В один день с Борисом арестовали ещё одну девушку, секретаря комсомольской организации, и ночью их расстреляли. Потом пошли многочисленные облавы, нападения, насилие, грабежи, избиения и убийства. Директором обувной фабрики был еврей, Нысл Гранц. Так его разрубили на куски и в мешке увезли на кладбище. Нас, евреев, заставляли работать. Очень тяжёлая и бессмысленная работа. Таскали на носилках камни, высыпали на указанное место, затем забирали с этого места и переносили в другое. С одновременными ударами палкой или плёткой при малейшей задержке. Невозможно передать, сколько побоев и унижений пришлось пережить. Так продолжалось до судного дня в сентябре месяце, точную дату не помню. А в судный день было организовано гетто в Тульчине. Пришлось оставить, хоть и разграбленный, но всё же наш дом и переселиться в другой, что на территории гетто. Жизнь в гетто стала ещё ужасней: все евреи на виду, вот они, бери и делай с ними, что хочешь. Издевались, как хотели. Вплоть до убийств, по поводу и без повода. Отдельный разговор о враче по фамилии Белецкий. Ссылаясь на большую скупченность людей и, как бы заботясь об их здоровье, стал делать уколы, после которых людей стало качать от тифа. А на первый день Хануки, 7 декабря в составе одной из первых партий нас отправили в Печору. Тогда мы ещё

не знали, куда нас отправляют. В мире не найдётся ни один писатель, который сможет достоверно описать все трудности этого похода. Кто не мог идти, тут же пристреливали. В то время было одновременно и холодно и грязно. Воды не было, пили из грязных луж. О том, чтобы останавливаться, а, тем более, покушать, не могло быть и речи. Вели, словно преступников, по этапу. Сопровождали нас немцы, румыны и украинские полицаи. Активнее всех по издевательствам были именно полицаи. Особенно мне запомнился полицай по фамилии Бадеев, он знал румынский язык, видимо очень старался понравиться румынским властям и был по отношению к людям в колонне особенно жесток. После ночёвки в каком-то скотском хлеву в селе Торков, нас погнали дальше, в Печору, в тот самый лагерь, получивший название «Мёртвая петля». Из нашей семьи больше всех переживала моя сестра Хона, так как у неё на руках был семимесячный ребёнок.

- Пожалуйста, обрисуйте, какая картина предстала перед вами, когда вы зашли на территорию Печорского лагеря.

- На воротах стояла охрана из двух полицаев и румына. Ворота открылись перед нами и закрылись после нас вплоть до нашего освобождения. На выход эти ворота открывались только, когда забирали на работу, на расстрел. Вокруг лагеря стоял высокий каменный забор, ни еды, ни питья нам не давали. Воду мы набирали для питья из Буга. Буг – это река, которая отделяла Печору от Сокольца, вдоль Буга шла граница Транснистрии, территории, которая принадлежала Румынии. А в Сокольце стояли немцы. В том месте Буг не очень широкий и немцы с того берега видели всё, что происходит на противоположном берегу. И вот, когда кто-то, особенно, дети из лагеря, спускался к речке набрать воды, немцы частенько открывали огонь. Стреляли прямо в людей. Очень много трупов поглотила река в том месте! Вода в Буге часто приобретала розовый от крови цвет. Если же удавалось набрать воды, то надо было ещё преодолеть сто семьдесят ступенек вверх и не встретить полицаю. Иначе ваше ведёрко или другая посуда с водой могла быть опрокинута простым ударом ноги полицаю. Люди умирали, падали, как мухи. Однажды в лагерь приехал начальник Тульчинской полиции Стоянов, врач Белецкий и санитарный врач, женщина по фамилии Кравченко. После

выяснения, что в сутки умирает не больше, чем 100-150 человек, эта «комиссия» приказала устроить карантин, чтобы ночью никто не мог никуда выйти. Таким образом, кроме тифа, стала распространяться ещё и дизентерия. Издевательства над людьми были самыми жестокими и изощрёнными. Одна женщина, Островская, попыталась бежать. Её поймали, посадили на раскалённую плиту в дежурке охранников и так держали, пока она не сгорела. Я сама заболела тифом, лежала четыре месяца на голом полу возле дверей. Естественно, без всяких лекарств, в грязи. До сих пор не могу понять, как мы остались живы в тех условиях. Мы ведь видели, как вокруг нас умирают люди. Так продолжалось до лета 1942 года. Приехали немцы и стали забирать на работу. Отбирали наиболее трудоспособных. Но у многих были дети. Детей вырывали из рук, ударяли их о забор, таким образом умерщвляли. Я видела эти сцены, дети орут, родители режут, стонут и вопят, страшный гвалт, жуткое, страшное зрелище... Нас этот отбор на работу как-то обошёл стороной, а тех людей, которых отобрали, больше никто не видел, они все погибли.

Однажды, когда я почувствовала себя получше, я решилась на побег из лагеря напару ещё с одной девушкой. Это была Бетя Зильберман. Она попала в лагерь с мамой и сестрой Хаей, у которой ещё был маленький ребёнок, Витя. Мама умерла, Хая с ребёнком куда-то пропали, Бетя осталась одна и предложила мне бежать с ней. Нашли лаз в заборе возле Буга и ночью выбрались. Шли долго, отдалились от Печоры, ночевали в лесу или на кладбище, самое безопасное место, между прочим. Добрались до села Клебань. Спрашиваем у местной жительницы, нет ли в селе немцев или румын. Нет, говорит, заходите смело, нет здесь никого чужого. Только мы зашли в село, как нас тут же схватили. Оказывается, существовала ещё и полевая жандармерия, о существовании которой мы не знали. Нас бросили в тюрьму, где мы провели несколько дней, после чего повели в Тульчин. Нас, двух девушек, сопровождали восемь жандармов. Привели и завели в тульчинскую тюрьму, сейчас там почта, и бросили в подвал. На следующий день привели к начальнику полиции Стоянову на допрос. Он стал расспрашивать, чем мы занимались до войны. Сам он был учителем физкультуры и я была его ученицей, но он этого не

помнил, или делал вид, что не помнит. Уж на что румыны были жестоки в обращении с нами, но жандарм, который нас привёл, сам стал просить Стоянова, чтоб нас не били. Стоянов сказал, что бить не будут, только пыль собьют и позвал палача Бадеева. Тот стал бить так сильно, что моя подруга Бетя лишилась рассудка. Мы провели в этой тюрьме довольно много времени. Помню, какие-то мальчишки срывали с деревьев сливы и бросали нам через gratы, окон не было. Помню эпизод, когда попросила попить у женщины, несущей ведро с водой. Так она от этой просьбы сильно возбудилась, наговорила кучу гадостей в наш адрес и позвала Бадеева, а тот уже выполнил свою привычную работу – крепко избил нас. Потом нас стали брать на работу – носить камни. Удивляюсь, где брались ещё силы. Наверное, Бог нас сохранил, чтоб мы могли всё это рассказать, как живые свидетели. Как-то нас увидел знакомый парень из гетто. Уточнив, что я сестра Фиры, передал для неё 20 марок. Однажды мы с Бетей оказались рядом с группой румын, которые ели гороховый суп с хлебом. Мы были настолько голодны, что не могли сойти с места, всё стояли и смотрели. Наконец, они сжалились над нами и дали по мисочке супа и по кусочку хлеба. Они и оглянуться не успели, как мы опорожнили эти мисочки. Тогда они набрали ведро супа и дали нам. Я думала, что лопну, но оторваться не могла. До сих пор помню вкус той тяжёлой пищи и даже зелёный цвет того эмалированного ведра. Потом последовали этапы между сёлами вблизи Тульчина. Сначала Копиевка, затем Торков, а затем... Печора. В Печору прибыли чуть живые. Моя подруга Бетя на второй день скончалась. А мои сёстры уже не надеялись увидеть меня живой. Но я и сама вернулась и ещё ухитрилась сохранить и принести 20 марок.

Осенью, в сентябре 1942 года, по лагерю поползли слухи, что лагерь будут ликвидировать и всех его обитателей будут расстреливать. Стали думать и гадать, что делать. И здесь оставаться и ждать смерти нельзя и пускаться во все тяжкие с маленьким ребёнком невозможно. Сопротивляться и бороться не было никаких сил, жить впроголодь тоже было не вмоготу. Просто смирились с необходимостью принять смерть и положить этим конец всем мучениям. *И опять, уважаемый читатель я прерву рассказ Рейзи, так как с дальнейшим эпизодом*

несостоявшегося расстрела вы уже знакомы. Я рассказывала, что у моей умершей подруги Бети была сестра Хая. Любопытной оказалась её судьба. Когда она бежала из лагеря, её свалил тиф. Каким-то чудом она добралась до Тульчина и там её спас один благородный врач. Оправившись после длительной болезни, она возвратилась в Печорский лагерь, чтобы воссоединиться со своей семьёй. Когда выяснилось, что в живых нет ни матери, ни сына, ни сестры, эта девушка решила опять бежать из лагеря, но теперь, чтобы отомстить немцам за выпавшее на её долю горе. Уже после войны стало известно, что она попала в партизанский отряд, была разведчицей, первой на лошади ворвалась в освобождённый Томашполь. Затем, правда, погибла уже на фронте.

В начале зимы 1943 года по настоянию сестры Хоны мы всё же рискнули бежать из лагеря с целью попасть в Копайгород, в семью её бывшего мужа, их фамилия Фишелевич. Побег мы совершили, после всяких перипетий в дороге, в конечном итоге, успешно, до Копайгорода добрались. Но Хону с ребёнком семья приняла, а нас с Фирой – отказались. И куда мы с Фирой не обращались в еврейских местечках, нас никто не хотел принимать. Положение оказалось безвыходным и, вопреки всякой логике мы... возвратились в Печору. Надо было видеть лица людей, которые увидели нас вновь. Как же так, вырваться из этого ада и сюда же вернуться!? А мы говорим: останемся лежать в той же земле, где наши родители. А уже в конце зимы 1943 года одна Джуриная женщина, Фейга Карлик, по мужу, кажется, Фурман, упросила меня, как знающую дорогу, привести её в Джурин. И мы с Фирой и Фейгой пустились в дорогу.

- Как вы шли, какой был ваш маршрут?

- Первых три села были Вульга, Вульжка и Стояны, дальше было село Красное, где мы надеялись у кого-нибудь отогреться и переночевать. Увы, к кому мы ни просились, никто не пожелал нас приютить. Так, не солоно хлебавши в Красном, мы направились на Дербчин, а из Дербчина уже – прямая дорога на Джурин.

- Как долго вы шли?

- Несколько дней.

- Чем вы питались эти дни?

- Эта женщина, Фейга нас кормила. У неё были деньги. В сёлах были магазинчики. В Деревчине нас покормил и пустил на ночь какой-то еврей.

- В этих сёлах, через которые вы шли, были немцы, румыны?

- Нет, нам везло, в этих сёлах чужих не было.

В Джурине родные Фейги тепло благодарили нас за то, что привели Фейгу и настоятельно советовали в Печору не возвращаться, а остаться там, в Джурине. Так мы оказались в Джуринской синагоге. Вначале возникли проблемы с бессарабскими евреями, но со временем наладились отношения и мы вздохнули с некоторым облегчением. Должна сказать, что в Джурине, как нигде, была налажена существенная помощь страждущим. Бог послал нам в Джурине ангела-хранителя в лице Гольденберга. Однажды он пришёл в синагогу с врачом Френкелем, обратил на нас внимание, узнал, что мы вырвались из Печорского лагеря и в дальнейшем очень помогал.

- Разрешите ещё несколько вопросов по лагерю. Из каких окружающих мест попадали люди в Печору? Сколько, по вашему мнению, людей побывало в Печоре, понятно, что абсолютное большинство там и погибло? На каком языке общались между собой евреи из разных мест, было ли взаимное неприятие? Расскажите, как там проходило время, опишите один характерный день с утра до вечера. *Разумеется, все эти вопросы я задавал последовательно, после получения ответов.*

- В Печору попадали, кроме Тульчина, из Шпикова, Тростянца, Ладыжина, Могилёв-Подольского, Брацлава, Джурина. Очень много, как я говорила, из Молдавии, Буковины, Румынии. Мы после войны всё пытались определить количество погибших в Печоре. По моим представлениям, не меньше сорока тысяч человек. Общались между собой только на идиш, взаимной неприязни не было, страдали все. Каждое утро в лагере начиналось с выноса покойников. Не было такой ночи, чтобы кто-нибудь не умер. Умирали помногу каждый день. Надо признать, что особенно часто умирали румынские евреи. Они не знали украинского языка, им сложнее было находить контакт с местными жителями, которые нас хоть как-то жалели и помогали. Покойников вывозила бригада из наших же евреев-узников. Их запрягали в подводу и они увозили. Сначала на

еврейское кладбище, а затем в специально вырытые рвы. Если у кого-то было что покушать, ели. Кто-то выходил во двор и стряхивал со своего рванья вшей. А то продолжали лежать на полу или бесцельно бродили по лагерю, либо пытались раздобыть пищу. Пищу можно было раздобыть, либо сбежав за пределы лагеря и выпросив, либо обменом каких-то тряпок с местными жителями, либо просто получив что-то через забор от сердобольных селян. В основном, люди проводили время в ожидании своего конца. В нашей палате был еврей по фамилии Ройзман, так он любил говорить: «Мы находимся у волка на языке. Ему ничего не стоит в любой момент проглотить нас». Этот Ройзман, кстати, в лагере остался жив, затем воевал, попал к немцам в плен, бежал, оказался в том же Джурине, опять попал на фронт, где и погиб.

- Известны ли вам случаи насилия в отношении женщин?

- Да, такое было со стороны немцев. Они это делали даже на виду у других.

- Возвратимся в Джурин. Вы попали туда зимой 1943 года. Как долго вы там оставались?

- До освобождения в марте 1944 года. Тот же Гольденберг переселил нас в комнатку при МТС за сахарным заводом. Я, конечно, хорошо знаю эти места, МТС (машинно-тракторная станция) существовала вплоть до моего окончания школы в 1957 году. Спали мы на полу, но там была кухня и нам там давали покушать.

- А как к вам относилось местное еврейское население, кроме Гольденберга (с нескрываемым интересом спросил я)?

- Там дело было организовано таким образом, что в разные дни в разных домах подкармливали таких беженцев, как мы. Мы это «расписание» знали и пользовались этим. Джурин – это было единственное местечко из всех известных мне от Буга до Днестра, где людям так активно помогали. Не скрою, что мне было очень приятно это слышать. В дальнейшем я к теме вспомоществования в Джурине во время оккупации ещё обязательно вернусь. Это истинная правда. Только из Печорского лагеря в Джурине спаслись около сорока человек. А 18 марта 1944 года Джурин был освобождён.

- Что стало с остальными членами вашей семьи?

- Сёстры из Москвы были эвакуированы и остались живы. Брат был мобилизован на фронт, был десантником, парашютистом, впоследствии погиб, пришло сообщение, что пропал без вести. Родители навсегда остались в Печорском лагере, там же погибли мамины две сестры, жену маминого брата немцы расстреляли. *Невозможно было спокойно слушать дальнейший рассказ Рейзи о безрадостной жизни в освобождённом Тульчине до и после победы. Тяжёлая работа в госпиталях, полуголодное сиротское существование без жилья, затем неблагоприятное замужество с вдовцом с детьми, рано ушедшим из жизни. Горькое сожаление о потерянном детстве и юности, тяжёлая рана от ушедших родных и близких. В завершение нашего интервью по моей настоятельной просьбе Рейзя спела одну из песен, сочинённых безвестным автором в Печорском лагере на языке идиш. Не взыщите, уважаемый читатель, мой идиш далёк от совершенства, да и поэт я никакой, но я всё же попытаюсь и своё повествование об этой пострадавшей женщине завершить переводом на русский этой грустной песни.*

Я песню новую спою для вас, евреи,
О лагере Печорском, где мы есть.
Всем людям я пою, ведь мы – плебеи.
Страданий наших всех не перечесть

Согнали нас, как скот, со всех местечек.
А здесь когда-то санаторий был.
Вы не найдёте столько поминальных свечек
Отметить всех, которых Гитлер погубил.

Над нами издеваются, как могут
Сметанский и другие палачи.
Мольба и слёзы нам здесь не помогут.
Твоя судьба, еврей: терпи, терпи, молчи.

Нам до войны жилось не так уж плохо:
Был хлеб, и под ногами была твердь.
Теперь у нас ни выдоха, ни вдоха
А впереди маячит только смерть.

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

Я песню новую вам спел, мои евреи
Никто нам не поможет, и никто нас не спасёт
Прошу лишь об одном, друзья-евреи:
Пусть правду хоть один из нас до мира донесёт.

ЯКОВ ХЕЛЬМЕР

В предисловии я писал, что будут некоторые исключения из общего порядка приводимых интервью людей, переживших Холокост. Вот и первое исключение: я не брал интервью у Якова Хельмера, брала другая участница проекта Стивена Спилберга и было это даже не в Украине, а в России. И, тем не менее, я решил включить это интервью в сборник. Дело в том, что Яков – мой земляк, из Джурина. У него не совсем обычная биография. Он живёт в Израиле, написал замечательную книгу «Повесть о пережитом». При посещении мной Израиля Яша подарил мне некоторые материалы о Холокосте, в частности, копию рассказа Менаше Миллера о Джуринском гетто. Суммируя все эти резоны, счёл нужным привести это интервью.

...Когда моя мама умерла, я был совсем маленьким. Только помню, что меня к ней близко не подпускали, только до порога комнаты, где она лежала. Уже намного позже, когда мне было 14-15 лет, мне рассказал подробности наш сосед, раввин Герш Коральник. Мама, рассказывал он, была атеисткой, активной пионеркой и комсомолкой. Когда сильно заболела, попросила привести к ней раввина, чему все вокруг были сильно удивлены. «Когда я пришёл, - рассказывает раввин - она попросила всех остальных выйти из комнаты. Затем она обратилась ко мне с такими словами: вы, наверное знаете, что я никогда не верила в Бога. Сейчас я ужасно мучаюсь от болезни. Явите мне Божью силу. Сделайте так, чтобы я встала на ноги, либо пусть Бог заберёт меня немедленно к себе, чтобы прекратились мои муки». После этих слов раввин взял её руку в свои, прочитал молитву и мама тут же скончалась. После этого он вышел к родственникам и сказал: «Она отмучилась. Не шумите, не кричите. Так должно было случиться. Ничего не надо делать»...

Помню себя в Джурине в первые дни войны. Конечно, я тогда не понимал, что такое война. Но когда начались первые бомбардировки Джурина, когда бомба упала в 300 метрах от нашего дома, а у нас стены пошли трещинами, и я стал понимать, что война – это что-то очень плохое. Вскоре за мной приехал отец и забрал меня в Брацлав. Тогда Брацлав не обстреливали, не бомбили. Помню проводы отца на фронт, это

было в июле 1941 года. Помню, что мы с ним были в военкомате и он подвёл меня к стоявшему там пулемёту. Увидеть настоящий пулемёт после киношного из фильма «Чапаев» - это было просто чудо.

Итак, мы остались вдвоём с мачехой. После бомбардировок с воздуха начались артиллерийские обстрелы, во время которых мы прятались в погребе. Помню, в один из таких дней с нами в погребе сидел парень с комсомольским значком и всё выглядывал на улицу, а мы жили в центральной части города. Вдруг парень воскликнул: «Они уже здесь!». В город вошли немцы. На мотоциклах. Мы с мачехой дождались темноты и зашли в квартиру. Первым делом она стала сжигать в печи всё, что имело советскую символику: всякие документы, включая похвальные грамоты с изображением Ленина и Сталина. В печь полетела даже моя детская военная форма с петличками, красными звёздочками и самолётиками...

В какой-то день мать (*с этого момента Яков именно так стал называть эту благородную женщину*) подняла меня и сказала, мол, собираемся, нас отсюда выгоняют. Нас переселили в другую часть Брацлава, где было организовано гетто. Оцепили колючей проволокой и всех евреев согнали туда. Мать взяла с собой кое-какие вещи, что смогла унести с собой. В новой квартире, заселённой, как сельди в бочке, мать попросила хозяйку помочь спрятать эти вещи. Нашли сундук, в сенях выкопали яму, уложили туда сундук с вещами, который в конце войны оказался... пуст. Сколько и как мы провели в этом гетто, в силу своего возраста, сказать не могу. Знаю, что особо свирепствовали местные украинские полицаи. Вражда была страшная. Напьются, зайдут на территорию гетто и начинают беспорядочную стрельбу по окнам домов, так потешались. Особенно, по рассказам матери, они свирепствовали 7 ноября 1941 года. Жертвой такого разгула пал наш добрый сосед, стекольщик, имевший неосторожность выйти со свечой на застеклённую веранду. Такие походы в гетто эти подонки совершали довольно часто.

Зимой, в декабре, незадолго до нового, 1942 года по гетто поползли слухи о предстоящей карательной акции, т.е., расстреле. А наутро по домам стали ходить полицаи, стучать в окна и двери и призывать всех спешно собрать вещи и еду на

два-три дня, оцепили по периметру всю территорию гетто и согнали всех на центральную площадь.

- Несколько вопросов по гетто. Сколько вас было в доме? На чём спали? Чем питались?

- Я, разумеется не считал, но народу было очень много, едва все помещались, не говоря о каких-то удобствах. Я спал на каких-то досках, застеленных чем-то, мать спала на полу подле меня. Питались, в основном, благодаря сердобольным крестьянам, которые видели и сочувствовали нам. А также за счёт простого обмена вещей на продукты питания, на муку, картошку, свеклу, лук... Бывало и так, что некоторые незлые полицаи позволяли покинуть на какое-то время гетто с тем, чтобы человек мог раздобыть пищу для себя и семьи. Такое, кстати, практиковалось и в концлагере, о чём разговор впереди. Возвращаюсь к площади в центре Брацлава, куда согнали евреев. На мне были тёплые фетровые валеночки, зимнее пальтишко, шапка-ушанка. Мама имела с собой узелок. Что там было в узелке, я не знаю. Там же стояло пять-шесть запряжённых лошадьми саней. Раздалась команда: вещи и детей – в сани, взрослые – пешком, и – марш вперёд. Команды раздавались на украинском языке, сопровождали нас румыны и украинские полицаи, немцы к этому отношения не имели, так как они оставались по другую сторону Южного Буга, противоположная той, откуда начиналась румынская территория, так называемая Транснистрия. И вот я разместился на санях, рядом – наш узелок, и рядом с санями – мама. К тому времени уже беременная. Куда нас гонят, мы не знали, просто гнали, как скот. Один только маленький эпизод, запомнившийся мне, малышу. Шли долго. Мама сильно устала и подседа ко мне в сани. Полицай увидел, подскочил и изо всей силы огрел её плёткой. Мама соскочила с саней, ухватилась за них и удержалась на ногах: падать было нельзя, тут же могли пристрелить. Всех, кто падал от изнеможения, тут же добивали. И ещё эпизод, случившийся на дороге на моих глазах. Ещё в Брацлаве, когда папа был один, без жены, ему иногда готовила еду наша дальняя родственница, тётя Бэйла. У неё были больные ноги и она присела отдохнуть немного. Тут же полицай ударил её плёткой и велел подняться. Но после оглушительного удара она подняться сразу не смогла. Тогда подскочил другой полицай

и тут же разрядил в неё автомат. Тётя Бэйла так и осталась лежать. Кстати, я не видел, чтобы кто-нибудь подбирали трупы, так и оставались лежать на дороге. Может быть потом их подбирали.

- По дороге были остановки? А если кому-то понадобилось по нужде?

- Остановок с отдыхом не было. Только, на короткое время, когда сами наши охранники хотели остановиться. Что касается второго вопроса, то всё происходило на ходу, ни в коем случае нельзя было отставать от колонны: это было чревато немедленным убийством. Мне трудно сказать, как долго мы шли. Думаю, не меньше суток. Наконец, мы пришли к воротам, которые для нас открыли, а за нами закрыли. Впоследствии, я узнал, что это был санаторий для военных, больных туберкулёзом. Это было в селе Печора, на берегу Южного Буга. К тому времени там уже были люди, на которых страшно было смотреть. Помню детишек, которые подбежали к нам и стали просить что-нибудь покушать. Оборванные, исхудавшие, завшивленные, грязные. Мама нашла местечко под лестницей, там и поселились.

- Когда вы вошли в ворота, что вы увидели перед собой, что представлял собой санаторий?

- Мы увидели огромную территорию, окружённую каменным забором, метров двух-трёх высотой, большой парк с многочисленными деревьями и несколько строений, одно из них в три этажа. Мы вошли зимой, картина была неприглядная, но летом это было великолепное, красивое место. Это было поместье графа Потоцкого, довольно хорошо обустроенное, с фонтаном, шикарной лестницей, спускавшейся прямо к реке, у самой воды громадная скала, метров восьми в длину и метра три высотой, отдельные помещения для кухни, для прислуги, для лошадей. Для времяпрепровождения графа и его родни место было просто великолепно. Но... не для нас, узников этого жуткого лагеря смерти. Никакой пищи, воды, никаких человеческих условий. В первое время, пока осваивались, было очень тяжело. Смотрим, люди копошатся в снегу. Оказывается, находят косточки от прогнивших вишен и едят, и мы стали делать тоже самое. Потом нам подсказали, что к забору подходят жители Печоры и окрестных сёл, приносят продукты в обмен на вещи. Мама стала

искать выход. Вместе с мамой в лагерь попала её сестра, ей тогда было лет семнадцать, сейчас она живёт в Виннице. Там же, в лагере, был парень из Брацлава. Они полюбили друг друга. Внешне он не был похож на еврея, сумел войти в контакт с полицаем. Тот его в определённые дни выпускал за территорию лагеря с некоторыми вещами. Дальше происходил обмен вещей на муку, крупу, хлеб, картофель... У этого парня была семья из пяти человек, ещё он делился со своей возлюбленной, при этом и нам с мамой перепадали какие-то крохи. Так и выживали, как могли. Таким образом удалось перезимовать и дотянуть до весны. Потом пошли неприятности другого порядка: начались всякие болезни, тиф, в том числе чесотка. Больше всех досталось мне. Пальцы на руках покрылись волдырями, потом начали гноиться, руки опухли, было что-то жуткое, я пропадал... Мама попросила этого парня за какую-то оставшуюся драгоценность, уж не помню, какую, обменять при очередном походе по сёлам на серную мазь. И эта мазь меня спасла, всё стало заживать. Весной и летом стало полегче. Появилась травка, молодая кора на деревьях, крапива, прочая зелень. Всё это шло в пищу в сыром и варёном виде.

Запомнился эпизод, который произошёл на моих глазах. Молодой парень что-то обменял у забора на ведро вишен. Ему передали это ведро через забор и в момент, когда он опускал его уже на внутренней стороне забора, раздался выстрел. Парень был убит наповал пулей выпущенной садистом, известным во всём лагере своей особой жестокостью, полицаем Сметанским. Надо сказать, что люди в этой ситуации повели себя по-разному. Некоторые бросились к забору и стали лихорадочно собирать рассыпанные вишни рядом с только что погибшим парнем. Другие побежали позвать мать этого несчастного. Мать, увидев своего мёртвого сына, закричала, что есть силы, а потом стала безудержно смеяться. Мне тогда было невдомёк, что она просто помешалась. Что было дальше не знаю, мама меня увела. Об этом эпизоде с вишнями и убийстве человека мне рассказывали несколько моих собеседников. Возможно, было несколько таких случаев, либо он так потряс очевидцев и эту историю просто пересказывали друг другу. Это произошло летом. А зимой я был очевидцем другой сценки. От голода, холода и болезней люди умирали сотнями, я не оговорился – сотнями. Однажды

наблюдал, как ещё едва живой вырывал из руки умершего... сухарь. Он всё никак не мог разжать пальцы, наконец ему это удалось, выхватил сухарь, оглянулся вокруг и, как затравленный зверёк, стал его грызть. Ещё одно воспоминание из моего «счастливого» детства. По утрам трупы свозили в сарай, затем приходила похоронная бригада из тех же узников, нагружала телегу или сани в зависимости от времени года, сами же в них впрягались и увозили за пределы лагеря. Как-то я проходил мимо того сарая и увидел, как детский трупик схватили за ноги, чтобы забросить в сани, а он сломался пополам. Добычей этой похоронной бригады были вещи, которые они снимали с мертвецов.

Немного отступаю от рассказа о Печорском лагере и мысленно перенесусь в Джурин. Там, в гетто, ведь оставались бабушка с дедушкой, тётки, другие родственники. Они, естественно, беспокоились о нас, переживали, не ведали, что с нами, где мы. Не постигла ли нас участь одной из тёток, которую расстреляли в Вороновицах? Стали искать пути для нашего обнаружения. В конце концов, бабушка от каких-то людей, попавших в Джурин, узнала, что мы живы и находимся в Печорском лагере. К тому времени в Джуринском гетто было уже много румын и румынская жандармерия во главе с претором. Претор оказался любвеобильным, стал подыскивать себе фавориток. В их числе оказалась некая Анна Кашко. У неё в квартире стали часто собираться гости, большей частью офицеры, в том числе немецкие. Там развлекались, веселились, устраивали вечеринки, пьянки, гулянки. Чтобы пристойно и привлекательно выглядеть, Анне понадобилась, как тогда говорили, модистка. В то время в Джуринском гетто было очень много семей из Румынии, Буковины, Бессарабии. В доме у бабушки поселилась одна из таких многочисленных депортированных из Румынии семей. В составе семьи были отец, мать, двое сыновей и дочь, которую звали Фаина. Оказалось, что Фаина обладала искусством прекрасной швеи и Анна стала её самой важной клиенткой. Анна приезжала на бричке, увозила Фаину с собой за пределы гетто, через мостик, служивший условной границей гетто. В Джурине гетто не было обнесено колючей проволокой, в отличие от Брацлава. Фаина могла пробыть у Анны два-три дня, где обшивала её с ног до

головы. Она её, конечно, кормила, снабжала продуктами. Однажды Фаина рассказала в доме у бабушки, что в окружении Анны появилось новое лицо: немецкий офицер, который, как оказалось, спас в Немирове еврейскую семью, подлежавшую расстрелу вместе с другими евреями. Тот офицер, оказывается был влюблён в еврейскую девушку из той самой семьи. Сначала он перевёл семью в Печорский концлагерь, а уже оттуда вызволил и перевёз в Джурин. Вся эта любопытная история стала достоянием гласности, многие говорили о благородстве немецкого офицера. Стоит ли говорить, что бабушка, прослушав всю эту историю, тут же предприняла шаги для нашего спасения. Она упростила Фаину передать этому офицеру мою и мамину фамилии с тем, чтобы вызволить нас из Печорского ада.

Возвращаюсь в Печору. Однажды, летом 1942 года, нас с мамой разыскивает полицай, сверяет наши фамилии с записанными на бумажке и говорит, чтоб мы подготовились, в определённое время пришли к нему на проходную, он нас выведет на дорогу, где нас уже будет ждать немецкий офицер. Мама быстро собралась, да и что там было собирать? Пришли в назначенное время, полицай своё обещание тоже выполнил, вывел на дорогу и мы стали ждать... Ждали долго. Никого не дождалось. Дороги мама не знает. Что делать? Куда податься? Иного, чем возвращаться в лагерь, мама не придумала. А как возвращаться? Тоже вопрос: ведь тот , добрый полицай уже сменился. А как отнесётся другой? Может и убить за попытку побега из лагеря, такое уже бывало. Мама принимает решение: возвращаться в лагерь через забор. Только она меня посадила, нас обнаруживает полицай. К счастью, оказался не таким уж зверем. Мы отделались несколькими ударами плёткой, после чего вернулись в лагерь. Прошло какое-то время, не знаю сколько, события повторяются. Опять нас находит полицай, опять скорые сборы, опять выход, но уже в определённое место и опять... нет никого. Заметили лишь, что промчалась мимо нас какая-то легковая машина с военными. Как выяснилось позже, офицеру пришлось подвезти каких-то других военных, поэтому нас подобрать не мог. И опять, во второй раз, нам пришлось возвращаться в ненавистный лагерь. Увы, с немецким офицером ничего не получилось. Но наши тётушки не успокоились. Они прознали о парне, который занимается таким

промыслом: выводит людей из лагеря за деньги. Читатель уже знает о том, кто такие «проводники». Он сам нас разыскал и сообщил, что берётся вывести нас из лагеря в Джурин. У него был свой маршрут. Выводил людей не через дыру в заборе, а через речку, на другой берег, и дальше через село Соколец, где были немцы. Но он знал брод через Буг, и тропинки в обход немцев. Зато избегал переход через строго охраняемый печорский мост. Как бы то ни было, этот парень в тот день выводил и нас и свою семью: мать и сестру. Была прекрасная светлая ночь... К утру мы добрались до Шпикова, районного центра, за ночь мы преодолели порядка 18 километров. Когда приближались к Шпикову, мать забеспокоилась. Нельзя, говорит, в таком виде появляться в городе. На мне было зимнее пальтишко на голом теле, шапка-ушанка и стоптанные валеночки. На дворе – жаркий август. Примерно так же одеты остальные. Как можно в таких «нарядах» появляться на глаза полицаям или жандармам, сразу поймут, кто мы и откуда. Я знаю, говорит мама, дорогу до Джурина в обход Шпикова, давайте так и пойдём. Парень заупрямился, пошли споры, разногласия. И вот что случилось. Мама настояла на своём, заверив, что по прибытию в Джурин родственники с ним рассчитаются, мы пошли своей дорогой, а парень со своей матерью и сестрой – прямо на Шпиков. Не успели мы удалиться на сто метров, как увидели мчащуюся к ним бричку с жандармами, дальше пошли в ход плётки, побои и их увезли. Мы всё это видели из-за кустов, куда успели спрятаться.

От Шпикова до Джурина 23-25 километров. Очень красивая дорога. По сторонам – по два ряда вековых лип. Говорят, что эту дорогу с липами строил князь Потёмкин к встрече Екатерины Второй, которая собиралась ехать по ней. У меня по жизни ещё не раз была возможность любоваться этой дорогой. Но тогда мы едва плелись по этой дороге. Пройду некоторое расстояние, ножки заболят, прошусь к маме. Мама пронесёт на спине немного, тоже устанет, и опять мне идти самому. Так и передвигались, время от времени отдохли, спрятавшись за стволами лип. Все джуриняне знают особую примету: в хорошую погоду ещё километров за пять до Джурина, приближаясь со стороны Рахнов, видно высокую заводскую трубу, до войны здесь функционировал сахарный

завод. Все понимали: раз уже видно трубу, значит Джурин совсем рядом. *С щемящим чувством подтверждаю: это действительно так. Особенно это чувствительно при возвращении в Джурин после длительного отсутствия, всегда непроизвольно всматриваешься в горизонт, ищешь глазами заветную заводскую трубу. Хотя самого завода давно уже нет, были ремонтные мастерские, не знаю, что там сейчас. От себя добавлю. Ещё ближе к Джурину мы обычно искали глазами церковный купол. Тут уже сердце начинало колотиться. Однако, вернёмся к Яше Хельмеру.*

Мама при мне, семилетнем, рассуждает вслух: сейчас мы сядем под липой, отдохнём немного и пойдём дальше, идти осталось совсем немного. Так и сделали, присели под липой. Невдалеке мотыжила женщина. Вдруг, откуда ни возьмись, пеший румынский жандарм. Что ему говорила женщина, мы не слышали, но рукой показала в нашу сторону. Тот немедленно направился там и плётка ожила в его руках. Вслед за этим последовала команда на полурумынском, полуукраинском языке, из которой следовало, что мы должны возвратиться в Рахны, а оттуда – в Печору. Мама упала на колени и стала слёзно просить отпустить нас. В конце концов, он сжалился над нами, махнул рукой и ушёл. Представляете? От Печоры до Джурина сорок пять километров. Преодолеть сорок из них и не дойти каких-нибудь пять! Дальше мы уже шли осторожнее, спустя несколько часов, когда стемнело. В Джурин входили тоже очень осторожно, не рискнули идти от трассы по главной шоссеиной улице Джурина, а по тропинке к речке. Перешли её вброд и вдруг услышали румынскую речь. Только не из уст жандарма, а гражданского человека, чему были удивлены. Мы ведь не знали, что в Джурине полно евреев – узников гетто из Румынии. Ещё больше удивились, когда вдруг увидели нашу тётю, которая ведёт за руку... моего младшего братика Лёню. Мама не удержалась и закричала: «Хона, Хона!». А та смотрит и не узнаёт нас...

Пожалуй, можно зафиксировать на этом эпизоде рассказ Якова о самом тяжёлом периоде своего детства. В последующем он рассказывал о сути и особенностях Джуринского гетто, о своей жизни и жизни его многочисленной родни в этот период вплоть до освобождения в марте 1944

года. Впереди, уважаемый читатель, у вас будет возможность познакомиться с этим из рассказов других узников Джуринского гетто. Поэтому я завершаю пересказ интервью моего земляка Якова Хельмера. Но добавлю ещё немного по поводу Якова от себя. В своей книге «Повесть о пережитом» Яков подробно описывал ситуацию с его отцом. Проявив настойчивость и незаурядные способности, Яков сумел выяснить, что его отец, Абрам Хельмер, погиб не на фронте, а в застенках Сталинского Гулага. Он позволил себе в первый период войны высказаться положительно о боевых качествах немецкого стрелкового оружия, за что был немедленно арестован НКВДистами по доносу одного из сослуживцев. И ещё один момент побудил меня включить интервью Якова в этот сборник, хоть, как я уже писал, лично не брал это интервью. Дело в том, что братик Лёня, упомянутый в рассказе Якова – мой друг детства, мы почти одногодки, жили недалеко друг от друга. Проучились сначала в одном, затем в параллельных классах с первого по десятый. Мы знали, что они родные братья, но долго не могли понять, почему у них разные фамилии. Оба были круглыми сиротами, но их опекали разные родственники. Лёню усыновили благородные люди – Янкель и Этл Бурд. Сейчас Лёня Бурд и Яков Хельмер живут в Израиле, в красивом приморском городе Ашдоде, где мы с ними встречались несколько лет тому назад.

МИХАИЛ БАРЫШНИКОВ

Я запомнил, как отец с нами прощался. Он был уже в военной форме и с рюкзаком. Мне тогда было только пять лет, но я помню, что он нас всех обнимал и всё просил, чтоб держались вместе и постарались как можно быстрее эвакуироваться. У нас была повозка, были лошади, но почему-то с места не сдвинулись. Взрослые о чём-то шептались между собой, спорили, но нас детей, в это время выгоняли во двор. Похоже, не могли прийти к единому мнению – уезжать или оставаться. Все эти переговоры между собой кончились тем, что в Тульчин вошли немцы, а мы все остались дома. Встречали немцев, можно сказать, радушно. И они вели себя в первое время вполне лояльно, никого не били, не стреляли. Даже поговаривали, мол, страхи были сильно преувеличены. Но впоследствии все поняли, как горько ошибались.

...Вспоминаю, как нас гнали в Печору. Начну с того, что рано утром мама собиралась печь хлеб, мы, дети, ещё спали. Не успела мама загрузить печь, как раздался сильный стук в ставни, всех подняли, велели немедленно собратсья и выходить на улицу. При этом стали бить прикладами, дедушка на моих глазах свалился на пол, мама и бабушка были сильно избиты. После такого «приглашения», делать нечего, быстро собрались и вышли на улицу, в собравшуюся толпу. Затем вся эта громадная колонна двинулась. А куда движемся, никто не знал. Была глубокая осень, ливень, ветер, слякоть, жуткий холод. Вели нас не по вымощенной шоссеиной дороге, а по болотистым просёлочным дорогам. Идти было невероятно трудно. Моя бабушка хромала, в какой-то момент споткнулась и упала. И её тут же стали сильно бить. В тот момент она осталась жива, но вскоре умерла уже в лагере. Шли мы несколько дней, на дороге осталось лежать много трупов, особенно много падали и были пристрелены старики. Я сам видел, как они падали и оставались лежать. Так мы, наконец, добрались до Печоры. Сейчас я уже знаю, что там был дом отдыха, а тогда мы понятия не имели, куда мы попали. Довольны были уже тем, что остановились. Мокрые, голодные и холодные, стали присматриваться, что к чему. Наша семья обосновалась в каком-то подвале. Наша семья – это: мама, дедушка, бабушка, две мои сестры и я. Туда же

попала моя тётя и её дети. Рядом с нами были ещё брацлавские, тульчинские.

- В тот момент, когда вы попали в лагерь, там до вас уже были люди?

- Не могу определённо сказать. Нас загнали, как стадо животных, огромную толпу и все стали искать, куда спрятаться от непогоды. Рады были тому, что появилась крыша над головой. Были ли мы первыми, мне не известно. Помню, что в том подвале были люди, но были ли они задолго до нас, или пришли вместе с нами, не могу сказать. Никаких условий в этом подвале не было. Спали на цементном полу, с собой ничего не было: ни подстелить, ни накрыться. Когда нас выгоняли из дома, нас же били, было не до того, чтобы собрать хоть какие-то узелки. В чём были, так и ушли.

Детство моё прошло в том лагере голодным и холодным. Со временем приспособились с другими ребятами перебираться через высокий каменный мур, заходили в сёла, просили помочь. Кто даст какую-то одежду, кто – обувь, кто - картофелину, кусок хлеба. Так и выживали. Спасибо тем добрым людям, что и так помогали. Иначе не выжили бы. Как я уже говорил, бабушка умерла. Но ещё раньше умер дедушка. Мы с ним как-то вышли из лагеря просить, но нас обнаружил полицай, я запомнил его фамилию – Сметанский. Стал избивать дедушку шомполом. Его, чуть живого, притащили в лагерь, после чего вскоре скончался от этих побоев. Мама сильно заболела, начался кровавый понос.

- А что стало с телом дедушки, его похоронили?

- Какое там похоронили? Трупов каждый день было огромное количество. Их сносили из комнат и коридоров, со всех этажей в специальное помещение. Оттуда забрасывали, как дрова на подводу или сани навалом, как попало, и увозили за пределы лагеря. Что с ними было дальше, мы не знали. Говорили, что увозят на Печорское еврейское кладбище. Делали это назначенные для этого евреи из тех же узников лагеря. С каждым днём пребывания в лагере трупов становилось всё больше и больше. Да и как им не быть? Людей в лагере становилось больше с каждой новой партией, кушать нечего было, вот и умирали, как мухи. Сам до сих пор удивляюсь, откуда у меня ещё силы брались. Мы со старшей сестрёнкой постоянно ходили в село попрошайничать. А это ведь непросто.

Надо было перебираться через этот мур, а обратно ещё с торбой. Бывало, удачно сходишь, а, бывало и вернёшься ни с чем. Спасало ещё то, что лагерь располагался на берегу реки Буг. Мы туда ходили по воду. Правда, бывало и так, что полицай мог ударом сапога опрокинуть твою кастрюльку или баночку с водой. Летом старались искупаться в Буге. Мы все были ужасно завшивлены, вода вокруг нас становилась чёрной от вшей.

- Скажите, когда вы попадали в село просить, вы стучали в любую дверь, или как-то выбирали?

- Главная опасность была: попасть в дом полицая. Поэтому, прежде, чем постучать, спрашивали у пастушков, или старушек, нет ли поблизости полицая. Очень мы их боялись. Они могли сопровождать вас до самых лагерных ворот и лишь здесь прогуляться по спине шомполом или плёткой. Бывало и обратное. Однажды мы попали в дом к горбатенькой старушке, которая не успела нас спрятать до появления полицая. Но когда он появился, попросил старушку заполнить до краёв наши торбы всякой снедью, посадил в телегу, довёз до лагерного забора и высадил, чтоб дальше мы сами пробирались в лагерь. Мы с сестрёнкой уж думали, что везут на расстрел, а вышло совсем по-другому. То ли это был партизан под прикрытием полицая, то ли такой добрый полицай, не знаю, но такое было. Это был один из самых удачных дней моего лагерного детства. Но не все дни были такими удачными. Вспоминаю, как мы выглядели. На нас одни лохмотья. На одной ноге у меня был валенок, на другой – ботинок, прикрученный проволокой. Иногда, кроме еды, сердобольные люди давали нам какую-то одежку. Вообще, я должен сказать, возможно, повторяюсь, если б не украинцы, вряд ли кто-то выжил в том лагере. Больше всего мне запомнилось село Бортники, в котором люди активно помогали узникам. Некоторые даже выводили из села безопасными тропами, через сады и огороды, чтоб не попасться на глаза полицаям. Я сейчас затрудняюсь назвать все сёла, в которых довелось побывать. В ближних сёлах особо нечем было поживиться, потому, что большинство узников туда и попадали и выпрашивали. Я же старался уйти в поисках еды подальше. Туда хоть и далеко и опасно идти, приходилось даже где-то и ночевать, и отсутствовать в лагере несколько дней, зато можно было и покушать, и приобрести что-то из одежды и, главное,

принести с собой побольше еды. Но, повторяю, была опасность быть пойманным и избитым, в лучшем случае, а, случалось, и убивали. Бывало и так, что некоторые люди сдавали нас полицаям, бывало и такое. Но в большинстве своём люди были хорошими.

- Скажите, в самом лагере, все ли евреи были в одинаково плохих условиях, или кому-то жилось полегче?

- Вы задали очень хороший вопрос. В лагере было очень много польских евреев, у них с собой было немало драгоценностей, с помощью которых они неплохо питались. Они даже подкупали полицаяв из охраны и с их помощью выбирались из дагеря. Мне мама моя покойная уже после войны рассказывала, что одна тульчинская еврейка и поляк выводили людей из лагеря. Но, при всём при этом, абсолютное большинство узников были мучениками, это были живые трупы. И всегда существовала угроза быть расстрелянным. Бывало, в лагерь заезжали машины с немцами, собаками. Все знали, что те, кто попал в машину, назад уже не вернётся. Правда, бывало почему-то и так, что уже загруженные людьми машины из лагеря не выезжали и людей обратно высаживали. Лично я таким образом два раза оказывался в машине и оставался в лагере и, как видите, выжил. А однажды, когда в очередной раз приехали машины с немцами и собаками, я решил спрятаться в уборной и там переждать, пока машины уедут. Но случилось непредвиденное: я... провалился и чуть не утонул в этом во всём. В последнее мгновение ухватился за торчащий гвоздь и остался на нём висеть, только голова и рука были сверху. Не знаю, сколько я таким образом провисел, силёнки мои кончались и тут мне повезло: какой-то старичок зашёл в уборную. Увидел меня, с трудом вытащил и сам убежал из уборной. А я, стремглав, побежал к Бугу и только там, искупавшись в одежде, смог перевести дух и придти в себя от пережитого. Вот такое со мной приключилось. Я эту сцену, когда висел на гвозде и чуть не утонул в дерьме, никогда не забуду. Если б не тот старик, спасибо ему, я бы с вами сейчас не разговаривал.

- Известны ли вам случаи, когда бы из лагеря бежали семьями и больше не возвращались? Не возникала ли в вашей семье такая идея?

- Достоверно мне не известно, такие мысли вслух не произносились и публично не обсуждались. Наверное, такое случалось. Но, во-первых, в семье все должны были быть готовыми к такому шагу, а, во-вторых, надо было иметь чёткий план – куда и к кому бежать. То есть иметь надёжных родственников, или друзей, которые и сами были в безопасности и могли обеспечить вашу безопасность. Мы же были изолированы, не знали, что творится вокруг. Да и родственников таких не имели. К тому же и мама была больна и беспомощна. А ещё её племянники здесь. А добытчиками пищи были мы, по сути, дети: я и мои сёстры. Ты не мог в лагере подойти к кому-то и сказать: поделись со мной твоим хлебом. Нет! Каждый выживал как мог и полагался только на себя и своих родных. Но правда и то, что и здесь жить было невозможно. Повсюду тебя подстерегала смерть. Если не от голода, холода, жажды, болезней, то от зверств жандармов, немцев и полицаев. Никогда не забуду, как на моих глазах четыре таких зверя схватили женщину за ноги и разорвали буквально на две части. Разве такое можно забыть?! Это был настоящий ад. Любой человек, попавший в руки немца или полицая, если и оставался живым, долго после этого не жил. Помимо чисто физических страданий от постоянного чувства голода, болезней, побоев, были ещё и страдания морального, духовного свойства. Абсолютная безнадежность, постоянное ожидание издевательств, побоев, смерти, враждебность со всех сторон, бесконечная грусть, тоска, боязнь всего и вся. Одни и те же картины перед тобой: тени людей из кожи и костей; сам в лохмотьях и все остальные вокруг тебя такие же; сам завшивлен и все остальные; одни тихо лежат без движений, другие стонут, третьи тихо шепчутся, четвёртые бродят бесцельно; жуткие запахи вокруг. И так изо дня в день. С ума можно было сойти. И некоторые сходили. Чем больше я об этом говорю, тем больше вспоминаю. Например, в это трудно поверить, но бывали случаи, когда немощных, обречённых, но ещё живых людей бросали в помещение к мёртвым и уже там они выпускали дух. Я вам хочу сказать, что в разговорах между собой мы всё больше склонялись к тому, что лучше умереть, чем так жить. Это я вам говорю вполне серьёзно: жить нам не хотелось.

Дальнейший, бесхитростный монолог Михаила Барышникова не берусь пересказать. Это были отрывистые фразы о пережитых временах. Эти фразы прерывались тихим всхлипыванием. Он говорил о подорванном пребыванием в этом аду здоровье, о зависти к тем, которые сумели эвакуироваться, к тем, кто оказывался в рабочих лагерях, где гоняли на работу, но давали кушать, к тем, кто оставался в гетто и не испытывал таких страшных лишений, как в «Мёртвой петле» и даже к тем, кто оказывался... на фронте, но не был убит, потому, что знал, за что воюет и не так сильно страдал от голода. Немного просветлело его лицо, когда он заговорил о моменте освобождения Печорского лагеря Красной Армией в марте 1944 года. Я его не прерывал, внимательно слушал и всё больше проникался жалостью и, одновременно, уважением к этому человеку. При этом хочу отметить, что, когда увидел его впервые, засомневался, еврей ли он. Правильные, скорее, славянские черты лица и... шикарные пышные усы. К тому же, отнюдь нетипичная для еврея фамилия. А оказался очень душевным, ранимым человеком. В завершение своего рассказа о Печорском лагере Михаил выразил удовлетворение тем, что имел возможность поделиться своими воспоминаниями и выразил уверенность, что следующие поколения будут знать и помнить о том, что произошло с ним и его сверстниками в детские годы благодаря фильмам и книгам о Холокосте. Вот и я, повторно прослушав интервью с Михаилом Барышниковым, как бы получил дополнительный импульс к тому, что сейчас делаю. Такое чувство, что выполняю его завет.

АРКАДИЙ ГЛИНЕЦ

Очень интересно вспоминать по прошествии длительного периода не только с кем проводил интервью, и не только его содержание, но и обстановку, в которой проводилось интервью. С Аркадием и его супругой, тоже узницей Печорского лагеря, мы беседовали в городе Могилёв-Подольском. Как правило, все интервью в этом городе проходили в помещении городской Ассоциации узников, любезно предоставленном его председателем, Абрамом Капланом, интервью с ним вы уже прочитали. Но чета Глинец подошла к этому событию как-то по-особенному и пригласила нас с оператором к себе домой. Помню, в это время у них гостил внук из Ленинграда и он тоже сказал несколько подходящих моменту фраз на камеру.

...Ещё в 1940 году не было никаких предположений о военном противостоянии между Советским Союзом и Германией. Мой старший брат был военным, приезжал сюда, в Могилёв-Подольский, осенью 1940 года. В еврейский Новый Год, Рош Ашана, женился на местной девушке и мы отгуляли свадьбу. Никаких разговоров на тему войны не было, а в начале июня 1941 года брат приехал с женой в отпуск. 22 июня мы с ним ходили по базару и по радио услышали, что началась война.

- Как в вашем доме было воспринято сообщение о войне?

- Все были сильно взволнованы, была даже паника со стороны родителей, потому, что это, в первую очередь касалось их сына, моего старшего брата. Он быстро собрался, попрощался с нами, в тот же день уехал в свою часть. Волнения были вполне обоснованными: мы его больше не видели...

- В доме обсуждали, какими должны быть ваши действия в новых условиях?

- В доме воцарилась паника. Невестка осталась у нас. Как и все вокруг, стали скупать мыло, соль, спички, готовились к самому худшему, но абсолютно не были готовы к тому, что случилось на самом деле. Отец был участником Первой Мировой Войны, старался всех успокоить, но и он не ожидал того, что произошло.

- Знали ли в вашем доме, что в Европе немцы уничтожают в первую очередь евреев, что над ними издеваются?

- Мой брат служил в Любачёве, это на границе с Польшей. Он рассказывал, что видел, как немцы на польской стороне заставляют евреев зубными щётками подметать улицы, другие подобные вещи. То есть, об издевательствах фашистов по отношению к евреям знали от брата.

- И, в связи с этим, мой следующий вопрос: обсуждалась ли в доме тема эвакуации? Вы собирались эвакуироваться?

- Конечно, да. Этот вопрос возник сразу же, как только началась война. В первую очередь, было решено меня и двух моих сестёр, Иду и Мину, отправить вместе с нашим сватом, который работал на фабрике ферментации табака в Слободе Ярышевской, туда, к месту его работы. Что и было сделано. У него была пара лошадей, на телеге разместились его семья и мы втроём и доехали до этой самой Слободы. А папа с мамой, сестрой Ханой и её ребёнком эвакуировались в Черневцы. После чего послали за нами извозчика, чтобы семья объединилась в Черневцах. Очевидно, родители рассчитывали после первого этапа эвакуации двигаться дальше, на восток. Но, как только мы объединились, в Черневцы вошли немцы. Мы спрятались в доме наших знакомых рядом с синагогой. Первое, что сотворили немцы в Черневцах, собрали по городу двадцать стариков-евреев и сбросили с моста в речку Мурафу. Высота моста примерно двадцать метров. Пока человек летел, они успевали в него выстрелить. Иные разбивались о скалы. Во всяком случае, никто из этих стариков не выжил. Ещё немцы развлекались тем, что выкатывали из синагоги свитки торы, раскатывали вдоль дороги, таким образом выстилали дорожки. Нам это было хорошо видно из окон. Затем они вытащили из синагоги священные книги, талмуды, сложили костёр, подожгли и устроили пляски под губные гармошки вокруг костра. Этот импровизированный кощунственный «концерт» я тоже видел своими глазами. И это при том, что у них на пряжках была надпись «Got mit unz» - Бог с нами! Через 8-10 дней в Черневцах немцев сменили румыны. Они вели себя не так жестоко. Могли избить, но не убивали евреев. По меньшей мере, мне такие случаи не известны. Позже, когда в Черневцах было организовано гетто, специальным приказом все евреи обязаны были носить на левой стороне груди шестиконечную звезду из ткани жёлтого цвета. Местные украинские жители видели всё

это, вели себя по-разному. У меня такое ощущение, что в своём большинстве сочувствовали евреям, некоторых даже спасали, прятали у себя. Мы оставались в Черневцах недолго, в августе получили разрешение румынского бургомистра возвратиться в Могилёв-Подольский, после чего пешком отправились в обратный путь. Опять собрали свои пожитки в рюкзаки и в том же составе пошли в свой город. Шли, конечно, ночью, днём было опасно, для отдыха останавливались на просёлочных дорогах и так прошли свои 30 километров. За время нашего отсутствия из дома исчезла вся мебель, утварь, всё было разворовано или уничтожено, включая окна, двери и всё остальное. Отец кое-как подлатал всё, что смог, немного привёл в порядок и вслед за этим, в том же августе, началось большое наводнение. Наш дом почти полностью затопило, а спасли нас... мадьярские солдаты, союзники Германии. Они на лодке подобрали всю нашу семью и переправили в двухэтажный дом в той части города, где не было большой воды. Через два дня, когда вода спала, мы вернулись домой и вслед за этим – приказ новых властей: в городе создаётся гетто.

Что собой представляло гетто? В него вошли шестнадцать улиц и только в домах на этих улицах могли находиться евреи. Всех, кто до этого жил на других улицах, согнали в эти дома, максимально уплотнив количество семей в каждой квартире. Вся территория гетто была огорожена забором, в районе рынка были устроены центральные ворота.

- Из какого материала был изготовлен забор?

- Камень и дерево. Хоть базар входил в территорию гетто, но на входе висело такое объявление: «Спочатку, до дванадцятої години куплять люди, а потім жиди». Действенность этого объявления я имел «удовольствие» испытать на себе. Оказавшись на базаре раньше установленного срока, я увидел кучу огурцов и помидоров по цене 10 рублей за ведро. Набрал ведро овощей, встал в очередь, чтобы оплатить. Протянул свою десятку, и в этот момент кто-то крикнул: «Це - жиденя!». Содержимое ведра тут же высыпали мне на голову, после чего высыпали тумачков, еле ноги унёс. Из гетто брали на работы, в основном, на строительство моста через Днестр. Мой дядя, муж маминой сестры, таскал камни по пояс в воде в октябре месяце для сооружения быков, заболел воспалением лёгких и вскоре умер. И

он был не один, кто погиб от этой работы. Я рассказал о конкретном моём родственнике, но практически, все, кто были на строительстве моста, рано или поздно, умерли: все работали в одинаково невыносимых условиях – осенью в одежде в воде.

- Всё же я хочу уточнить. На строительстве моста работали не только евреи. А умирали только евреи?

- Там были строители и других национальностей, но подсобных рабочих, которые носили камни в воде и бросали их в котлован, набирали только из евреев, узников гетто. Нас, молодых ребят, также привлекали к работам, разбирали разваливающиеся дома, расчищали улицы. И доставалось нам также, как и взрослым. За всякую провинность бьют. Присел отдохнуть – бьют плёткой, чуть замешкался – бьют. Или просто так, забавы ради – тоже бьют. Так, что все «прелести» гетто мы ощутили на себе сполна. За пределами гетто оккупированным городом управляла румынская жандармерия, а внутри гетто все указания и распоряжения выполнялись с помощью украинской и еврейской полиции.

- Соблюдались ли еврейские традиции в условиях гетто ?

- Не могу сказать определённо, всё-таки я был лишь мальчиком. Но могу вспомнить, например, что, когда умер мой дядя, а детей у них не было, меня приводили в дом, служивший синагогой, где меня научили читать русскими буквами и произносить «Кадиш» по умершему.

- Расскажите, как вы выживали в гетто, чем питались.

- Выживали не все. У кого оставались деньги, ценности, вещи – могли купить или обменять на базаре. У кого ничего не было, ходили просить милостыню, или просто умирали с голоду или сопутствующих болезней, изнурительного труда на принудительных работах. Что касается конкретно нашей семьи, то нас во многом выручало то, что муж моей старшей сестры, работавший до войны в военторге, сумел припрятать и сохранить кое-что из продуктов длительного хранения: кукурузную муку, некоторые крупы, сухофрукты, консервы. Научились варить так называемую «жондру»: разбавляли кукурузную муку водой, получалась похлёбка, либо делали что-то, похожее на колобки и ели. Так и выживали до июля 1942 года, когда началась Печорская эпопея.

В Могилёв-Подольский было депортировано огромное количество, порядка 15000 евреев из Бессарабии. Часть из них была направлена в Сказинцы, а значительная часть осталась в Могилёве. В городе явно ощущалась перенаселённость евреев. Пошли слухи, что их, бессарабских евреев, будут выгонять в другие места. Но, то ли потому, что они знали румынский язык, то ли большая часть сумела откупиться, но власти поступили наоборот: выгонять стали могилёвских евреев. Так, или иначе, поступила команда собрать самые необходимые пожитки и огромную партию людей, в том числе нашу семью, привели в село Немия, где была табачная фабрика. Там уже стояли пять готовых к отправке вагонов. Подъехали машины с хлебом и на каждую семью выдали по буханке хлеба. Велели запастись водой, потому что по дороге остановок не будет. Так оно и было. Ехали в этом вагоне два дня. Описать, что происходило в вагоне, невозможно. Загрузили в этот товарный вагон не меньше ста человек. Дети плачут, взрослые причитают, больные стонут, духота, жара (июль), всякая нужда справлялась здесь же, на ходу, жуткая вонь... Так продолжалось два долгих дня. Доехали до станции Рахны, где нас и высадили из вагонов. Подогнали подводы, куда разместили больных и повели под конвоем в Шпииков. К вечеру добрались до Шпиикова, привели к колхозному стану, за изгородь и прямо на земле улеглись спать. Но вряд ли кто-то спал. Охранявшие нас полицаи стали грабить, отнимать вещи. Крик, шум, гам, удары, выстрелы... Так продолжалось всю ночь. Особенно пострадали те, что были ближе к краю. На следующее утро всех погнали в Печору. Расстояние от Шпиикова до Печоры – 15-20 километров, ещё засветло добрались до центральных ворот Печорского лагеря. У ворот лагерная охрана пересчитывала всех входящих.

- А вас в Печоре каким-то образом регистрировали, записывали фамилии входящих?

- Такого, чтоб записывали, не помню. Там, в Могилёве, составлялись списки, это я помню, а в Печоре нет, не видел. Когда мы вошли на территорию лагеря, я увидел страшную картину. На нас смотрела толпа из 200-300... скелетов. Сейчас в школе, в кабинетах зоологии можно такое увидеть. Стояли полуголые, в обносках и кричали, просили кушать. Мы только с дороги, у кого что было, стали бросать им. Они набрасывались

на каждый кусок хлеба, вырывали один у другого. Было и так, что человек съедал и давился насмерть куском хлеба.

- Вы это видели?

- Ну, как же? Это происходило прямо на наших глазах. А дальше стали размещаться, кто – куда. Нам досталось место в бывшей конюшне, слева, если смотреть со стороны ворот. Часть конюшни была покрыта соломой, другая часть – голая земля. В хорошую погоду внутри было ещё сухо, а в дождь, всё, включая людей, было в воде. Оставалось только сидеть на своих вещах (пока они ещё были). Так и началась наша лагерная жизнь.

- Скажите, кроме вашей конюшни, в лагере были другие здания, сооружения? Опишите, пожалуйста, лагерь.

- Прямо напротив ворот стояло большое трёхэтажное здание. Раньше там был туберкулёзный санаторий, сейчас же там находились люди, о которых я вам говорил, это были люди из Тульчина, Шпикова, других мест. Справа было ещё здание, возможно, раньше там был клуб. За конюшней была столовая-пекарня.

- В то время в лагере это были действующие столовая и пекарня?

- Ну, да, там пекли хлеб и нам давали. Другой вопрос, что это был за хлеб, и сколько, какие крохи нам давали. А в столовой для нас варили похлёбку, в которой ничего, кроме воды не было. С двух сторон лагеря стоял каменный забор, третья сторона была ограждена колючей проволокой, к которой подходили крестьяне из окрестных сёл и приносили всякие продукты: муку, крупу, фасоль, картофель, свеклу в обмен на вещи, которые ещё оставались у узников лагеря. Этот обмен зачастую очень дорого обходился, иногда со смертельным исходом. На моих глазах одну пожилую старушку, впоследствии выяснилось, что это была бабушка моей будущей жены, при обмене у колючей проволоки убил полицейский ударом увесистой палки. Как могли, приспособлялись к условиям лагерной жизни. На похлёбке и крохах хлеба выжить было невозможно. Полученные при обмене продукты ещё надо было умудриться сварить. Нагибали ветви деревьев, срезали стёклышком, ломали; между кирпичами или камнями разводили пламя и так готовили, как в каменном веке.

Так продолжалось до сентября. В сентябре на территорию лагеря въехали машины. В кузове сидели военные в форме

красноармейцев, в пилотках. Мы уж было решили, что нас приехали освобождать наши войска. Сейчас я уже знаю, что это были власовцы. На пилотках вместо пятиконечной звезды у них был трезубец, наподобие того, что сейчас является гербом Украины. Въехали и разбежались по баракам, по палатам, по всем помещениям и стали всех выгонять на улицу. Выстроились в цепь, устроили коридор, по которому гнали людей, и стали рассортировывать. Молодых в одну сторону, детей и стариков – в другую. На одной из машин оказались две мои сестры, дядя и я. Выехали за ворота и направились в сторону Винницы. Тогда я, конечно, понятия не имел, куда нас везут. Теперь знаю, что в то время под Винницей строилась ставка Гитлера, «Вервольф» и для стройки нужна была рабочая сила, которая затем уничтожалась. В машине нас охраняло двое власовцев. По дороге случилось невероятное. По какой-то причине, не знаю, по какой, возле села Соколец колонна остановилась. У меня было расстройство желудка, случилось так, что именно во время остановки я сильно испортил воздух. Рассерженный власовец сильно ударил меня, вышвырнул из кузова: «Иди вон, провоняйся». Я отбежал на какое-то расстояние и в этот момент скомандовали двигаться дальше, машины тронулись, а я остался на свободе! А что делать с этой свободой мне, мальчику тринадцати лет, в такой обстановке? Недолго размышляя, я направился... обратно в Печорский лагерь. Через Соколец, по скалам вброд по реке Южный Буг, вскоре я оказался на территории лагеря. В лагере оказалось много расстрелянных. Многие пытались спрятаться во время той власовской облавы. Кого поймали, тут же расстреливали. Таким образом, была расстреляна на чердаке пекарни семья пекаря Эстерлис. Пекарь договорился с полицаем, что спрячет семью в обмен на все вещи, которые у него были. Вещи взяли и там же, на чердаке, всех и расстреляли.

- Что вам известно о судьбе тех, кто остался на машине после вашего чудесного спасения?

- Они работали на строительстве ставки, о которой говорил, затем их всех расстреляли.

- Как вам стало известно об этом?

- После возвращения из Печорского лагеря у меня был друг, Калик Илья Владимирович. Его сестру, тоже узницу, увезли на

одной из машин. Впоследствии их мать каким-то образом узнала, куда их везут, ездила туда и узнала о том, что все, кто работал на строительстве ставки, были расстреляны. Там и остались навсегда мой дядя и мои две сестры.

Тем временем в лагере продолжалась наша безрадостная жизнь, вскоре мы сами стали похожи на тех людей, которых впервые увидели в лагере, стали такими же скелетами. Особенно тяжело стало зимой. Правда, из конюшни мы перебрались в главный корпус. Люди умирали, места освобождались. Таким образом, нам «улучшили жилищные условия». По крайней мере, там хоть были закрыты окна и двери. Отопления никакого не было, но немного теплее, чем снаружи. Большая проблема была с водой. Единственный источник – река Южный Буг. Вниз можно было как-то сползти по ступенькам, а обратно по скользкой дорожке с водой было совсем непросто. А внизу, у реки, подстерегала другая опасность. На противоположном берегу, в Сокольце, стояли немцы. Увидев узника, набирающего воду, они тут же принимались упражняться в стрельбе по живым мишеням. Они развлекались таким образом. Очень много народу полегло у реки Буг. Впоследствии, мы и к этому приунылись. Как известно, немцы очень пунктуальны: в обед – никакого дежурства. И мы стали ходить по воду исключительно в обеденное время по немецкому графику. К тому времени заболела моя мама, заболела сестра, заболел и её сын Лёничка туберкулёзом. С трудом перезимовали. А весной всё активнее стали действовать и пользоваться спросом так называемые «проводники», да и охранники всё меньше обращали на нас внимания. И однажды «проводники» вывели группу, в которой и мы находились. Таким образом нам удалось вырваться из этого ада.

- До того, как вы расскажете о дальнейшей вашей судьбе, я хотел бы задать ещё вопросы по лагерю. Вы говорили, что в пекарне выпекали для вас хлеб, а в столовой варили похлёбку. Как часто вас кормили и что представляла из себя похлёбка? Как происходил процесс получения похлёбки? Каковы были порции похлёбки и хлеба? Кто работал в столовой, это были наёмные работники, или из числа узников? Продолжалась ли выдача пищи на всём протяжении вашего пребывания в лагере?

- Кормили один раз в день, если тебе ещё достанется, а бывало и так, что и один раз не покушаешь. А похлёбка – это вода, в которой плавают кусочек свеклы или гнилой картошки. Мы приходили в столовую, получали мисочку похлёбки, тут же её выпивали почти одним глотком и мисочку здесь же возвращали. Хлеба, наполовину из опилок, давали маленький кусочек, не больше ста граммов. В столовой работали те же узники из лагеря. Но это вовсе не означало, что им доставалось еды больше, чем всем остальным. Поначалу нам кушать не давали, только тульчинским, шпиковским. Да их и оставалось всё меньше. Я не уверен, что кто-то из тульчинских выжил, они натерпелись больше всех. Считали, что мы ещё «свежие» и нам кушать не полагается. Потом уже и нас стали «кормить». Как-то мы, пацаны, чистили там картошку. Так мы там подрались между собой за право унести картофельные очистки, лушпайку. После этого мы подсушивали их на солнце и жевали. Нам они тогда казались вкуснее, чем сейчас чипсы. *Помните, что-то похожее рассказывал Абрам Каплан.*

Очень много людей убивали, а многие сами умирали от истощения, да и сыпной тиф подкашивал. По территории лагеря, помню, курсировала лошадка, запряжённая в телегу из одной доски, куда сваливались трупы, а затем вывозились в братскую могилу. Сейчас там стоит памятник. Был в лагере полицай, Сметанский. Этот изверг был настоящей грозой для узников, все его боялись, как огня. Он ходил по лагерю, держа в одной руке палку, а в другой – плётку с металлическим наконечником. У него был свой отработанный стиль: палкой по голове, плёткой по ногам. Далёко не всем везло оставаться живым после встречи со Сметанским.

- Известно ли вам о том, что выбирались люди из лагеря с тем, чтобы раздобыть продукты питания за пределами лагеря и возвратиться? Например, выпросить у селян? Вы не пользовались таким способом?

- Может, и было такое, но мне не известно. Лично я за пределы лагеря сам не выходил. Да и не представляю, как можно было выйти из лагеря незамеченным.

- Я остановил вас на эпизоде возвращения в Могилёв-Подольский. Пожалуйста, продолжите ваш рассказ.

- У нас был сосед Моня Ройзман. Он помог нашей семье, был из числа «проводников», уже два раза выводил людей и также вывел и нашу семью. Естественно, мы поделились с ним всем, что у нас осталось. И это справедливо, ведь он рисковал жизнью.

- Мне это очень интересно. Человек рисковал жизнью, выходил сам и выводил людей из этого ада, из лагеря «Мёртвая петля», а затем снова и снова возвращался туда. Что ими двигало, какие у них были мотивы?

- Они этим зарабатывали на пропитание себе и, главное, своим родным. У этого несчастного Мони случилось так, что в очередной раз он возвратился в лагерь, чтобы вывести своих родных, а их... расстреляли. Выводить было некого. Из лагеря мы вышли через калитку в каменном заборе. Подробностей не знаю, но думаю, что Моня мог договориться с охраной. Выйдя из лагеря, мы двинулись в сторону Шаргорода через Шпикив и Рахны. За ночь преодолели километров двадцать пять. Мы – это мать, отец, сестра Хана, её сын Лёньчик, я и Моня. И ещё папина сестра Этя. В Шпикиве мы остановились, так как днём идти было опасно. Был март месяц, довольно холодно, лужи замёрзшие, напиться негде, скалывали лёд и слизывали. Ночью продолжили путь через Рахны и в это время умер мой племянничек Лёнечка. Сестра Хана уложила его в лесополосе, оторвала рукав, положила сверху, считая, что по этой примете сможет его потом найти и похоронить. Делать нечего, надо двигаться дальше, таким образом добрались до Могилёва. Кстати, с Моней мы больше не виделись, возможно, он погиб на фронте, а может жив где-то, не знаю.

В Могилёве опять стали жить в условиях гетто. Здоровье у нас у всех было сильно подорвано пребыванием в Печорском лагере смерти, не зря назвали «Мёртвая петля». В течение зимы 1943-44г.г. последовательно умерли отец, тётя Этя, мать, сестра Хана. Я остался из нашей большой семьи один... *В той части интервью, где мы обычно просматриваем фотографии, Аркадий показал на камеру составленный им список погибших ближайших родственников, в основном, с фамилией Глинец. В этом чёрном списке (внимание!) - больше ТРИДЦАТИ имён. Вдумайтесь, уважаемый читатель! БОЛЬШЕ ТРИДЦАТИ ЖЕРТВ ИЗ ОДНОЙ РОДНИ!*

Меня приютила семья Карлик, жил у них в коридоре. В еде довольствовался обедками и остатками. Помню, бывало, там сварят мамалыгу, из казанка вынут содержимое, а я доливал в казанок воду и всю ночь соскабливал остатки этой мамалыги и ел. Облегчение наступило в марте 1944 года, когда в город вошла Красная Армия и пришло, наконец, долгожданное освобождение. Я присоединился к солдатам, выполнял всякую подсобную работу на кухне, в пекарне, где и смог, хотя бы, накушаться вволю. Потом эта воинская часть передислоцировалась в Ямполь. Меня пожалели и взяли с собой. В той части был парикмахер, грузин, которому я понравился, и он меня стал учить парикмахерскому ремеслу. Постепенно наладилась мирная, спокойная жизнь. Проблемы ещё многие оставались, но, главное, наступил мир.

Как обычно, мы ещё долго беседовали с Аркадием о его нелёгкой судьбе до и после Великой Поеды, рассматривали и снимали на камеру многочисленные фотографии. После небольшого перерыва мы продолжили работу в этой уютной квартире и перед камерой предстала хозяйка дома,

РОЗА ГЛИНЕЦ

Я родилась в 1934 году в городе Могилёв-Подольском, сейчас мне 63 года, моя девичья фамилия Калихман. ...Ещё до начала войны, в марте 1941 года, мой отец был призван в армию. Поэтому, когда началась война, мы восприняли эту весть с ужасом, мама стала рыдать, понимая, что, в первую очередь, война коснётся нас. Помню, к нам пришёл дядя Давид, который работал кузнецом при воинской части, сказал, что это очень серьёзно и очень опасно. Впоследствии он с этой воинской частью попал на фронт и погиб. В доме нашем остались почти одни женщины: бабушка, тётя, мама, мой младший братик и я. Вместе мы и оказались в условиях гетто. Сначала нас перевели в один дом, затем в другой, а когда сюда пригнали депортированных из Румынии, Буковины и Бессарабии евреев, нам, могилёвским евреям стало совсем плохо. Румынские евреи очень быстро нашли общий язык с новыми румынскими властями. Им облегчало жизнь то обстоятельство, что они знали румынский язык. Особенно это ощущалось в вопросах расселения. Депортированные евреи вели себя, как будто не мы, а они являются здесь хозяевами положения. Выживать в тех условиях было очень тяжело. Ютились на маленьком клочке пола. Мама с одной стороны, тётя - с другой, грели нас своими телами. Всё трудней стало добывать пищу. Особенно страдал мой братик. Немного забегаю вперёд, скажу (это случилось в Печорском лагере), он был настолько истощён, что по его телу бегала мышь, а он не чувствовал. Мама изо всех сил старалась его поддержать, мы отдавали ему последний кусочек и он остался живой в тех ужасающих условиях.

- Возвратимся к начальному периоду войны, вашему пребыванию в гетто. Как вы выживали, чем питались, где и как добывали пищу?

- Надо сказать, что в тот период нам сильно помогала тётя, можно сказать, на ней держалась наша семья. Она была самой популярной швейей в городе. Даже в условиях гетто она была очень востребованной. Она была нашей кормилицей, ей платили, кто деньгами, кто едой, она всегда с нами делилась. Своих детей у неё не было, так сложилось, и всю любовь она отдавала нам. И мы, разумеется, после войны отдавали ей

должное. Когда её не стало, мы её достойно похоронили, поставили памятник. А, самое главное, что принято в нашем народе, сохранили её имя в нашем потомстве. Её звали Песя, и в её честь трижды давались имена родившимся детям, здесь и в Израиле.

- Вы, или члены вашей семьи, испытывали на себе жестокость со стороны новых властей? Если да, то в чём она проявлялась?

- Маму, бабушку и тётю неоднократно избивали. Особенно это проявлялось со стороны наших «дорогих» земляков, украинских полицаев. Вели себя отвратительно. Доносили, указывали адреса, где живут евреи. Я знала, что многих гнали на тяжёлые работы, многие там погибали, но нашей семьи, состоявших из одних женщин, не считая братика, тяжёлые работы обходили стороной. Слышала, что некоторых убивают дома и на улице. Помню, вскоре после войны к нам приходили люди из КГБ, выясняли, кто и как над нами издевался. Так моя тётя отказалась давать показания против бывших полицаев. Я ещё ругала её: «Как ты можешь, ведь этот гад бил тебя прикладом, ты что, забыла?». «То было и уже прошло, а если его посадят, то его детям будет тяжело это пережить», отвечала моя сердобольная тётя.

- Вспомните момент, когда вас выгоняли в Печору. Пожалуйста, расскажите об этом подробно.

- Конечно, помню этот момент. Скомандовали собрать вещи, которые могли унести с собой, затем согнали на улицу и колонной, под конвоем, повели к железнодорожной станции. Туда же подогнали товарные вагоны. В вагоне, куда мы попали, оказалась тьма – тьмуца людей, как говорят, как сельди в бочке. Там ещё был случай, который нельзя забыть. Такая, извините за откровенность, деликатная тема. Народу много, ехали долго. Как-то среди ночи, я почувствовала необходимость справить малую нужду, разбудила маму. Когда мама меня увидела, тут же стала меня самую быстро вытирать, так как кто-то оставил на мне своё... Я многое забыла, а это не могу забыть, я ведь была ребёнком и была настолько шокирована. Все эти ужасные запахи сопровождали нас всю дорогу и это было одно из самых первых впечатлений семилетней девочки. Довезли в этом вагоне до какой-то станции, сейчас не могу вспомнить.

Потом на машине нас привезли в Печору. Там до нас уже были люди. Второй шок получил ребёнок, когда мы увидели этих людей. Оборванные, полуголые, одни мощи, они стояли, смотрели на нас и просили подать им что-то из еды. И здесь моя добрая тётя, всегда готовая отдать последнее, стала бросать им оставшийся у неё хлеб. Глядя на то, как эти люди бросались на этот хлеб, мы поняли, то есть, поняли взрослые: то же самое ожидает нас. Вряд ли я это понимала, но ужас меня охватил от одного только зрелища, это я хорошо помню.

В лагере мы выживали тем, что обменивали носильные вещи, которые догадались взять с собой, на продукты питания у местных жителей. Многие уже позабылось, но сейчас вспоминаю, что мама прихватила с собой папин хороший костюм. Спасибо соседской девочке, надоумила меня, сообщив, что напялила на себя перед выходом из дома аж три платица. Вот и я одела выходной свой наряд, в котором выступала в клубе, а наверх ещё обыденное платье. Этот наряд потом послужил хорошим подспорьем, так как выступать уже не довелось, а мама что-то из еды на него выменяла. Через короткое время мы остались голые и босые, всё, что пользовалось спросом, ушло в обмен на еду. Мы там слышали, что есть «проводники», которые выводят из лагеря. Помню, что и мы с мамой и тётей предприняли такую попытку. Не помню, а, может, и не знала всех деталей и подробностей, но знаю, что попытка была и закончилась неудачей. То ли была засада, то ли кто-то нас «заложил», но нас поймали, побили и возвратили в лагерь. Потом были ещё попытки, уже без покойной бабушки, но ни одна из них не увенчалась успехом. Знаю только, что провели мы в этом лагере всё время вплоть до его освобождения в 1944 г.

- Расскажите подробнее об обстоятельствах смерти бабушки.

- У бабушки была очень красивая шаль. Однажды она подошла к тому забору из колючей проволоки, куда селяне приносили продукты, чтобы обменять свою шаль. Румыны её засекали и стали избивать шомполами до тех пор, пока она там же, у забора, не скончалась. Тут же её, мёртвую, увезли в общую могилу, а мы даже не смогли её похоронить. Мы располагались в большом корпусе, в комнате, где было очень много народу,

жуткая грязь, антисанитария. Положительным было то, что мы были под крышей, с закрытыми окнами, на нас сверху не текло. И ещё, там своевременно выносили и вывозили трупы. А трупов было очень много. Люди умирали, в основном, просто с голоду. Плюс холод и болезни, особенно, тиф. Помню, в комнате лежала умирающая женщина, прикрытая модным до войны чёрным котиковым пальто. Так это пальто было белым от вшей, под ними чёрного цвета не было видно. Помню даже, что ей принесли её порцию еды, а кушать она уже не могла и мне предлагали скушать её порцию, мол, она к ней не притронулась. Ещё я была свидетельницей такого случая. У нашей лагерной соседки было двое детей. Однажды пришли полицаи, и стали забирать её детей. Детей часто забирали, обратно они не возвращались. И эта женщина, поняв, что детей больше не увидит, попросила: «Раньше убейте меня». И они не заставили её просить ещё раз, здесь же и убили её выстрелом, после чего забрали детей. Обращались с нами хуже, чем со скотом. У всякого домашнего скота есть хозяин, который и погладит, и почешет, и ласковое слово скажет. А тут... Мы страдали здесь и не знали, что с нашим отцом. А он не знал, как мы страдаем. Но мы хоть остались живы, а где его косточки лежат, мы и до сих пор не знаем. Получили извещение, что пропал без вести в 1944 году. В самом начале войны получили от него одно-единственное письмо из Белоруссии, город Клинцы. Скорее всего, там, на передовой, он и погиб. Уже после войны мама встретила нашего земляка, папиного сослуживца, который дезертировал и остался живой. Он уверял, что на его глазах папа упал, сражённый пулей или осколком, и не поднялся. У многих была похожая ситуация. Люди говорили, что манипуляции с датой пропажи без вести мог быть связан с необходимостью выплачивать пособие за погибшего кормильца с момента его гибели. *От себя добавлю, что и в нашей семье была точно такая же ситуация. Возможно, я позже ещё коснусь этой темы.*

- Мы немного отвлеклись. Предлагаю возвратиться к вашему пребыванию в Печорском концлагере. Известны ли вам случаи, когда узники выбирались за территорию лагеря с тем, чтобы раздобыть пищу у селян в близлежащих сёлах?

- Да, конечно, такое было. Но не с нашей мамой. На такое решались далеко не все. Это было очень рискованно. Только

отважные, отчаянные люди были способны на такие «подвиги». Тётя шила, мама, как могла, помогала ей, так и выживали. После эпизода с бабушкой, они боялись и к забору подходить. Они умудрялись обменивать свою «продукцию» внутри лагеря у более предприимчивых людей. Такой себе «двухступенчатый бизнес», люди брали тётину продукцию, обменивали у забора на продукты питания и затем делились с нами «заработанными» продуктами.

- Известно ли вам о проводимых в лагере медицинских экспериментах над людьми? Встречались ли вам в лагере цыгане? Известны ли вам случаи надругательств над женщинами?

- Об экспериментах над людьми на территории лагеря мне ничего не известно. Людей, особенно, детей забирали, куда-то увозили, обратно они не возвращались. Но что с ними происходило, мне доподлинно не известно. Цыган в лагере не встречала. Что же касается надругательств, насилования женщин, это в лагере было. Мне такие случаи известны. Я помню, мама всегда старалась одевать меня так, чтобы я выглядела менее привлекательной, очень боялась за меня. То завяжет на мне платок, как на старушке, то платьице как-то изуродует, то причёску испортит. В общем, делала так, чтоб на меня меньше обращали внимания.

- В той комнате, где вы находились, были ещё другие девочки, ваши сверстницы?

- Да, и, в этой связи я вам расскажу ещё такую историю. Историю о том, до какой степени ожесточённости были доведены люди в том лагере. Девочку звали Фирочка, она и сейчас жива, живёт в Израиле. Её отец, как и мой, был на фронте, а вместе с ней была мать и ещё взрослые, уже не помню, кто. Однажды они решили бежать из лагеря при помощи «проводника». Стали ночью обсуждать конкретный план бегства. И приняли решение самим уйти, а девочку оставить в лагере. Вероятно, из тех соображений, что своими ножками она далеко не уйдёт, а нести долго на руках слишком тяжело для истощённых и ослабевших. К тому же необходимо соблюдать абсолютную тишину длительное время. Так или иначе, план был принят, но... Фирочка не спала и всё слышала и всё поняла. Как только поняла, схватила маму за платье и ни под какими

угрозами не отпускала. Кончилось дело тем, что побег не состоялся, они все дожили до освобождения и всей семьёй покинули лагерь. Уму непостижимо, как мать могла принять такое решение – спастись, принеся в жертву собственного ребёнка!

- Всё равно, несмотря на тяжёлые условия, вы ведь с вашей подружкой Фирочкой оставались детьми. Вы как-то игрались между собой, или вы понимали, что происходит вокруг?

- Увы, нет, мы не игрались. Не совсем понимали суть происходящего, но настроение в лагере нам передавалось, нам как-то было не до игр и не до игрушек. К тому же, не забывайте, мы были постоянно голодны, какие в таком состоянии игры? Я пытаюсь сейчас вспомнить, чем мы занимались, кроме поисков еды. Бывало, мы с Фирочкой занимались устной математикой, экзаменовали одна другую, сколько будет три плюс пять и т.п., пытались из слогов составлять слова, что-то в этом роде. Как результат, сразу после войны я пошла сразу во второй класс и закончила с похвальной грамотой. А об игрушках говорить не приходится, кто брал с собой игрушки, уходя в неизвестность? Нет, наше детство было абсолютно безрадостным.

- До какого времени вы оставались в лагере?

- До весны 1943 года. Трудно вспомнить, но было довольно тепло, возможно, конец апреля или начало мая. По крайней мере, было уже зелено, можно было спрятаться. И вот ночью взрослые взяли нас за руки и с мамой и тётёй вышли из лагеря. Шли ночами, чтоб не попадаться людям на глаза. Помню, попросились в еврейском доме, возможно, это было в Шаргороде, немного отдохнуть, перевести, как говорится, дух, с тем чтобы ночью двигаться дальше, даже не на ночлег. Но нас не пустили. «Идите, идите, мы сами за себя боимся». А у нас ноги гудут, мама с тётёй измучились нести нашего немощного Марика. Даже стакана воды не дали, просто не пустили в дом наши еврей-соотечественники(?!). Но, Бог дал, мы живыми добрались до Могилёва. А здесь – новое разочарование. Наш дедовский дом заселён семьёй из Бессарабии, а мы – под открытым небом. Спасибо доброй соседке, пустила нас к себе домой. Какое-то время мы пожили у неё, потом всё же бессарабские «смиловивились» и пустили нас в свой собственный дом. В конечном итоге, мы с ними даже весьма

дружелюбно разошлись. Здесь же мы дождались освобождения Могилёв-Подольского в марте 1944 года, когда в город вошли советские танки. Но даже в эти дни в городе шла ожесточённая борьба за каждый дом. В городе шла перестрелка, все боялись выйти из дома. В конце концов наши взяли верх и город стал свободным. Трудно передать словами, какая была радость у людей. Все обнимались, благодарили солдат. Наступила СВОБОДА!!

На этом хорошем слове я заканчиваю рассказ Розы Глинец. Но хотел бы сделать что-то вроде послесловия. Когда Роза возвратилась в свой город Могилёв-Подольский, её дом был заселен депортированными беженцами из Бессарабии. Это ещё как-то объяснимо: тоже несчастные люди. Но многие дома и квартиры заселялись местными жителями, бывшими соседями. Очень многих моих собеседников коснулась подобная проблема. Часто люди заставляли свои дома полностью разграбленными. И в этой связи напрашивается сравнение с тем, что происходило в аналогичной ситуации в оккупированной Европе, в частности, в Дании, после возвращения евреев, бежавших от нацизма в Швецию. Я был потрясён прочитанным в книге датского писателя Харолда Флендера в переводе Марка Гутина «Датский урок». Рекомендую всем прочитать. И вот фрагмент из этой книги.

« К концу мая 1945 года датские беженцы стали возвращаться в страну из Швеции, и к середине июля все они были уже дома. Бенжамин Слор нашёл свою квартиру в лучшем состоянии, чем она была, когда он её покинул. Его друг Хенрик Шмит позаботился сделать в ней ремонт и забил холодильник продуктами на несколько дней. Кроме того, оказалось, что в его отсутствие служащие продолжали вести дело, а прибыль, довольно значительную, клали в банк на имя подставного лица, имея ввиду, что когда Слор вернётся, то сможет её забрать.

Это не было исключением. Тысячи вернувшихся беженцев были встречены цветами. Ожидая их, соседи и друзья красили и ремонтировали их дома, прибирали в комнатах, набивали холодильники едой, собирали деньги. Вечером того дня, когда Хирш Тшерни и его семья возвратились домой, соседи устроили банкет в их честь. Тем, чьи квартиры и дома были разрушены, датское правительство предоставило жильё.

Многие из вернувшихся обнаружили, что соседи позаботились даже об оставленных домашних животных и цветах. Так, Эрик Герц и его жена нашли свой цветник не в запустении, как ожидали, а в полном порядке – за ним ухаживала их служанка.

Практически все датские беженцы вспоминают своё возвращение домой как самый прекрасный день своей жизни. Это замечательно выразил раввин Мельхиор: «Народы других стран и в прошлом позволяли своим евреям уходить и, быть может, были рады избавиться от них, особенно, когда к этому добавлялась возможность присвоить их собственность и капитал. В таких случаях сказать «Прощайте» им было легче, чем «С возвращением!». Но когда мы вернулись, наши соотечественники, датчане, встретили нас искренним: «Добро пожаловать домой». Да и как это было сказано! – с чувством, с открытыми объятиями и открытыми сердцами. Датчане позаботились о наших домах, о нашей собственности и деньгах, и всё это они нам вернули. В большинстве случаев мы нашли наши дома заново покрашенными, а на столе стояли цветы. Вы не можете даже представить себе, какое счастье мы испытали, возвратясь домой. Радужная встреча, которую оказал нам король Дании и весь народ – самое важное и счастливое событие в истории датской еврейской общины».

Не берусь объяснить, уважаемые читатели, этот, с нашей, привычной точки зрения, феномен. А может, это и не феномен вовсе, может так и должно быть. Подумайте над этим. А я, тем временем, перейду к рассказу об интереснейшем человеке, которого зовут

БОРИС ПРИЦКЕР

Это интервью я не случайно включил в моё повествование, хотя мой герой не был узником Печорского лагеря «Мёртвая петля», чему, собственно, посвящена эта книга. На долю этого человека выпали тяжёлые испытания, из которых он вышел подлинным победителем в самом прямом смысле этого слова, так как успел ещё повоевать на фронтах войны и вполне заслуженно праздновал вместе с другими фронтовиками День Победы. Мне было интересно также узнать, что, помимо гетто и концлагеря, представлял собой рабочий лагерь на оккупированной территории, через который пришлось пройти узнику такого лагеря Прицкеру. А ещё, Борис Прицкер был, по сути, моим первым интервьюируемым. Надеюсь, первый мой «блин» не оказался комом.

- Живя в Виннице, вы что-нибудь знали о развязанной Второй Мировой Войне, о том, что происходит в Европе? В доме велись разговоры на эту тему?

- Да, кое-что знали. Был такой кинофильм «Доктор Мамлок», в котором показывали и рассказывали об акциях в Германии. Потом в городе появились беженцы из западных частей Украины и Польши, польские евреи. Появилась тревога. Но, вместе с тем, Германия считалась высоко развитой в индустриальном плане державой, с богатой культурой, и никто не мог предполагать, что они способны просто так убивать людей сугубо за национальную принадлежность. Многие искренне считали, что эти действия совершают какие-то экстремисты, что это не государственная машина управляет этими процессами. А, во-вторых, в предвоенных песнях воспевалась мощь советского оружия: «Если завтра война, если враг нападёт...», граница на замке, дальше границы враг не пройдёт. Люди были почти уверены, что никакая опасность нам, советским евреям, не грозит. Примерно, такая атмосфера царил в большинстве винницких еврейских семей. Мы были довольно наивны, верили всему. Вставали и ложились с именем Сталина и свято ему верили. Очень хорошо помню, как арестовывали людей, широко, в прессе освещались процессы над ними. Арестовали нашего директора школы Трачука и художника Иоффе лишь только за то, что носили украинские

вышитые рубашки. Нам, школьникам объяснили, что директор и художник – троцкисты.

22 июня 1941 года Молотов объявил о войне с Германией. Буквально через несколько дней на Винницу были сброшены две бомбы: одна попала на Дом Офицеров, там погиб один солдат, а вторая бомба оказалась на лугу, где сейчас находится автобусная станция на Киевской улице. По городу пошла паника, стали всерьёз задумываться об эвакуации. В нашей семье было принято такое же решение. Собрались вместе с ещё тремя семьями ближайших родственников, погрузили вещи на подводу, а сами пешком двинулись в путь. С непривычки шли долго и медленно, только недели через две добрались до Христиновки, это недалеко от Умани. Разумеется, мы шли не одни, было много подвод, в основном, это были евреи и семьи военнослужащих. Там, под Уманью, шли жестокие бои, в результате которых большая часть советских войск попала в окружение. И мы вместе с ними. Ночью мы спрятались в хлебном поле, а немецкие танки пошли по этому же полю. Утром от нашей огромной колонны осталась, может быть, половина. Остальные так и остались на этом поле... Делать нечего, собрались с силами и двинулись в обратный путь, в Винницу. По дороге местные разбойники отобрали у нас лошадь, забрали все ценные вещи. В начале августа мы возвратились в город. А к этому времени в Виннице уже были немцы. Квартира наша была разграблена, там уже жили другие люди, правда, тут же её освободили. Таким образом, мы оказались на оккупированной территории, в которой надо было научиться жить.

К отцу пришёл товарищ, сказал, что на водочный завод нужен столяр для восстановления сторевших овальных окон. Отец стал там работать, получил хлебные карточки. Со временем привлёк и нас с братом Михаилом к работе. К слову, мой старший брат Самуил к тому времени был офицером, впоследствии погиб под Сталинградом, а сестра с мужем жила в Киеве, эвакуировались в Иркутск. Оказалось, что на водочном заводе было достаточно много работы и для меня с братом, и мы тоже стали получать хлебные карточки. Хозяином на заводе был немец, а главным инженером был Мэух Николай. Этот Мэух сделал для отца и нас справки, которые впоследствии спасли нам жизнь, но тогда мы об этом не догадывались. В то время в

городе начинались карательные акции по уничтожению евреев, грабежи, погромы. Иногда евреям удавалось узнать о предстоящих погромах, сообщали друг другу и прятались, как могли. В сентябре 1941 года в городе произошла акция по массовому расстрелу евреев.

- Как вы узнали о предстоящей акции?

- Соседи сообщили, а они, в свою очередь, тоже от кого-то узнали. Нам удалось спрятаться и избежать этих расстрелов.

Немного отвлекусь от рассказа Прицкера. В свою бытность сопредседателем Винницкого еврейского городского культурно-просветительского общества, мне довелось быть автором сценария и одним из организаторов митинга винничан, посвящённого 50-летию массовых расстрелов горожан, совершённых в сентябре 1941 года, о чём рассказывает Борис Прицкер. Согласно некоторым официальным данным, всего в городе было расстреляно 25000 евреев. Там находятся три огромные братские могилы. Там же установлен памятник погибшим. К слову сказать, мы внесли изменение в текст на этом памятнике, заменив слова «загиблі радянські люди» на «загиблі євреї». Отец нас всех спрятал на чердаке одного из цехов завода. Мы там пробыли несколько дней. По выходу из нашего укрытия мы обязаны были явиться в полицию по улице Дзержинского, 10 для регистрации. Помню, моя повязка со звездой Давида как-то неаккуратно была надета, её плохо было видно, за что получил от полицая плёткой по спине. После той регистрации мы продолжали работать на заводе и получать свои карточки на хлеб. И так до апреля 1942 года. А в середине апреля по городу были расклеены и развешаны объявления о том, что всем жидам надлежит приготовить еду на два дня, бельё, одежду и явиться в назначенное время на стадион в парке культуры для переселения в гетто. Мы так и сделали. Ужасная картина предстала перед нами в этом парке. Со всех улиц стекались эти людские ручейки со своими котомками. Женщины, старики, дети, больные, немощные, сплошной гул, стенания, плач детей, окрики взрослых. Стали сортировать. И вот здесь сработали наши справки с литерой «А» (Arbeiter) в правом верхнем углу. Имеющих такие справки отводили в отдельную колонну. Отдельно была колонна со справками, на которых стояла литера «С». Это, как я потом узнал, были рабочие

более редких специальностей: электрики, слесари, токари и т.п. К оставшимся подогнули машины, погрузили и увезли. Машин для всех не хватило, их погнали пешком в сторону Пятничанского леса. Нашу колонну, примерно из тысячи человек, повели под охраной из полицаев с плётками и собаками через город по улице Ленина и Островского в городскую тюрьму. Причём, гнали нас очень быстро, почти бегом. В тюрьме двойные ворота. После первых ворот нас ни с того, ни с сего стали бить по головам палками, плётками, у кого что было из полицаев.. После вторых ворот нас остановили и велели сбрасывать на кучу вещи, бумажники, часы и т.д. Образовалась куча с метр высотой. Развели по камерам, в которых можно было только стоять. Несколько позже стали расселять и по другим камерам, где уже можно было прилечь на цементный пол. Двое суток мы были предоставлены себе, никто к нам не заглядывал. Потом нас вызывали к полицаям, заставляли нас раздеваться догола, искали, не спрятано ли у кого-то золото. Ещё через пару дней в тюрьму стали наведываться «покупатели» - новые хозяева Винницких предприятий. Явился хозяин лесопильного завода гебитскомиссар Рознер. Ему нужны были столяры, бондари, кузнецы. Отобрали двадцать шесть человек, включая отца и меня с братом и под конвоем полицаев повели на лесопильный завод. Первые две недели нас водили в тюрьму и обратно на завод, затем под нас немного переоборудовали конюшню, которая располагалась на территории завода. На окна и двери установили gratы, поставили нары, вот и всё переустройство конюшни в барак. За территорию завода выходить было запрещено, охраняли нас выздоравливающие после госпиталя немцы. Наша работа заключалась в реставрации и модернизации мебели, разграбленной из еврейских домов после массовых расстрелов. Затем эту мебель увозили, куда – не знаю, возможно, в Германию. После мебели изготавливали деревянные подошвы для обуви.

- Каковы были условия вашей работы? Отношение немецкого руководства?

- Работали весь световой день. Кормили один раз в день каким-то супом и кусочком хлеба из отрубей и желудей. В какой-то мере от голода спасало то обстоятельство, что за колючей проволокой, ограждающей завод, рядом с ним

располагался местный базар. Люди, знавшие в каких условиях мы находимся, иногда подбрасывали нам то картошечку, то бурячок, то морковку, то луковицу. Для нас это было неким подспорьем.

- Эти люди рисковали при этом?

- Конечно, рисковали. Однако, территория была громадная, охранники большей частью следили за нами, чтоб не сбежали, да и люди проявляли осторожность. Но, если б попались, могли сильно пострадать. А уж за укрывательство еврея могли расстрелять всю семью. С внешним миром у нас никаких связей не было. Знали только, что такие же рабочие лагеря были созданы на мясокомбинате, на городской электростанции, на заводе «Молот», на швейной фабрике, мебельной фабрике и некоторых других предприятиях города. В этих лагерях для евреев были примерно одинаковые условия полуголодного существования. Евреев привлекали к работе, на мой взгляд, потому, что не находили таких же специалистов, да и рабочая сила практически дармовая. Затем к евреям в качестве учеников стали пристраивать рабочих из местных, украинцев. А «еврейский вопрос» так, или иначе, надо было решать. Так, что, по мере обучения ремеслу местных рабочих, евреев стали вывозить из этих лагерей и расстреливать. Мы с отцом и братом, вместе с остальными двадцатью тремя друзьями по несчастью, ждали такой же участи. Попытаюсь вспомнить хоть некоторых из них: Бали, Яблонский, Фишман, Клинович, Филлер, Инберги, их было двое. Между прочим, Шойлык Инбер, кузнец, изготовил для всех ножи: если будут убивать, унесёте с собой хотя бы одного врага. Надо сказать, что некоторые рабочие из местных жителей, неевреев, видя, как мы питаемся и выглядим, тоже пытались нам хоть чем-то помочь. Например, помню, приносили кукурузную муку и мы на плиточке в бараке варили мамалыгу и ели.

- Как долго вы пробыли в этом лагере?

- Я позже специально подсчитал, вышло пятьсот двенадцать дней и ночей, с 15 апреля 1942 года по 13 сентября 1943 года.

- А что произошло 13 сентября?

- Мы ведь не всё знали. Оказалось, что Шойлык Инбер имел связь с местным подпольем, а директор Франц Иванович

Бушинский и заведующий заводской столовой Кузьма Афанасьев являлись членами Винницкого подполья. И когда они узнали о готовящемся нашем расстреле, убрали охрану и выпустили нас на свободу. При этом, более молодых и сильных отобрали для отправки в лес, к партизанам, а пожилым предложили разойтись по городу и спрятаться, кто где может. Таким образом, мы с братом ушли в лес, а наш истощённый от голода отец, понимая, что до леса не дойдёт, вернулся в город. Сказал, что будет прятаться у соседей. У нас были хорошие соседи. Тётя Авдонья долго прятала отца, пока какой-то подлец не выдал его и в декабре его полицей обнаружил, отца расстреляли, не знаю даже, где его могила. А мы, семеро беглецов, тем временем добежали до леса и только там, в тени деревьев, вздохнули с облегчением: СВОБОДА! Это чувство невозможно передать словами. После осознания своей обречённости быть расстрелянными, мы испытывали одновременно два чувства: свободы и жажды отмщения. Когда мы вооружились отнятыми у охраны винтовками, мы ощутили в себе силы и желание мстить. Вскоре к нам присоединились ещё восемь таких же беглецов, нас стало пятнадцать, и в таком составе нас обнаружил часовой партизанского отряда. Отряд был небольшой, назывался «Отряд имени Сталина», командир отряда - Слюсаренко Владимир Фёдорович. Я был включен в состав группы Михаила Яковлевича Кручины.

- Какие боевые операции осуществлял отряд, возможно, с вашим участием? По чьему заданию? Имел ли отряд связь с регулярными частями Красной Армии?

- Всевозможные операции мы проводили в Жмеринском, Шаргородском, Литинском районах. Прямой связи с регулярными частями Красной Армии отряд не имел, действовал по заданию Винницкого подполья. В задачу отряда входил захват немецких машин с офицерами, добыча разведывательных сведения о дислокации, численном составе и вооружении немецких воинских частей для дальнейшей передачи штабу Винницкого подполья. Подполье, естественно, передавало эти сведения руководству Красной Армии. Со временем, наш отряд стал разрастаться. К нам приходили бывшие военнопленные, причём, принимали в отряд людей только с оружием.

- Помните, пожалуйста, эпизод, в котором вы лично принимали участие.

- Таких эпизодов было много. Расскажу про один. Обычно, уходя на задание, о его цели знал только командир группы на случай, если кто-то из группы попадет в плен. Однажды я пошел на очередное задание. Прибыв к месту назначения, командир сообщил, что мы должны уничтожить, сжечь деревянный мост. Где точно был тот мост, я и сейчас не знаю. Между прочим, у нас в отряде было два немца: Рудольф и Генрих Шауб. Рудольф был немецким обер-лейтенантом, дезертир, прислан Винницким подпольем. Возвращаюсь к нашему заданию: сжечь мост. А чем сжигать-то? Все мы одеты в немецкую форму, с немецкими автоматами и Рудольф, в данном случае, наш командир, с нами. Заходим в село, находим старосту. Рудольф начинает с ним разговаривать, староста ничего не понимает, Рудольф переходит на крик, староста трясется от испуга. Один из наших выступает в роли переводчика и объясняет обалдевшему старосте, что офицеру немедленно требуется бочка бензина, поскольку тут недалеко застряла техника из-за недостатка топлива. Тут же появляется полицай, вскоре появляется подвода, а на ней – бочка бензина. В подводу садится Рудольф, местный полицай в качестве извозчика, партизан по имени Проша и я. Едем к мосту. Сидим и помалкиваем, чтоб полицай не догадался, кто мы. Вдруг, когда уже приближались к мосту, колесо попадает на обочину и застревает. Проша, забыв обо всем, в сердцах выругался отборным русским матом. Полицай смекнул, что это авантюра, мгновенно соскочил и выстрелил из своей винтовки в Прошу. Рудольф тут же уложил полицая. Поехали дальше. По дороге попала полуполторка с русским водителем и немецким офицером в кабине. Рудольф вступил в недолгую дискуссию с тем офицером, после чего пристрелил его и велел водителю, Феде из Воронежа, он впоследствии остался в нашем отряде по ходатайству Рудольфа, развернуться в обратную сторону. Перегружаем бочку с бензином на полуполторку, продолжаем путь к мосту. Приближаемся к мосту, смотрим, навстречу немецкая колонна машин как раз начинает подъезжать к мосту. Рудольф и здесь не растерялся. Велел отвернуть пробку бочки, бензин стал выливаться, доехали до середины моста, остановились, Федя поднял капот, стал осматривать двигатель и в подходящий

момент чиркнули зажигалкой и погнали прочь. Мост загорелся, оставшиеся на мосту машины тоже. Задание было выполнено! Это лишь один из многочисленных эпизодов боевых операций нашего партизанского отряда. Самую крупную операцию мы провели на Барском шоссе. Тогда ещё тяжело раненный Яблонский попросил командира пристрелить его и командир выполнил эту просьбу на моих глазах. У нас ведь медикаментов не было, врача не было, в госпиталь не отвезёшь, а ранение было смертельное. Иногда, мы оставляли раненых товарищей в доме старосты и, под угрозой смерти, заставляли лечить наших партизан. Но тогда был не такой случай, Яблонскому никто не мог помочь. Тогда же, кстати, погиб и немецкий антифашист Генрих. А стал он антифашистом на фронте, когда ему сообщили, что его родные, коммунисты, замучены в концлагере.

- Расскажите, пожалуйста, о бытовых условиях жизни в партизанском отряде.

- Большую помощь в плане выживания оказывала супруга нашего командира Слюсаренко. Каким-то чудом доставала в сёлах и приносила то масло, то хлеб, то курятину. Как могла, выхаживала раненых, больных. Расскажу ещё про такой эпизод. Как-то мы небольшой группой из пяти человек пошли на очередное задание. Идём, смотрим, на нас движется громадная колонна советских военнопленных из восьмисот человек. Их сопровождает подвода с немцами впереди колонны, такая же подвода сзади, и по бокам небольшое количество немцев. Наш командир группы принимает решение отбить у немцев пленных солдат. Быстро разбились на две группы. Когда мы забросали гранатами первую и последнюю подводы, сами военнопленные разоружили и уничтожили остальных. Освободить-то мы их освободили, но что с ними делать дальше? Отвечая на ваш вопрос о бытовых условиях, отмечу, что у себя в отряде мы оставили из восьмисот только двести, понимая, что просто не прокормим больше. Остальных отпустили на все четыре стороны. Со временем, из этих двухсот в отряде осталось только... восемь, самых патриотично настроенных, остальные не выдержали условий партизанского быта.

- Как долго вы пробывали в партизанском отряде и как сложилась ваша дальнейшая судьба?

- В марте 1944 года, после выполнения очередного боевого задания, когда толковыми шашками и гранатами сожгли колонну отступающих немецких войск, мы возвратились не в наше обычное расположение, а в другое место. Вдруг наши разведчики обнаружили приближающихся военных в непонятной форме: в погонах, в сапогах, непохожи ни на немцев, ни на румын, ни на мадьяров. Командир скомандовал разведчикам: если это советские войска, привести к нему командира, офицера. Через небольшой промежуток времени к нам приблизились наши солдаты. И здесь грянуло партизанское «Ура!», слившееся с «Ура!» солдатским. Чувство незабываемое! Столько было радости! Естественно, с приходом советских войск отпала необходимость в партизанском отряде, мы опять были предоставлены сами себе. Поскольку я заговорил об окончании моей партизанской эпопеи, скажу, что очень сожалею, что никто не фиксировал ежедневно наши операции. Наш командир с комиссаром написали и передали по инстанции отчёт о деятельности отряда, но это был формальный документ об общих задачах отряда. А сколько было разведывательных, диверсионных, боевых операций! Отмечу также, что из нашей еврейской Винницкой «дружины», кроме погибшего Яблонского, все остались живы и возвратились в Винницу.

Возвратившись в Винницу 30 марта 1944 года, мы сдали лошадей и оружие и я тут же пошёл в военкомат. На второй день попал в Коростень, в 17-й запасной полк, в школу младших командиров. Брат остался в Виннице. Когда попал я на передовую в звании старшего сержанта, стал командиром стрелкового отделения пехоты. Представьте состояние, по сути, пацана семнадцати лет, вооружённого автоматом с неограниченным количеством патронов, с гранатами, с обеспеченным тылом за спиной и огромной жаждой мести. Что я вытворял?! С боями прошёл немалый путь. Сначала нас бросили под Раву Русскую, где полегла четверть наших. Потом я оказался в Венгрии, под Будапештом, где нас, пехотинцев, посадили на танки, откуда меня взрывной волной сбросило на землю. Повредил ногу, попал в госпиталь. Там сам срезал гипс и бинты и вновь попросился на передовую. Тем же командиром отделения дошёл до Брно, Чехословакия. Там, в Карпатах, был

уже тяжело ранен, раздробило бедро, попал в госпиталь на восемь месяцев, пока всё срослось.

- У вас есть боевые награды?

- Да, два Ордена Красной Звезды, Орден Отечественной Войны первой степени, с десятков медалей...

- При каких обстоятельствах вас застало 9 мая 1945 года?

- Ранен я был 1 мая, а 9 мая я был в госпитале в Австрии. В этот день вдруг началась интенсивная стрельба, мы решили, что немцы прорвались и нас ждут большие неприятности. Не зная, что происходит, мы начали рвать документы и готовиться к самому худшему. Ну, а потом всё стало на свои места: была объявлена ПОБЕДА! В госпитале я оставался до марта 1946 года, после чего возвратился в Винницу.

КЛАРА КРЕЙЧМАН

Перед вами, уважаемый читатель, ещё одно интервью, не полученное вашим покорным слугой, но включённое в этот сборник. Клара Крейчман, как и Яков Хельмер, моя землячка и я опять злоупотребляю своим «служебным положением». Что ж, можете меня мысленно поругать, но мне было очень важно включить это обстоятельное интервью, данное о моём родном Джурине человеком, который был к началу войны в тринадцатилетнем возрасте и до отъезда в Израиль провела всю жизнь в Джурине. Интервью, кстати, проводилось в Израиле. Клара могла довольно взвешенно, серьёзно оценивать обстановку в Джуринском гетто в те годы и обстоятельно рассказать обо всём. Надо сказать, мои собеседники, в своём большинстве, о Джуринском гетто отзывались позитивно и тому есть объяснения. Послушаем Клару.

Я родилась 21 мая 1928 года в селе Джурин, Шаргородского района, Винницкой области. При рождении моё имя было Крейня. В предвоенные годы мы в нашем местечке мало знали о том, что происходит, в частности с евреями, в Германии. То, что происходило вблизи Джурина, в районе Могилёв-Подольского в 1939 году, а это рядом с советско-молдавской границей, мы кое-что знали. У нас были родственники и в Могилёве, и в Бессарабии. В частности, в Бессарабии жила мамина тётя, её звали Хана, с которой они встретились лишь через тридцать лет здесь, у нас, в самом начале войны. Рассказывала, что жилось им при румынской власти тяжело, румыны относились к евреям, мягко говоря, недружелюбно.

- Вы помните, как для вас началась война 1941 года? Расскажите об этом.

- 21 июня 1941 года наша семья отмечала окончание моим братом десятого класса. Был выпускной бал в средней школе, родители с братом гуляли допоздна, на следующее утро бабушка всем объявила о том, что началась война. Конечно, ужас охватил всех, понимали, что случилось что-то страшное. Ещё до оккупации наше местечко бомбила немецкая авиация, так как через Джурин проходила стратегически важная автомобильная дорога Киев-Одесса-Кишинёв, немцам было важно эту трассу

блокировать. Вскоре мы увидели отступающие по этой дороге советские войска. Вслед за этим началась эвакуация, в первую очередь местного колхоза. Моего отца заставили эвакуировать колхозный скот. Не успели они отойти на тридцать километров, как там оказались немцы. Пришлось бросить скот, отец возвратился домой. Похожая ситуация случилась и с братом. Молодёжь пытались эвакуировать организованно, он с группой успел отойти от Джурина на пятьдесят километров, началась паника, их оставили без присмотра и они разбежались. Таким образом, брат тоже вернулся домой.

- А что касается остальных жителей Джурина, местные власти пытались организовать массовую эвакуацию населения?

- Нет, никому до нас не было дела. Эвакуировали сахарный завод, а впоследствии подорвали. Из джуринских еврейских семей эвакуировалась лишь одна – главного инженера сахзавода. Все остальные, включая раввина, Герша Коральника, остались в оккупации, которая началась 28 июля, когда в Джуриин вошли немцы. В первый день оккупации я ни одного немца не видела, потому, что все мы попрятались по погребам, сараям и другим убежищам. Но немцев вышли встречать с хлебом-солью наш раввин Коральник и ещё два еврея с ним в надежде этим как бы задобрить оккупантов, облегчить участь евреев. Хлеб-соль немцы приняли, посмеялись, но никакого облегчения это подношение не принесло. А на следующий день немцы расположились буквально в нескольких метрах от нашего дома. Там была местная почта и в этом здании расположился штаб немецкой воинской части, оккупировавшей Джуриин. Всё в этом штабе происходило на наших глазах. Обслуживать себя заставляли евреев: убирать, носить воду, мыть машины и мотоциклы и т.п. Они пели, плясали, проявляли радость, веселились, как могли. Вот один из примеров их импровизации. В одно из помещений штаба согнали пожилых евреев, в основном, с нашей улицы. Сначала их изрядно избивали, срезали бороды, затем заставили сделать себе «букеты» из крапивы и с этими «букетами» они должны были плясать и петь о себе печальные песни, например, со словами: «Мир зэн ын олы фарфолн» (мы все пропали). Наверное, это им доставляло удовольствие. Они нам сразу дали понять, что собой представляют немцы и что нас ждёт. Правда, немцы простояли

в Джурине недолго, недели через две штаб свернулся, а ещё через два месяца немцы вышли из местечка. За это время немцы в Джурине никого не убили. Издевались, как могли, брали на тяжёлые работы. Молодёжь отправили в совхоз в селе Садковцы. За это время в Джурине побывали и эсэсовцы, которых мы научились отличать по форме. Они отличались особой жестокостью по отношению к евреям. За время пребывания немцев была также организована украинская полиция из местных украинцев, назначен староста по фамилии Дзюбенко, и, некоторое время спустя, на территории сахарного завода разместилась румынская жандармерия. Таким образом, мы узнали, что новые хозяева в Джурине – это румынская власть. Власть была, как бы, двуглавая. Другими словами, над евреями издевались и румынские жандармы, и местные полицейские. Удары плётками по малейшему поводу и без повода. Приблизительно в сентябре 1941 года в Джурине образовалось гетто. Всем евреям объявили о границах гетто и предупредили о запрете выходить за его пределы.

- Что изменилось для евреев с уходом немцев и приходом румын?

- Маленькое облегчение в связи с тем, что румыны любили деньги. Всякий раз они угрожали карательными операциями с массовыми расстрелами, тут же евреи собирали так называемую контрибуцию, вручали румынам деньги, драгоценности, после чего румыны на некоторое время успокаивались. Деньги вначале были советские, затем появились немецкие оккупационные марки. Они и были в ходу.

- Как изменилась ваша жизнь с образованием гетто?

- Изменилась в худшую сторону. Если раньше можно было выходить в любом направлении для обмена вещей на продукты у местных селян, то из гетто уже выходить нельзя было. Правда, нас спасало то, что на территории гетто сохранился базар. Один раз в неделю, в воскресенье, был базарный день, крестьяне из окрестных сёл приходили со своими продуктами и здесь происходил обмен. У кого были вещи, те обменивали их на продукты питания. Через какое-то время у нас и вещи закончились. Тогда мы с братом Яшей стали перемалывать зёрна пшеницы в муку. По двенадцать часов в день, мы с братом и ещё сосед с сыном вращали каменные жернова, успевая за это

время перемолоть пуд пшеницы, получалось четыре килограмма муки. Два – нам, и два – соседям. Этим и выживали. Зерно мы скупали у местных жителей, у соседей. А ещё мой брат работал на лесоразработках, в четырёх километрах от Джурина. Лесничий, заинтересованный в его почти дармовом труде, выхлопотал для него разрешение на выход за пределы гетто. За полный рабочий день брат получал вязанку дров. Половину мы продавали, половину оставляли себе. Это было и подспорьем, и спасением от холода, и топливом для приготовления пищи.

Отец мой первый год оккупации провёл в Джурине, а затем угодил в в лагерь. В сентябре 1942 года в связи с увеличенным количеством евреев за счёт прибывших из Бессарабии, Буковины и Румынии жандармерия устроила облаву и объявила, чтобы все евреи собрались в центре местечка, у дома культуры, чтобы самолично подписаться под обязательством не выходить за пределы гетто. Туда же пошёл и мой брат. Была огромная толпа евреев. Женщин, стариков и детей отвели в одну сторону, остальных, молодых и крепких – в другую. Молодых привели в жандармерию, бросили в погреб, сказали, что куда-то повезут, а куда – неизвестно. Им сказали, что близкие могут принести им тёплую одежду. В то время Яше был восемнадцатый год, отец не мог смириться, что юношу куда-то увезут, и упросил жандармов пойти вместо сына. Отцу тогда было сорок семь лет. И пошёл вместо него. Долго мы об отце ничего не знали, а спустя несколько месяцев узнали, что он находится в лагере, в селе Варваровка Николаевской области на строительстве моста. Жили они там в бараках, тяжело работали, практически без пищи, без отопления, а зима была суровая. В конце концов, многие слегли, не могли продолжать работу. Некоторых «счастливиц» отпустили, но не домой, а на сборный пункт в Могилёв-Подольском. *Мы уже с вами, читатель, знаем, что это был пересыльный пункт для дальнейшей отправки и в Печорский лагерь смерти.* В феврале 1943 года отца также перевезли в Могилёв. К тому времени от него оставались кожа да кости и весь завшивлен. Подробностей переезда в Могилёв он не помнил, так как был без сознания. Придя в себя в Могилёвской больнице и узнав, что он в Могилёве, вспомнил, что здесь живут родственники. Больница находилась на территории Могилёвского гетто и отец сумел передать о себе маминой

двоюродной сестре. Родственники сумели заинтересовать мальчика лет 12-13, похожего на украинца, и тот пешком добрался из Могилёва до Джурина, а это 50 километров, и принёс нам записку, что отец жив. Возник вопрос, как добраться до Могилёва и вызволить отца. Помогли наши Джуринские родственники, собрали необходимую сумму денег, через Шаргородского претора получили разрешение на то, чтобы выбраться из Джуринского гетто для спасения отца. Было получено разрешение для мамы с условием, что она поедет под чужой фамилией и оденется по-крестьянски. Мама внешне была похожа на украинку и это тоже помогло. Не знаю, как мама добиралась, когда попутной телегой, когда пешком, но она благополучно добралась до Могилёва. Затем, с помощью могилёвских родственников сумели подкупить каких-то немцев, чья машина выезжала в этом же направлении. А отец, мама рассказывала, лежал чуть живой, в чём мать родила, с плевритом и воспалением лёгких. Кое-как родственники приодели его, погрузили на кузов машины, мама сумела ещё прихватить с ним бессарабского еврея, и в двадцатиградусный февральский мороз они направились в сторону Джурина. Не доехав километров пять, машина сломалась. Мать пешком пришла в село, договорилась с украинцами, наняла извозчика санями и, наконец, привезла папу домой. Первое, что сделал отец, зайдя в дом, у нас был земляной пол на кухне, лёг на пол и стал целовать землю.

- Когда в Джурине впервые появились депортированные румынские и бессарабские евреи?

- Осенью 1941 года. Вначале прибыли бессарабские евреи. Какие они были несчастные! Холодно было, слякоть, грязь, голые и босые, семьями, с детьми, их было человек 500, не меньше, практически все из города Хотин. Ими занималась еврейская община, стала размещать по квартирам в гетто. К нам попала молодая пара, жених и невеста, Сура Гесель и Йосл Альтман. У нас они и поженились, моя мама устроила им даже хупу. О свадьбе, как таковой, и речи не могло быть. Пришло несколько человек, мама испекла пирог, с этим «свадьба» началась, этим и закончилась. Их уже нет в живых, она уехала из Джурина беременной, их сына я позже встречала. Затем приехали румынские евреи. В отличие от бессарабских, которые пришли

пешком и чуть живыми. Румынские евреи прибыли из городов Радауц, Черновицы, Кимпелунг, Сэрет. В нашу маленькую двухкомнатную квартиру разместили ещё двенадцать (!) румынских евреев, всего нас было девятнадцать человек. И так было во всех домах Джурина. Кроме того, ещё многих разместили в джуринских синагогах. *О переполненных синагогах нам рассказывала Эстер Бартик, если помните.* При такой плотности неудивительно, что начал распространяться брюшной и сыпной тиф, через небольшой промежуток времени люди стали умирать. Вши, холод и голод делали своё дело, многие не выжили уже в первую зиму. *Немного отвлекусь, и вы, уважаемый читатель, вместе со мной.* *Посещая Джуринское еврейское кладбище я долго не мог понять, почему так много могил с надписями на латинице. Понятно на русском и иврите, а почему латиница в еврейском местечке на Украине? Теперь-то я знаю: уж очень много здесь захоронений румынских, бессарабских евреев.* На территории гетто была больница, появились врачи среди румынских евреев, как могли, помогали больным, но медикаментов не было и большинству больных они помочь не могли. Люди падали, как мухи, особенно, бессарабские евреи из синагог. Наша семья продолжала выживать тем, что зарабатывали на муке, на дровах, что брат приносил. А ещё я продавала подсолнечное и рипаковое масло, которым нас снабжали русские староверы из села Пилипы. Мы их называли «кацапами», да они и сами так называли себя. Вот такие у нас «процветали бизнесы». Чтоб вам было понятно обо всех доходах из этого «бизнеса», стоит добавить, что нам ещё пришлось продать всю мебель из дома: и кровати, и шкаф, и этажерку, и скамьи и т.д.

- Как к вам относились местные жители, неевреи?

- По-разному. Недалеко от Джурина есть село Боровка, не знаю, сколько там жило евреев, но их всех расстреляли. Оттуда бежали в Джурин трое евреев, они и рассказали о погроме, учинённом местными украинцами.

- Если помните, назовите имена руководителей местной полиции и жандармерии.

- Начальником полиции был Березовский Жорж, начальником румынской жандармерии был Флориан, фамилии не помню. Самым грозным полицаем, больше других

издевавшегося над евреями, был Федь Царук. Этот изверг жил рядом с местечком, знал всех евреев в лицо и поименно, при каждом случае нещадно бил, требовал денег, вещей, ценностей. Его судили после войны, лет десять его не было, потом я его видела в Джурине.

- С появлением румынских евреев, владевших одним яыком с местной властью, вам стало немного легче?

- В какой-то мере, это помогло. В большей степени, помогло то, что они были зажиточнее. И румынские власти об этом хорошо знали. Власти требовали, а узники, румынские евреи, давали всевозможные выкупы. Причём, делалось это регулярно. Существовал еврейский комитет, который состоял, главным образом, из румынских евреев. Председателем комитета был Моше Кац. *На самом деле председателем комитета был Макс Розенштраух, а его заместителем – Моше Кац. Здесь я опять ссылаюсь на свидетельства Менаше Миллера. Но понятно и утверждение Клары, что председателем был именно Кац. Читателю будет интересно ознакомиться с деятельностью еврейского комитета, так сказать, изнутри, по свидетельству очевидца. Приведу несколько фрагментов из главы «Еврейский комитет» Менаше Миллера.*

«...Также был создан местный еврейский комитет. Он не вмешивался в сбор и раздачу денег и не занимался делами столовой. Главы еврейского комитета были главами местечка (гетто) среди еврейских представителей, которые подчинялись еврейскому коменданту на оккупированной территории Транснистрии. В состав комитета вошли: Макс Розенштраух – председатель, Моше Кац – заместитель, Буби Розенраух, Нейман, Штейн, и др. Сначала предполагалось, что председателем комитета будет Моше Кац, однако, оккупационные власти, находящиеся в Шаргороде, потребовали, чтобы председателем комитета стал человек с высшим образованием. Поэтому председателем стал Макс Розенштраух. Разница между председателем и его заместителем в отношении к евреям была, как между небом и землёй. Розенштраух в прошлом был военным и держал власть в жёстких руках. Характер у него был взрывной, злой и его отношение к людям было негуманным. Он выслуживался перед властями за счёт беженцев. Так, с помощью евреев-полицейских, подчиняющихся приказам

Розенштрауха, хватали евреев и гнали их на работы по постройке моста для немцев. Этот каторжный труд приводил к смерти каждого, кто был болен или ослаблен. Примеры его жуткого поведения запечатлены в памяти жителей Джурина. 10 ноября 1942 года около 90 евреев были схвачены для отправки на следующий день в лагерь смерти Печора. В эту ночь члены комитета явились к раввину за советом: «Есть возможность договориться с жандармами и спасти несколько евреев, попробовать заменить живых мёртвыми, умерших в течение дня и не похороненных. Один жандарм объяснил, что должен доставить определённое количество евреев. Неважно – живых, или мёртвых. Розенштраух был категорически против этой акции, нагло и грубо кричал на членов комитета и раввина. Вопреки сопротивлению председателя комитета, были спасены 7 евреев...

...С наступлением Красной Армии и отступлением немецких и румынских войск, председатель комитета Макс Розенштраух был арестован, осужден как военный преступник и приговорён к 25 годам тюремного заключения. В противоположность Розенштрауху, Моше Кац был человеком, преданным делу спасения евреев в гетто. Случалось, некоторые евреи, опасаясь за свои жизни, шли на преступления против других евреев. Кац никогда не поддерживал предателей и делал всё для предупреждения подобных преступлений. Однажды жандармы вывели двух евреев из гетто на ближайшее поле для расстрела (для убийства евреев причин было, хоть отбавляй). Кац обнажил свою грудь и обратился к жандармам: «Пожалуйста, расстреляйте меня, а не их». Понимая, что эти просьбы не дадут желаемого результата, он упросил жандармов немного подождать. Сам вернулся в гетто и вместе со Львом Ленгоэром собрали 600 марок (колоссальная сумма в те дни), передал выкуп жандармам, таким образом спас двух обречённых евреев. Моше Кац, получая приказ отправить определённое количество евреев на каторжные работы, сокращал это количество вдвое. Однажды несколько евреев бежали из гетто в Красном, пришли в Джурин и спрятались в синагоге. Жандармы потребовали их немедленного возвращения, что означало неминуемую смерть. Кацу удалось добиться для них права на проживание в Джуринском гетто. Жизнь евреев была спасена. Доброе имя

Каца глубоко врезалась в память беженцев и местных жителей. Возможно, именно по этой причине Клара и приняла Моше Каца за председателя еврейского комитета. В состав комитета входили 7 человек. Комитет основал следующие учреждения: больница, общественная столовая, суд, в последний год был организован также сиротский приют».

Была также еврейская полиция во главе с начальником Бутсбоймом. Они занимались, главным образом, благотворительными делами, помогали выжить бессарабским евреям, занимались организацией похорон, хлопотали перед румынской властью в каких-то критических ситуациях. Я сейчас вспомнил, что мой покойный брат Изя рассказывал мне много лет тому назад историю о том, как он в годы оккупации выкрал у румынского офицера пистолет (брату к началу войны было двенадцать лет). Ему грозило что-то страшное, но, говорил он, за него заступились взрослые и откупились. Вполне возможно, что ему помог этот самый комитет во главе с Мойшей Кацем, о котором рассказывает Клара. Но это только моё предположение. Когда мне брат эту историю рассказывал, меня больше интересовал сам пистолет.

Что касается еврейской полиции, то в их функцию входил контроль за порядком на территории гетто, о каких-то жестокостях, или издевательствах по отношению к землякам-единоверцам не припомню. Иногда приходилось, конечно, и власть употребить, и продемонстрировать лояльность к новой власти, но этим не злоупотребляли. Но жизнь в условиях гетто сама проявляла жестокость. И холод, и голод, и болезни, всё это сопровождало нас всё время оккупации. Особенно подкосила нашу семью лагерная эпопея отца. Он ещё очень долго болел до и после освобождения Джурина.

- Итак, вы прожили в условиях гетто, по сути, три тяжёлые зимы. Вы говорили, что через Джурин проходит важная автомагистраль, а по передвижениям войск на трассе можно понять о происходящих событиях. Вы что-нибудь знали о том, что происходит на фронте, как развиваются события?

- О том, что происходит на фронте, мы ничего не знали, но слухи по местечку ходили. Вокруг нас, в лесах были партизаны. Один из наших родственников, Кобылянский Илья Петрович, был с ними связан, и через него мы имели какую-то

информацию, например знали, что немцы потерпели поражение под Сталинградом. Но на поведении румынских жандармов и украинских полицаев эти события никак не отражались. До самого освобождения они вели себя одинаково жестоко. Накануне самого освобождения, в марте 1944 года, когда немцы стали отступать, мы почувствовали изменения. Мы видели, как немцы шли через центральную трассу в Джурине. Жалкое зрелище! Одеты и обуты кто во что горазд. Кто - пешком, кто - на телегах, кто - на машинах. 18 марта в Джурин вошли партизаны, постучали в один из еврейских домов и сообщили, что завтра утром в село войдут войска Красной Армии. Так оно и было. На следующее утро в Джурин вошли советские войска. Нам стало известно, что они торопятся окружить и пленить немецкие отступающие части, чтобы не позволить им добраться до Днестра. Впоследствии немецкие части таки попали в плен. Перед отступлением немцы угрожали евреям массовыми расстрелами, но Красная Армия настолько стремительно наступала, что немцы вынуждены были просто бежать. Это нас и спасло.

АННА ШВАРЦМАН

И ещё одно «не моё» интервью. С Анной Шварцман я был достаточно хорошо знаком по совместному участию в жизни еврейской общины города Винницы, а также в Ассоциации бывших узников гетто и концлагерей. Естественно, я знал, какая судьба постигла эту женщину в детские годы. В отличие от всех предыдущих узников гетто, Анна оказалась в гетто не на территории Транснистрии, где была румынская власть, а на оккупированной немцами территории, в городе Литине. Условия пребывания в том гетто были намного жёстче. Поэтому я и решил привести интервью с Анной. Надо отметить, что Анна в годы нашего с ней общения очень много сделала для увековечения памяти жертв Литинского гетто, для присвоения спасителя её семьи звания «Праведника Мира», для деятельности Винницких еврейских организаций. Если говорить о людях с активной жизненной позицией, то это определение вполне подходит к Анне Шварцман. С удовольствием предоставляю ей слово.

Помню, что незадолго до начала войны в кинотеатре показывали фильм «Профессор Мамлок» о жутких издевательствах над еврейским профессором в Германии, но мы не соотносили это к нашей жизни и не думали, что это будет носить массовый характер. Даже, когда были боевые действия в Польше, никто не мог предположить, что война коснётся нас. Были уверены, что наша граница «на замке», а если враг перейдёт границу, то будет немедленно уничтожен. Но всё вышло по-другому. В самом начале войны мы в Литине уже видели наши отступающие войска и с грустью провожали их взглядами. Взрослые стали судить-рядить, что делать, как поступать. Одни говорили, что надо немедленно бежать на восток вслед за отступающими войсками, другие, ссылаясь на опыт Первой Мировой войны, отговаривали, вспоминая, что немцы лояльно относились к евреям. В городе, тем, не менее, началась паника, стали собираться в эвакуацию. В нашей семье тоже были большие волнения. Я, как подросток, не участвовала в принятии решений, но все разговоры на эту тему хорошо помню. Когда ехать, куда ехать, на чём ехать? В конце концов, приняли решение уезжать. Собрали самое необходимое и в

начале августа на повозке соседа вместе с его семьёй отправились в путь. Далеко не успели отойти, не больше ста километров, нас уже догоняли немцы. Пришлось возвращаться, уже, большей частью, пешком. Очень тяжёлой и унижительной была наша обратная дорога. Мальчишки из сёл, через которые нам пришлось идти, поощряемые взрослыми, избивали нас кнутами, заставляли есть землю, сырой лук. Видимо, таким образом демонстрировали копившуюся годами ненависть к нам, евреям. Сумели вернуться в Литин только 11 августа. С первых же дней по возвращению моего старшего брата и отца забрали на работу в машинно-тракторную станцию (МТС). Пошёл слух, что собираются вылавливать молодых людей. Мой брат пытался бежать, но папа решил, что будет лучше, если сын останется при нём. Кончилось тем, что забрали всех троих: папу, его младшего брата Велва и брата Моню. Повели в кинотеатр, там стали регистрировать и отбирать специалистов. После регистрации папу отпустили, а Моня остался с остальными, не специалистами. Папа позже часто говорил, что Моня в момент расставания так на него смотрел, что «этот взгляд будет меня преследовать всю оставшуюся жизнь». Их вели на расстрел через Литин, 56 человек. Мой брат шёл первым, красавец, высокого роста, в тот день, 20 августа, был его день рождения. Я почти всю жизнь прожила в Литине, но ни разу не прошла по той дороге, по которой вели моего дорогого брата в последний путь. Я очень тяжело переносила его смерть, мы всю жизнь были вместе, всегда защищал меня, он был очень преданным сыном и братом. Вместе с ним был расстрелян и мой дядя, папин брат. Это была первая акция в Литине, когда без какой-либо причины, без какого-либо повода, были расстреляны 56 ни в чём не повинных евреев. Это была первая акция, но не последняя. В городе воцарилась смешанная власть. Была немецкая жандармерия и эсэсовцы, а также была создана Управа со старостой и полицией из числа местных украинцев, пожелавших прислуживать новой власти. В сентябре до нас докатилась информация о карательной акции с массовым расстрелом десятков тысяч евреев в Виннице, областном центре. А в декабре того же, 1941 года, нам, литинским евреям, было велено собраться с самыми ценными вещами, якобы для отправки на работу. Отца и семьи это не коснулось, так как он продолжать

быть в списках нужных специалистов. Многие поверили, но были и такие, которые были уверены в неизбежной гибели. А когда всех собрали и повели громадную колонну в сторону военного городка, всем всё стало ясно: ведут на расстрел. Хуже всех было тем старым и немощным, которые плелись позади колонны. Их подгоняли, били палками и плётками, собаки разрывали тела, снег был красным от крови. Страшная была картина. Немцы что-то орут, стараясь гнать побыстрее, дети громко плачут, родители их теряют и тоже кричат, многие падают, а другие их затаптывают, украинские полицаи изощраются и бьют, что есть силы. В конце концов колонну подвели к заранее вырытым ямам... В тот день было расстреляно около 5000 (*пяти тысяч!*) литинских евреев. Всё происходило на глазах украинцев и евреев, не попавших в ту колонну. И я была свидетельницей этого кошмара. Мы стояли и смотрели, как наших родственников ведут на убой и ничего не могли с этим поделать. К старости я всё больше осознаю, как это всё ужасно. Эти сцены очень часто встают перед моими глазами.

- Кто из ваших родных погиб?

- В тот злополучный день погибло 32 (*тридцать два!*) наших самых близких родственника. *Многих из погибших вспоминала Анна в своём рассказе.* А нас, оставшихся в живых, возвратили в город, в гетто. Нам объяснили, для чего нас оставили жить. Мы обязаны всячески способствовать успешной деятельности немецкой армии, соблюдать чистоту в комендатуре, содержать город в порядке, выполнять любую работу, к которой нас будут привлекать. Гетто было создано мгновенно. Привели местных крестьян с лопатами, вырыли ямки, вбили колья, натянули колючую проволоку, таким образом отгородили территорию гетто. После массового расстрела для гетто понадобилось небольшое количество домов. Нас поселили в дедушкин дом, который оказался на территории гетто. Через дорогу, буквально в десяти метрах, находился наш, недавно построенный дом, но мы не могли в него вселиться: он оказался за территорией гетто, за колючей проволокой. Всего в гетто вошло тринадцать домов и в них разместили порядка 500 человек. На следующий, после организации гетто, день, приехали эсэсовцы на машинах, мотоциклах, с автоматами, и

проверили, не оказались ли в гетто евреи, которым надлежало быть расстрелянными, то есть посмели остаться среди специалистов, по другим причинам. Выявили таких человек сто, вывели и также расстреляли, «благо» ямы от предыдущего расстрела ещё не были засыпаны.

В доме из двух небольших комнат по 12-13 метров, в котором жила наша семья, разместилось, в общей сложности, 25 человек. Ежедневно по утрам нас выводили через ворота гетто на работу. Работали в каменоломнях, вывозили оттуда камни на строительство дома для какого-то немецкого учреждения, копали котлован. Участвовали в строительстве дорог. В каменоломнях взрывали камни, огромные куски тащили в руках к камнедробильной машине, где камни превращались в щебёнку, затем эту щебёнку тачками отвозили к дороге. А там – свои трудности, связанные с утрамбовкой, заливкой горячим асфальтом и т.д. Всю эту работу выполняли взрослые и мы, подростки и дети. При этом нас не кормили, полураздетые, летом – под палящим солнцем, зимой – в стужу и мороз. Кроме того, мы обеспечивали работу газогенератора, который вырабатывал электроэнергию. Для этого надо было распиливать брёвна на небольшие поленья, затем колоть их на чурки, которые и служили топливом для газогенератора. Во время выполнения всех этих работ нас постоянно избивали. Например, на разгрузку машины отводилось определённое время. Если мы в это время не укладывались, мы тут же получали удары нагайкой. Избивали и немцы, и полицаи. Был такой комиссар Никиш, очень злой человек. Он устанавливал лимиты времени на работу, затем бегал со своей собачкой по объектам, фиксировал выполнение работ и «расплачивался» на месте. После разборки Никиша на теле не оставалось живого места, истязал с каким-то остервенением. Наверное, ему это доставляло особое удовольствие. Забегая вперёд, отмечу, что этого негодяя поймали после войны, привезли в Литин. Я также выступала в суде в качестве свидетельницы. Когда его спросили, почему он так издевался над девушками, зачем так сильно бил, он отвечал, что его раздражало, как мужественно мы себя вели, не плакали и не просили пощады.

Очень популярно было предательство украинцев в отношении евреев. Учителя местной школы выдавали немцам

своих коллег – еврейских учителей. То же делали ученики старших классов в отношении своих соучеников-евреев.

- Кто с вами жил в доме, сколько вас было человек?

- Жена моего дяди с тремя детьми, её сестра с четырьмя детьми, был портной с семьёй, ещё старичок, жену которого убили по дороге в военный городок, ещё была семья Хинкис, семья Шмидт, семья Сандлер, семья Бурштейн и наша семья, Нахлис. Я сейчас затрудняюсь сказать, сколько нас всего было. С трудом соображаю сейчас, как мы все размещались тогда. Спали вповалку, в основном, на полу, кто на топчане, кто на каких-то досках, летом кто-то спал на чердаке. Сово спали здесь не совсем уместно. Мы не столько спали, сколько томились в ожидании погрома и расстрела.

- Что ж вы ели?

- Рискуя жизнью, выбирались-таки за пределы гетто, для чего папа в одном месте перерезал проволочное ограждение. Выбирались в село, к крестьянам, обменивали на продукты вещи, которые ещё оставались, иногда просто выпрашивали еду. Большую помощь нам оказал наш спаситель, который впоследствии по моему ходатайству был удостоен звания «Праведника Народов Мира». Не каждый день, но довольно часто он, рискуя жизнью, подходил к нашему потайному проёму в проволочном ограждении и приносил нам еду. Их было даже двое, наших спасителей: Дикий Василий и Мукомел Юхтым. Василий вместе с моим отцом служили и подружились в белой армии. С Юхтымом мы до войны не были знакомы. Во время одного из погромов мы бежали из гетто в село, где Юхтым нас обнаружил, но не выдал, а, совсем наоборот, спрятал у себя в доме. Какое-то время мы прятались в доме Юхтыма, после чего он передал нас в дом Василия Дикого. К этому эпизоду я ещё вернусь в своём рассказе. Так, во многом благодаря этим прекрасным людям, мы остались живы. Вообще говоря, было довольно много крестьян, украинцев, которые относились к евреям в те ужасные годы весьма дружелюбно. Но, были и равнодушные созерцатели, а также много было и пособников немцев, которые весьма охотно шли в услужение оккупантам. Из последней категории и появлялись злобные полицаи, такие, например, как упомянутый Никиш. Возможно, я преувеличиваю, но считаю, что с каждым выжившим в

Литинском гетто происходило какое-то чудо. Ибо так просто там выжить было невозможно.

- 12 августа 1942 года был устроен детский погром. Это была акция, направленная на уничтожение детей вместе с их родителями, в основном, матерями. В тот день погибло очень много народа. Анна не знает, сколько человек тогда погибло, но привела несколько историй того дня, которые запечатлились в её детском сознании. В одном случае сестра одной женщины, у которой на руках было чудное дитя, Жанночка, выхватила из рук матери этого ребёнка и вместе с ним пошла к краю могилы, где и была расстреляна вместе с ребёнком. Смысл этого жертвенного поступка заключался в том, чтобы сохранить жизнь своей сестры, матери оставшихся в живых других детей этой женщины. Таким образом, ценой своей жизни и жизни обречённого на смерть ребёнка, была сохранена жизнь матери и её оставшихся детей. Придя домой и, увидев в сахарнице следы пальчиков Жанночки, мать потеряла сознание, её едва привели в чувство. Другой эпизод, о котором поведала Анна, связан с чудом спасения девятилетней Танюши. Они с мамой стояли также у края оврага, куда падали тела расстрелянных. В последний момент оттолкнула Таню прочь от оврага с криком: «Почему ты здесь? Ты ведь украинка! Беги отсюда!». Возникло небольшое замешательство, во время которого девочка пустилась бежать. Поймавшему её полицая назвала адрес украинской молочницы, у которой будто живёт. Молочница отказалась подтвердить Танины слова, однако полицай, похоже, сжалился и привёл её в гетто, к её убитому горем отцу. Сейчас эта, чудом спасшаяся, Таня живёт в Америке, закончила свой рассказ Анна.

В тот злополучный день детского, как его называли, погрома, ушли из жизни мои дорогие двоюродные Мишенька, Лёничка и Полиночка, трое детишек маминого брата. Всего из нашей родни погибло тогда одиннадцать детей. Сейчас им было бы примерно столько же лет, как и мне. Они покоятся в Литинской земле. Мы храним память об этих людях не только в наших сердцах. На месте их гибели сооружены памятники, часто ездим туда, возим наших детей. К счастью, мы, то есть, наша семья, остались живы. Бетя пряталась где-то отдельно от нас. Так, или иначе, мы все остались живы. А в ноябре 1943 года состоялся

ещё один погром. Гетто было ликвидировано, вероятно было принято окончательное решение об уничтожении оставшихся в живых евреев. Всех собрали в одном месте и колонну повели в неизвестном направлении. Отец с матерью, несмотря на жёсткий приказ, касающийся всех евреев, всё же решили попытаться счастья и спрятаться. Отца, как специалиста, всё ещё продолжала держать при себе жандармерия. А мы без отца пустились наугад в село. В первый дом нас не пустили, пригрозили сообщить властям. Во второй дом решили не проситься, а просто вошли во двор, забрались в курятник, там нашли ход в погреб, где притаились и остались ночевать. Наутро хозяин дома зашёл, чтобы выпустить кур и обнаружил нас. Хозяина звали Юхтым Мукомел. Увидев нас и сразу поняв, кто мы и откуда бежали, велел подождать. Мы решили, что пошёл сообщить местным полицаям. Но вскоре Юхтым возвратился с женой, позвали нас в дом, накормили, напоили, обогрели, успокоили. После чего мы попросили каким-то образом дать знать отцу, что мы живы и где нас искать. Несмотря на риск, Юхтым пошёл в местечко и каким-то людям сообщил о нас и попросил передать об этом нашему отцу. К Мукомелу мы ещё вернёмся, а пока расскажу вам ещё об одном чуде – чуде спасения моего отца. Он, как вы помните, остался вместе с другими специалистами при жандармерии, всего семнадцать человек. Но всякому везению приходит конец, пришёл и их черёд быть расстрелянными. К жандармерии, где их держали в подвале, подогнали крытую машину с тем, чтобы отвезти их к военному городку на расстрел. Их выводили в колонну по одному сквозь строй вооружённых эсэсовцев с собаками. Отец, помню, всегда говорил в то время: к яме добровольно не пойду, пусть убивают выстрелом в спину. Отец в этой колонне шёл к машине препоследним. В какой-то момент отец вышел из колонны и... просто пошёл прочь в надежде, что сейчас в него выстрелят и на этом всё кончится. Но, хотите - верьте, хотите - нет, кто-то невидимый заслонил глаза всем стражам и его уход никто не заметил. Никто не выстрелил, не окликнул. Пробрался к забору, окружавшему жандармерию, перелез через него, разодрав себе всю одежду и тело о колючую проволоку, добрался до какого-то кукурузного поля, переждал в нём остаток ночи, день, и на следующую ночь пришёл в дом ... Юхтыма Мекомела.

Разве это не чудо?! Из семнадцати обречённых на смерть людей просто выйти, не получить пулю и остаться живым! Мы все вместе побыли у Мукомела ещё несколько дней, после чего он нас завёз в село Кульга, к Василию Дикому.

В последующем Анна рассказывает подробности о той системе секретных приспособлений, которую придумал и устроил Василий Дикий с тем, чтобы их не могли обнаружить соседи. Через три недели пребывания у этого благородного человека, семья Анны Шварцман перебралась в город Жмеринку, где и дождалась освобождения Литина. На этом и завершился её рассказ об оккупационном периоде. В последующие годы Анна сумела мобилизовать многочисленные финансовые ресурсы многочисленных спонсоров, благотворительных организаций, включая даже американские хасидские религиозные организации и синагоги для увековечения памяти погибших в Литинском гетто. Всё это происходило уже в девяностые годы, на моих глазах. Мне приходилось участвовать в открытии этих великолепных мемориалов, созданных исключительно благодаря неувядающей энергии этой немолодой, но целеустремлённой женщины. Примером и образцом для неё был её отец, который начинал эту благородную миссию, а Анна Шварцман с достоинством продолжила эту работу. Сейчас Анна проживает в городе Денвер, штат Колорадо. Поддерживает связь с Винницкими еврейскими организациями, в течение многих лет активно помогает материально детскому приюту для парализованных детей, регулярно отправляя посылки с медицинскими препаратами. До сих пор не забывает о людях, спасавших её семью в годы войны. Уже давно нет в живых Василия Дикого и Юхтыма Мекомела, а Анна поддерживает контакты уже с третьим(!) поколением этих людей! Такая это женщина – Анна Яковлевна Шварцман.

ФИРА САФРУС

...Мой двоюродный брат участвовал в боях на Халхин Голе и на озере Хасан. Много были наслышаны о событиях в Испании. Я даже была знакома, правда, позже, с некоторыми детьми, которых привезли из Испании.

- В Шпикове были добровольцы, которые уезжали воевать в Испанию?

- Нет, о таком не слышала. Отец часто слушал радио и знал, что происходит в Европе, что идёт война, что оккупировали Польшу. Дома иногда велись разговоры на эту тему. И о том, что в Германии происходят массовые погромы евреев, тоже были наслышаны.

- Дома велись разговоры о том, что война пожет продолжиться на территории Советского Союза и евреев может постигнуть та же участь, что и германских и польских евреев?

- Нет, такая мысль не допускалась, были уверены, что враг не посмеет напасть на такую мощную державу, как Советский Союз.

- Расскажите, пожалуйста, подробно, каким вам запомнился день начала войны.

- Первая новость пришла по радио, когда объявили о том, что Германия напала на Советский Союз, что бомбили Киев и другие города. Тут же в Шпикове началась мобилизация, в том числе, и среди моих родственников. Ушли на фронт трое моих двоюродных братьев, совсем молодых, папин брат, тётин муж. Все они ушли и не вернулись, все погибли. Мой отец к началу войны был уже не призывного возраста и мобилизован не был. Конечно, была паника, были волнения, переживания.

- Была ли попытка эвакуироваться?

- В нашей семье почему-то таких попыток я не помню, не могу утверждать, обсуждался ли такой вопрос. К тому же, у нас не было ни лошадей, ни подводы. Никто из местных властей не организовывал эвакуацию, каждый принимал решение самостоятельно. Многим не хватало решительности, слишком долго принимали решение: люди были предоставлены сами себе и не знали, что и как делать. Например, семья моего дяди такую попытку делала, у них были лошади и повозка, но

попытка оказалась неудачной: не успели отойти далеко, немцы их настигли довольно быстро и им пришлось возвратиться.

- А известны ли вам случаи, когда жители Шпикова успешно эвакуировались и остались живы?

- Да, было таких всего несколько семей, которые сумели быстро принять решение, имели транспорт, быстро собрались и успели отъехать на большое расстояние от линии фронта. Но, повторяю, таких было немного. Большая часть жителей Шпикова осталась в оккупации. Ровно через месяц после начала войны в Шпиков вошли немцы. Такая деталь. Всех предупредили, чтобы с приходом немцев двери домов не закрывать, двери должны быть открыты, иначе будет плохо. Отца и дядю спрятали на чердаке. Дядя был лысоват и носил очки. Бытовала такая, то ли байка, то ли шутка: лысоват и в очках – значит... коммунист. Поэтому дядю и спрятали. А, заодно, и папу. Свой первый же день прибытия в Шпиков немцы отметили тем, что схватили первых попавшихся десять евреев, в том числе нашего соседа, Мойшу Зароцкого, и расстреляли.

...Нас стали брать на работу. Меня, например, заставляли убирать в конюшне. Власть в Шпикове состояла из немцев, румын и местных полицаев. По отношению к евреям вели себя очень плохо, грабили еврейские дома. У нас тоже были, хватали всё, что заблагорассудится, любые понравившиеся вещи. Особенно свирепствовали три немца, это мне запомнилось. Выходили «на охоту» ровно в полдень. В это время люди старались на глаза им не попадаться, прятались по укромным местам. Хорошо ещё, что вскоре в Шпикове прекратила свою деятельность немецкая воинская часть, которая ушла дальше на фронт, и эти три разбойника ушли вместе с остальными. В городе воцарилась, главным образом, румынская власть. Немногим от немцев отличались местные полицаи, не хочу называть их имена, хоть и хорошо помню: остались их дети и внуки. Мы оставались в своих домах и ходили на принудительные работы недолго. Вскоре в Шпикове было организовано гетто, нам пришлось оставить свой дом и перебраться на территорию, обозначенную, как гетто, в квартиру моего дяди. Территория гетто не была ограждена. В основном, все евреи разместились на одной длинной улице. Все

обязаны были носить на груди вышитый могоендовид – шестиконечную звезду. В этом гетто мы находились до декабря 1941 года, до отправки в лагерь в селе Рогозное. Гнали нас так, как скот гонят. Все шли пешком, рядом, по обеим сторонам, вооружённая охрана с собаками. Шли в течение светового дня. По дороге многие погибли. Кого убивали, кто сам не выдерживал, падал. Оказывать помощь упавшим нельзя было. Тот, кто пытался помочь, сам получал пулю. Далеко не все добрались до Рогозного.

- Лично вы видели, как погибали люди?

- Да, лично я видела, как пристреливали лежащих на земле живых ещё людей. Нас сопровождали румыны, немцы и местные украинские полицаи. Не могу сейчас точно сказать, кто из них стрелял, но то, что стреляли по людям, точно видела. По дороге нас видели многочисленные местные жители, украинцы, смотрели, многие с сожалением, но ничем не могли помочь. Среди них были и знакомые. Например, сын одной из смотревших на нас женщин, был моим соучеником, ставшим полицаем. Напрасно я в его родном селе Рогозном ждала от него помощи, ни кусочка хлеба не дал. А мать второго одноклассника довольно активно помогала. К вечеру привели нас в какой-то клуб. Наша семья, то есть, папа, мама и я, а также все наши родственники оказалась в погребе этого клуба. Там и проводили время в этом лагере-клубе, в который затолкали всех шпиковских евреев. Можете себе представить, какая там была антисанитария, сколько на людях было вшей. Когда была возможность выйти во двор, весь снег вокруг был тёмным от сброшенных с себя вшей. Нас там, в этом клубе, практически не кормили, многим помогали местные жители. Мне, как соученице сына, я уже упоминала её, помогала его мать, Стрельбицкая Елена. Очень добрая была женщина, она впоследствии и в Печоре нам помогала, часто приносила и передавала в условленном месте еду. Старший её сын был женат на еврейке из Тульчина. Они и её спасали, она осталась жива.

- Вам помогала, как вы сказали, Стрельбицкая. А как остальные выживали?

- Она нам помогала, конечно, но мы голодали, как и все остальные, может, чуточку легче. Рыскали по замёрзшему полю, выкапывали мёрзлую, гнилую картошку. А как-то раз «повезло» -

обнаружили дохлую лошадь. В Рогозном мы пробыли недолго, но и это короткое время я, как и многие другие, успела переболеть тифом. Но всё-таки выжила. А многие, не сумевшие выжить, навсегда так и остались в Рогозном, наши ряды шпиковских евреев ещё больше поредели. Оставшихся в живых привели в следующий круг ада – Печору. Читатель уже довольно хорошо знаком с этим «чудесным» местом, каким оно было в годы войны. Опишу из рассказа Фиры описание представшей перед ней картины и всего ужаса, который она испытала при виде обитателей этого лагеря. Постараюсь в дальнейшем пересказывать специфические особенности, характерные для моих собеседников, переживших этот ад.

Начальником полиции лагеря был некий Кабанец, вместе с которым мой отец был в плену в Первую Мировую войну. Они узнали друг друга. Надо отдать ему должное, относился он к нам, по мере возможности, более-менее лояльно, иногда даже помогал. Приведу один пример. В Печорском лагере отдельной проблемой были похороны умерших. Собственно, похорон, как таковых не было. Из предыдущих интервью читатель уже знает, как это всё происходило. Когда умерла мама, Кабанец разрешил отцу принять участие в её погребении с тем, чтобы хотя бы знать и запомнить, где находится её прах. Другое дело, что выйдя за пределы лагеря вместе с похоронной командой, отец тут же был жестоко избит бандитами-полицаями и вернулся, так и не увидев место захоронения. И мы до сих пор не знаем точно, где лежат её косточки. После войны, когда Кабанца арестовали, пока он находился в Шпикове, отец носил ему передачи в тюрьму. Когда возмущённые сотрудники КГБ спрашивали отца, зачем он это делает, отец отвечал, что в самые трудные времена Кабанец ему помогал. Такие вот бывают коллизии.

- Вы по ходу рассказа упомянули, что мать ваша умерла. Расскажите подробнее, как это произошло.

- Мама умерла просто голодной смертью. Она на моих глазах усыхала и таяла. Случилось так, что мы с ней лежали рядом и я не заметила, как она умерла. Не могу сказать сейчас, сколько времени она пролежала мёртвой около меня. Это произошло 12 декабря 1943 года, в мой день рождения. Несмотря на то, что нам иногда приносила еду Стрельбицкая,

большей частью мы голодали, или спасались, чем могли. Был ещё один человек, который время от времени помогал нам выжить. О нашем бедственном положении как-то узнал папин друг – Иван Петрович Покинъчереда, когда-то он был председателем колхоза. Он приезжал к Печоре на повозке и передавал для нас еду. Подробностей о том, как это происходило, я не знаю, но это – непреложный факт. Бывало даже так, что его передачи до нас не доходили. Кто-то перехватывал и нам не доставалось. Такой голодной смертью, как моя мама, умирало большинство узников лагеря. Там погибли тысячи людей. Там ведь были евреи не только из близлежащих местечек, но также из Могилёв-Подольского, Румынии, Бессарабии. Некоторым удалось бежать из лагеря и таким образом сохранить свои жизни, другим бежавшим не повезло. Так, мой дядя с тётёй и сыном бежали, добрались до Джурина, но там их схватили, избили и вернули обратно в лагерь. Здесь они все и погибли. *Очень неприятно мне было слышать об этом случае, связанном с моим родным Джурином, но, как говорится, из песни слов не выкинешь. У меня нет оснований не доверять Фире. Как и все предыдущие узники, интервьюируемые мной, Фира подробно рассказала об эпизоде со счастливым концом о несостоявшемся расстреле всех обитателей Печорского лагеря, остававшихся ещё живыми на тот момент. Особенностью её рассказа было то, что её отец, готовясь к расстрелу, одел на себя талес и прикрепил тфиллин. В отличие от рассказа Михаила Бартика об этом же эпизоде, семья Фире Сафрус радовалась благополучному исходу, несостоявшемуся вывозу на расстрел. Возможно, они посчитали, что спасла папина молитва.*

Такое наше существование в Печорском лагере продолжалось вплоть до освобождения в марте 1944 года. На территорию лагеря ворвались красноармейцы и сообщили нам, что мы все свободны, ни жандармерии, ни полиции больше нет и мы можем расходиться по домам. Нашей радости не было предела! Мы были измучены, истощены, но всё же находили в себе силы радоваться освобождению, на лицах людей появилось что-то на подобие улыбок. Люди обнимались, целовались. Не могу сказать, кто именно нас освобождал, но когда мы пешком возвратились в Шпиков, узнали, что в числе первых освободителей Шпикова был наш родственник, Рабинер Ефим

Иосифович, военный врач. Сколько было радости при встрече с ним! Когда вошли в дом, обнаружили живущих там мужчину с двумя дочерьми из Ленинградской области. Как они попали из Ленинграда в Шпиков я не знаю, возможно, мы и не спрашивали об этом. Увидев нас, они тут же решили выбраться из нашего дома. Но мы с отцом решили по-другому и предложили им оставаться вместе с нами до тех пор, пока не освободят от немцев Ленинградскую область. Они оказались очень порядочными людьми, Семёновы – их фамилия. Начать с того, что они меня, извините за подробности, отмыли, очистили от вшей, одели, на мне ведь почти ничего не было, одни лохмотья. Они пробыли у нас почти до конца 1944 года, затем уехали. Расстались мы с ними весьма дружелюбно. Во второй половине дома, где под одной крышей располагалась квартира моей тёти, была устроена ... конюшня, там оккупанты держали лошадей. А вокруг дома, на земле валялись патроны и гранаты, отзвуки войны ещё долго давали о себе знать...

МОЙША БЕЙДЕР

... Чёрное круглое радио, у нас, как и у всех, конечно, было. Родители слушали, что там говорят, а я, если и слушал, то только песенки. Я не знал, что там выслушивали родители, не вникал, но видел, что временами, слушая радио, лица их становились серьёзными и озабоченными. Возможно, уже тогда доходила какая-то негативная информация о событиях в Европе. Но, повторяю, мне тогда ничего не было известно.

- Когда вы впервые услышали слово «война»?

- Это я помню, как будто сегодня. Мы жили в Могилёв-Подольском недалеко от Днестра, всего в 100-150 метрах. А по другую сторону Днестра – граница с Молдавией. Мы с другими пацанами играли, вдруг смотрим: с той стороны на небе появилось много самолётов и стали кружить. Мы очень обрадовались и стали кричать: «Самолёты, самолёты!». Но тут самолёты стали сбрасывать бомбы, а они стали взрываться на земле. Мы стали разбегаться и прятаться по домам. Самолёты покружили-покружили, сбросили бомбы и улетели. Вскоре появилась другая армада самолётов и бомбардировки заметно усилились. Вот тогда я и услышал от взрослых это страшное слово: «Война!» Едва ли не на следующий день в город вошли немецкие войска. Они производили очень внушительное впечатление: добротны одеты, вооружены автоматами, на мотоциклах и в машинах. Особый страх внушало их первое же поведение – нещадно расстреливали первых попавшихся, невзирая на пол и возраст. Люди немедленно стали прятаться по домам, погребам, сараям, стараясь на улицу не высовываться. Мы тоже спрятались в погребе. Но сколько можно сидеть в погребе? Отец всерьёз задумался над происходящим, видимо, понял, что наступила большая беда и принял решение из города уходить. В какой-то день мы перебрались в Озаринцы, где немцев не было. Однако вскоре и там появились немцы. Как только они появились, тут же стали выгонять всех евреев в синагогу. Сразу же поползли слухи, что мол, на синагогу сбросят бомбу и таким образом уничтожат всех евреев. Но этого не произошло. Произошло нечто другое. В синагогу ворвались немцы и стали свирепо издеваться над людьми. Несчастливым старцам стали поджигать бороды, кто выбежал из помещения,

стреляли вдогонку, крики, стоны, плач, кровь. Это была первая такая устрашающая карательная акция в Озаринцах с многочисленными жертвами. Поняв, что в Озаринцах для нас спасение не придёт, отец и другие взрослые приняли решение возвратиться в Могилёв. Вернулись в наш дом, а вскоре в городе было создано гетто. Отгородили высоким забором с колючей проволокой поверху несколько улиц, где мы обязаны были находиться в течение дня. Я точно не помню, но мне кажется, что днём мы находились на территории гетто прямо на земле, а на ночь могли возвратиться в свой дом. Но я в этом не уверен, просто не помню, чтоб мы жили в другом доме. Глубокой осенью всем евреям было приказано собраться с пожитками на железнодорожной станции. Подогнали вагоны и всех стали в них заталкивать. Переполненные вагоны с убитыми горем людьми прибыли на станцию Рахны, откуда нас высадили и погнали, как скот, пешком в сторону Печоры. *О том, в каких условиях людей перевозили в переполненных вагонах, довольно подробно рассказывала Роза Глинец, я уже приводил рассказ из её интервью, поэтому решил не повторяться, так как переезд Мойши Бейдера по этому же маршруту, из Могилёва в Рахны, по его рассказу, был ничуть не лучше.* Пеший переход из Рахнов до Печоры был полон трагизма, очень много жертв осталось лежать на этой дороге. Кто отставал, кому было тяжело идти – сначала подгоняли палками и плетьюми, после чего они ещё больше отставали, затем их просто пристреливали

- Вы всю дорогу держались вместе, не потеряли друг друга, я имею в виду вашу семью?

- Да, отец, его брат, мать и шестеро детей, все мы вместе живыми добрались до Печоры. Дедушка остался в Озаринцах, он в Могилёв не возвратился. Забегая вперёд, скажу, что войну он пережил, остался живой, но умер в 1945 году, уже после Победы. Ближе к вечеру нас, наконец, привели к железным воротам Печорского лагеря. А изнутри нас уже ждали люди, которые были до нас. На них страшно было смотреть. Мы и сами к тому времени были довольно измучены, но то, что мы увидели, повергло нас в шок. *Как выглядели к тому времени первые обитатели этого лагеря смерти, жители Тульчина, мы с вами, уважаемые читатели, уже хорошо знаем. Я сейчас имею в виду тех из вас, кто читал предыдущие главы этой книги. Тех, кто*

читает только эту главу, я отсылаю к предыдущим пересказам интервью моих собеседников. Тех же самых мучеников увидел и об этом рассказал и Мойша Бейдер. Давайте послушаем, что происходило с ним и его довольно многочисленной семьёй.

Мы разместились всей семьёй в одном из бараков. Никакого отопления зимой там, конечно, не было. Спать приходилось, тесно прижавшись друг к другу, даже накрыться у нас было нечем. В течение первых же дней пребывания в лагере сильно заболел папин брат. Ни о каком лечении говорить не приходится. Ни больницы, ни врачей, ни медикаментов там не было. Недолго мой дядя помучился и ещё через несколько дней его не стало. Еды там почти не давали, каждый добывал себе сам, как мог. Когда я говорю «почти не давали», имеется в виду, что один раз в день нас кормили. А что это была за еда? Выносили большой казан с бондаревкой и мы это пойло пили. Бондаревка – это размешанная с тёплой водой кукурузная мука. Да, чуть не забыл, ещё каждому полагался кусочек хлеба. Как ни странно, но мы на этом выжили, а пробыли мы там с осени 1941 года до середины 1943 года. При этом пережили две холодные зимы без всякого отопления и почти без тёплой одежды. Видно, судьба наша была такая: выжить. Но сколько мы видели трупов вокруг?! Это ни передать, ни описать невозможно. Буквально каждый день вывозили десятки, а, может быть, и сотни трупов. Воду достать тоже была проблема. Брали для питья из протекавшего рядом Буга. К речке надо было спускаться по ступенькам. Очень много людей погибло прямо на этих ступеньках. Молодых людей забирали на работу в каменоломни, многие оттуда не возвращались. Были случаи, когда молодых девушек, а то и подростков, насиловали. Если всё это соединить воедино, то понятно, что выжить в тех условиях было практически невозможно. Как долго может человек жить без еды, при недостатке воды, в холоде, без подходящей одежды, во вшах, при постоянных издевательствах, побоях, унижениях, без надежды выжить?

- Как охранялся лагерь?

- Вокруг лагеря был огромный каменный забор, построенный ещё графом Потоцким. Вы там были, видели забор?

- Я-то был и видел, но вы сейчас рассказываете не только мне, но и тем, кто не был и не видел. Так, что, пожалуйста, расскажите подробно.

- Хорошо. Вдоль забора, по всему периметру, стояли вооружённые охранники, полицаи из местного украинского населения. Так, что выбраться из лагеря, или проникнуть на его территорию извне было практически невозможно. Ну и, конечно, ворота тщательно охранялись. Некоторые отчаянные люди пытались выбраться из лагеря совсем, или в поисках пищи, но это удавалось далеко не всем. Возможность выбраться была у тех, кто мог сохранить ценные вещи, золото или деньги. Немцы, вряд ли, а румыны шли на подкуп и позволяли некоторым смельчакам выйти из лагеря в поисках пропитания для семьи. Золотую пятёрку можно было выменять на буханку хлеба. Бывало и так, что человек оставался и без пятёрки, и без хлеба. А сколько могло быть таких пятёрок? И опять родители и старшие братья стали обдумывать нашу ситуацию, пришли к выводу, что из этого лагеря надо, как можно быстрее, бежать, пока ещё живы. Уж не знаю, каким образом они сумели, но старшие два брата, Сёма и Яша, выбрались из лагеря, проникли в Могилёв, пронюхали, что там да как, и возвратились обратно. Из их рассказа следовало, что хуже, чем в Печоре нам не будет. Будет ли лучше – неизвестно. Сумеет ли мы живыми выбраться из лагеря и добраться до Могилёва – тоже неизвестно. Но и здесь оставаться было не вмоготу. Решили выбираться, но не всем одновременно. Мой брат Рома, 1937 года рождения, был очень истощён, решили, что дорогу до Могилёва не выдержит. Отец сказал, что пока останется с ним здесь, в Печоре, а остальная семья должна спастись. Так и поступили.

- Пожалуйста, расскажите, как вы пробирались в таком составе по оккупированной территории?

- Когда мы вышли из лагеря, мы старались передвигаться лесами. Взрослые догадывались, что по дорогам передвигаться опасно. Понимали, что если обнаружат, сразу же расстреляют. По возможности, подходили осторожно к сёлам и выпрашивали еду и питьё. Многие селяне, надо сказать, по-доброму к нам относились и не отказывались помочь. Кто даст хлеба, кто немного мамалыги, кто - картошку. Худо-бедно, можно было продержаться. Мы вернулись в Могилёв, папа с Ромой остались

в Печоре. При очередном выходе на работу мой отец погиб, а немощный Рома остался в лагере один. Вскоре после этого у нас появился, тоже бежавший из Печоры, наш знакомый сапожник, его зовут Эля. Так этот Эля сообщил, что отец погиб, а Рувин умирает. Сёма рискнул, опять пробрался в лагерь и сумел вызволить уже почти умирающего Рому.

- Известно ли вам, что были так называемые «проводники», которые выводили людей из Печорского лагеря?

- Мне об этом очень хорошо известно потому, что мой брат Сёма и был какое-то время этим самым «проводником». После того, как мы сами вышли, а потом он вернулся за Ромой, Сёма приобрёл какой-то опыт. Привёл двух сестёр, наших знакомых, потом ещё две семьи. Может, ещё кого-то, не знаю. Сейчас я понимаю, насколько это было рискованно, а Сёма был молодой, рискованный, может и сам не осознавал степень риска.

Вернувшись в Могилёв, мы обнаружили... вернее, не обнаружили нашего дома, его полностью разобрали. Спасибо добрым соседям, которые нас приютили. Я не уверен, но мне кажется, что гетто к тому времени уже не существовало. В нём и смысла никакого не было. Одних отправили в Печору, других – в Ананьев, возможно, ещё в какие-то места, кого убили, кто сам умер от голода, холода и болезней... Как мы ни старались держаться вместе и не показываться, всё же случилось так, что мама с Фимочкой оказалась на улице, их схватили и отправили, как потом выяснилось, в Ананьев, Одесской области. А мы, пятеро детей, остались одни. Вся забота об остальных легла на плечи старшего брата Сёмы. В это время продолжались наши страдания. Я был пацаном, подробностей не знаю, но помню, что он каким-то образом промышлял спичками. Где-то доставал по одной цене, продавал по другой, а спички были ходовым товаром. Таким образом Сёма нас всех кормил. С наступлением зимы 1943/44 г. стало совсем худо. И это продолжалось вплоть до тех пор, пока нас не определили в детдом, организованный в Могилёве румынскими евреями. Сёма, правда, в детдом не пошёл, остался в квартире. *Если помните, такое же заведение было создано румынскими же евреями в Джурине. Там его называли детский приют, но это суть дела не меняет. Но, в отличие от Джуринского приюта, в Могилёве условия жизни в детдоме были похуже. Вот что об этом говорит Мойша.*

Условия там были плохие, тёплой одежды не было, отопления тоже не было, мы там замерзали. Наш слабенький Рома опять заболел, его тело было осыпано язвами, он весь был в прыщах. Сёма, увидев наши страдания, забрал нас из детдома и мы опять стали жить вместе. Время потихоньку шло, о матери мы ничего не знали. Но в какой-то момент люди, вырвавшиеся из Ананьева, сообщили нам, что мать жива и вместе с братиком находится Ананьевском лагере. Можно писать отдельную историю о том, как мама с ребёнком, напомним, он 1940 года рождения, выживала в лагере. Её, как и остальных, ежедневно гнали на работу, несмотря на наличие ребёнка. Когда она рисковала и брала его с собой, её нещадно били. Приходилось оставлять его ... в яслях, из которых ест скот, а остающиеся в бараках больные люди как-то за ним присматривали. Обо всём об этом мама рассказывала, когда, наконец, лагерь был освобождён. Это просто чудо, что они с ребёнком там сумели выжить, в этом лагере. То есть, моя мама прошла через два лагеря смерти. Незадолго до освобождения мама с Фимочкой вместе со всеми стояла у стены, где они все должны были быть расстреляны. В последний момент прибежал немец с криками: «Nicht zu schiesen» (Не стрелять), потому, что русские наступают. Так они остались живы!

И вот, в один прекрасный день, к нам прибежали знакомые и стали кричать: «Ваша мама приехала, бегите к базару!». Можете себе представить, какая это была встреча! Конечно, с приходом мамы жизнь наша стала заметно улучшаться. К тому же и Могилёв был освобождён. Для нас, по сути, главные страдания остались позади. Хотя война ещё долго продолжалась, но мы радовались тому, что остались живы. Жаль только – папа не дожил.

АРОН ПОЛИЩУК

...Могилёв-Подольский до войны был приграничным городом. Граница тщательно охранялась, несмотря на то, что Молдавия перед самой войной считалась уже советской территорией. Всё равно пересекать границу в обе стороны было довольно сложно. Когда мы были совсем пацанами, помню, была такая себе шпиономания. В городе люди, в основном, знали друг друга, особенно в своих дворах. Так, что, если на улице или в переулке появлялся незнакомый человек, мы, мальчишки, за ним следили, немедленно сообщали пограничникам. Бывало, нам даже давали какие-то подарки за это. А что касается финской войны, то в ней участвовал брат моего отца, его звали Сёма. Он вернулся с той войны живым. А во время войны с немцами вся семья его погибла. О том, что в Европе идёт война, взрослые, наверное знали, но я в силу возраста, не понимал, что происходит. Напряжение какое-то чувствовалось. Помню, возникали проблемы с продуктами питания. Например, приходилось с вечера занимать очередь к хлебному магазину для того, чтобы утром успеть купить буханку хлеба. Это я помню.

Вскоре после начала войны наша семья приняла решение эвакуироваться. У нас были лошади, погрузили кое-какой скарб и поехали в Ярышев с тем, чтобы забрать бабушку, мать моего отца, и двигаться дальше. Одновременно с нами в эвакуацию собралась и семья папиного брата. Когда доехали до села Лучинец, эта семья, несмотря на наши уговоры, решила там остаться вместе с их родственниками. Они остались, а мы поехали в сторону Шаргорода. В Шаргороде переночевали, а на следующее утро в город вошли немцы. Мы побыли в Шаргороде при немцах всего несколько дней. Не могу сказать, что немцы сразу же стали убивать евреев, я такого не видел. Немцы бесцеремонно забирали у людей всё, что им нужно было: лошадей, свиней, коров и т.п. После Шаргорода пришлось возвращаться в Могилёв. Не помню, сколько времени шли пешком, поскольку и наших лошадей забрали немцы. К нашему приходу город уже был сильно разграблен, а в нашей квартире валялись только изодранные подушки, всё остальное исчезло. С этого момента для нашей семьи, а это – отец, мать, дедушка, старший брат и я, начались мытарства. Работы нет, источника

дохода нет, в квартире пусто, есть нечего. Вдобавок ко всем проблемам, в августе случилось страшное наводнение, которого даже старики не помнили. Наш домик размыло до основания, остались только столбы, так, что остались и без крова. Со временем разместились в какой-то комнатухе и взрослые стали думать-гадать, как выживать дальше. Мне сейчас трудно представить, как мы выживали в тот период на самом деле. Вероятнее всего, нас просто выручали посторонние люди, возможно, дальние родственники или знакомые, у которых было не так трагично. Ещё серьёзней стало у нас с приходом зимы 1942 года. Я имею ввиду, что в этот период заметно усилился террор в отношении евреев. Немцы всё чаще стали устраивать облавы на жителей города с избиениями и частыми убийствами, румыны забирали на тяжёлые работы, естественно, без всякой оплаты, это был, по сути, рабский труд. Люди, как могли, старались спрятаться, но не всем и не всегда это удавалось.

- Как происходили облавы немцев?

- Пять-шесть немецких жандармов ходили по городу, находили, в основном, молодых евреев, забирали с собой, что они с ними делали, я не знаю, но чаще всего эти молодые люди обратно не возвращались. Отправляли их в другие места для работы, или просто убивали, мне неизвестно. Но все понимали, что во время облавы надо прятаться, как можно, глубже и тщательней. А румыны забирали, в основном, на строительство железнодорожного моста через реку Днестр. К работе на строительстве моста привлекали местных украинцев как специалистов или надсмотрщиков, а в качестве рабочей силы – евреев. К тому времени в Могилёве было уже довольно много евреев, которых пригнали из других мест, из Бессарабии, Буковины, Румынии. Одних переправляли в другие места, лагеря, гетто. Многие оставались в Могилёве, их тоже привлекали к разным работам, в том числе и на строительство моста. Работа там была очень тяжёлая и опасная, рабочее время ничем не ограничивалось, питанием люди практически не обеспечивались, я уже не говорю о соблюдении хоть каких-то элементарных правил техники безопасности. Очень часто люди находили смерть в водах Днестра. Моего отца также очень часто привлекали на эту стройку, так что я знаю об этих условиях не по наслышке. Одновременно, в городе было организовано гетто.

- Расскажите подробнее, что из себя представляло гетто в Могилёв-Подольском.

- Была выделена и ограждена деревянным забором территория в районе базара, там же были сооружены ворота, через которые можно было войти по пропускам, а выйти евреям было запрещено, разве только, когда забирали на работу. У ворот и вдоль забора стояли охранники, как правило, румын и местный полицай. В центре гетто был устроен ещё один базар, предназначенный только для евреев, с тем, чтобы евреи не могли ходить на основной базар, где покупателями и продавцами были только украинцы. Там товары были лучшего качества и дешевле, но нам туда приходиться не разрешалось. А сюда, на еврейский базар, продавцы-украинцы заходили. Другое дело, были ли у евреев деньги для покупки продуктов питания. В ходу тогда были, в основном, немецкие оккупационные марки. Румынские леи, как правило, обменивались на бирже на марки. Советские деньги вообще не были в ходу. Евреи, по большей части, обменивали, у кого были, вещи, драгоценности на продукты. В целом, 80-85% евреев просто голодали.

- Как в этих условиях выходила из положения конкретно ваша семья? Вы все пятеро ведь тоже были на территории гетто.

- Что-то удавалось раздобыть моему отцу, когда выбирался в тыльную часть гетто, к которой примыкала сельская территория, там он выполнял какую-то работу за еду, ему иногда помогали бывшие товарищи по совместной работе в колхозе. Та часть гетто охранялась не так строго. Мама исхитрялась печь «картофляники», пирожки с горохом а я носил их продавать. При всём при этом мы входили в число тех 85%, о которых говорил выше, но оставались живы. Гетто в Могилёве просуществовало весь период оккупации, вплоть до 19 марта 1944 года.

- Ваша семья провела всё это время в гетто?

- Нет, в июне-июле 1942 года мы оказались в Печорском лагере «Мёртвая петля». Ночью была устроена очередная облава, вывели людей на центральную площадь гетто и всю толпу погнали к железнодорожному вокзалу. Всех погрузили на открытую платформу, там же расположилась охрана и повезли без остановок до станции Рахны. В Рахнах всех высадили и

погнали пешком в Печору. Построили в колонну, по бокам охранники. Шли достаточно долго, от Рахнов до Печоры километров 20-25. Было много стариков, инвалидов, с маленькими детьми. Довольно много людей до Печоры не дошло. Слабых, больных, не могущих идти в заданном темпе, просто пристреливали.

- На всём пути по железной дороге и пешком вас хоть как-то кормили?

- Нет, никто нас не кормил и не давал даже воды. Люди изнемогали от жары, от жажды, от голода. Кстати, и в лагере, о котором пойдёт речь, тоже никак не кормили. Всё питание узников состояло из продуктов, которые удавалось обменивать на вещи у местных жителей, которые подходили к забору лагеря. Повторяю, ни в пути следования к лагерю, ни в самом лагере людей никак не кормили, это был лагерь для уничтожения людей голодной смертью. Пока шли по дороге, терпели и надеялись, что когда дойдём до цели (мы ведь не знали, куда нас ведут), наступит облегчение, нас покормят и дадут кров, сумеем отдохнуть после изнурительного пешего перехода. Но когда перед нами открылись ворота и мы увидели бродивших по лагерю людей, мы пришли в ужас. И поняли, что попали в ад. Ко времени нашего прибытия в лагерь, там уже были люди из Тульчина и много бессарабских евреев. После того, как за нами закрылись ворота, никто нами не занимался, никого не распределяли по местам обитания, были предоставлены сами себе. Там было большое трёхэтажное здание с отдельными палатами, а ещё - бывшая пекарня и баня. Поскольку здания были уже заняты, мы разместились в одной из конюшен. По сути, это была открытая территория с крышей на столбах. Здесь можно было только спрятаться от дождя. Но, поскольку люди ежедневно умирали сотнями, можно было перемещаться. «Пожив» какое-то время в этих условиях, увидев, как люди уходят из жизни прямо на наших глазах, когда сами стали страдать от вшей, голода и холода, мы поняли, что не выживём и уже через месяц-полтора стали думать о побеге. К этому нас подтолкнула ещё и первая потеря в нашей семье. Как-то я с дедом бродил по лагерю, когда нам повстречались румынский жандарм и украинский полицаи. Они решили повеселиться, подошли к нам, схватили деда за бороду и срезали её. Это их

очень развеселило и они стали громко ржать и строить деду гримасы. После этого случая дед слёг, отказался есть, пить и умер, так и не поднявшись. После этого мы приняли окончательное решение: бежать.

Вряд ли сумею рассказать в подробностях, как именно был устроен побег, поскольку со мной, разумеется, это не обсуждалось. Мне кажется, что была достигнута какая-то договорённость с одним из местных полицаев. А может, взрослые прибегли к помощи «проводника». Так, или иначе, ночью мы, а вместе с нами ещё две семьи, выбрались из лагеря, успели пройти километров десять-пятнадцать, когда под утро нас поймали румынские жандармы. Привели в Шпиков, бросили в подвал, тщательно обыскали. У нас ничего не было, у кого-то из тех двух семей что-то нашли. Естественно, отобрали, изрядно поколотили и, как водилось тогда, «для профилактики», избили всех остальных. Продержали сутки и отправили обратно в Печору пешком. Образовалась колонна из 16-18 человек, которая под конвоем из румын и украинцев проделала обратный путь из Шпикова в Печору. При прохождении через печорские лагерные ворота нас не забыли поколотить палками по спине, как злостных преступников, посмевших совершить побег.

- Кстати, о воротах. Вы не помните, вас в первый раз как-то регистрировали, записывали, были какие-то списки узников?

- К сожалению, не могу определённо сказать. В Могилёве, перед отправкой в лагерь, что-то похожее на составление списков и регистрацию отъезжающих было, а вёлся ли учёт прибывших в лагерь, не знаю. Возможно, такие списки существуют и поныне, но мне об этом достоверно не известно. Итак, мы во второй раз прибыли в Печорский лагерь. Встретили нас, как я уже сказал, с распростёртыми... палками и плётками.

Затем последовал рассказ Полищука об известном читателю эпизоде с предполагавшимся массовым расстрелом и чудесном его отмене румынскими властями в пику немецким. Но рассказ Арона несколько отличается от остальных. Отличие заключается в том, что несколько машин с узниками немцы успели увезти в неизвестном направлении. В числе увезенных и пропавших оказались две двоюродные сестры Арона Полищука и его отец. Таким образом, в его семье стало одной жертвой больше.

Таким образом, мы остались без отца и я, мальчик, стал главным «кормильцем» семьи. Опасно, или не опасно, деваться некуда, я нашёл лазейку в заборе и стал выбираться из лагеря в поисках пищи. Для нас наступили тяжелейшие времена, мои вылазки только продлевали агонию, мы стали опухать, больше всех мать. Особенно чувствительным для неё оказалось исчезновение отца, мы отчётливо понимали, что его уже нет в живых. В конце концов, она не выдержала и скончалась. Все, кроме меня, умерли... Я остался один из всей нашей семьи. Был полон отчаяния и страха от абсолютной безнадёжности своего положения. Паника охватила меня, не знал совершенно, что делать, как быть, с кем посоветоваться. Таких же одиноких в лагере было немало. Был знаком с двумя такими же сиротами. После недолгих размышлений приняли решение вместе бежать.

Глубокой осенью 1942 года, в одну из ночей, мы втроём спустились по ступенькам к Бугу и благополучно перебрались на другой берег, охраняемый немцами. Под покровом ночи нас, к счастью, не заметили и мы пустились наутёк. По дороге произошёл случай, который мог закончиться трагически для нас всех троих. Через каких-нибудь двадцать километров нас обнаружил пьяный румын, заставил сп ститься в какой-то, не то окоп, не то яму, вскинул винтовку и вознамерился расстрелять нас. Мы испугались, заревели. На шум прибежала пожилая женщина, украинка, похоже, она его знала, стала кричать на него, потом просить, опять ругать, опять просить. Кончилось тем, что румын ушёл, а эта женщина, по существу, спасительница (ни имени, ни фамилии её не знаю), привела нас в свой дом и хорошо накормила. А кормила она такой едой, которую я до тех пор не ел и вкус той еды помню до сих пор. Это была печёная сахарная свекла и печёная тыква. Недолго мы побыли у этой доброй женщины и пустились дальше в путь. Добрались до села Деревчин. В Деревчине в то время существовала еврейская община, только не местных, а румынских и бессарабских евреев. Во главе общины была женщина. Я не сказал, что эти двое, вместе с которыми я бежал, были: один – бессарабский, другой – румынский, евреи. Они поговорили с этой женщиной, руководителем общины, после чего нас ночью посадили на подводку и отправили в Мурафу. В Мурафе мы пару дней побыли в доме у пожилой супружеской

пары, после чего нас разместили в синагоге. Я так думаю, что синагога стала приютом для таких вот беженцев, как мы. Правда, и в синагоге мы надолго не задержались. Позже выяснилось, что в Мурафе существовал приют для румынских и бессарабских сирот. Мои друзья по несчастью похлопотали за меня и мы втроем оказались в этом приюте. Это были две комнатухи, в одной из которых размещались мальчики, в другой – девочки. Всего, я думаю, нас было человек 80. Было ещё подобие кухни, в которой стояла плита, на ней готовилась еда. Жизнь в этом приюте была довольно скудная. Один раз в день давали кушать «жондру». *Это, уважаемый читатель, такой же «деликатес», как и упоминавшаяся «бандеривка»: размешанная в кипячёной воде кукурузная мука. Для меня пока загадка, почему два разных у названия одного и того же «блюда».* Однажды в этом приюте произошёл любопытный случай. Была уже суровая зима 1943 года. Было ужасно холодно, там не топились, на нас приличной тёплой одежды не было. Открывается дверь и в комнату вваливается здоровенный дядька в тулупе, валенках, шапке-ушанке и на украинском языке спрашивает: «Дітки, хто ви такі, що ви тут робите?». Все забились по углам, кроме меня, никто не понимает, о чём он спрашивает, знали только румынский и идиш, украинского не понимали. Пришлось мне выступить «парламентёром» и вступить с ним в диалог. Выяснилось, что он – староста какого-то соседнего села. Узнав, как мы тут питаемся, пообещал, что через несколько дней вернётся и привезёт много еды. С тем и ушёл. Когда я всё пересказал и ребята узнали, что здесь побывал староста, хотели меня чуть ли не побить. А через несколько дней к нашему домику подъехали сани и оттуда нам занесли... мешки с мукой, картошкой, фасолью, крупами и всякой другой снедью. Тогда я прослыл среди ребятни чуть ли не героем!

На Мурафском приюте мои похождения не закончились. Весной 1943 года, когда стало немного теплей, мы с моими закадычными друзьями бежали из приюта и подались в Шаргород. После Шаргорода нас опять поймали, на этот раз это были местные полицаи, и мы оказались в селе Троповая, Могилёвского района. В Троповой было нечто вроде пересыльного пункта. Там находились под охраной от двухсот до трёхсот евреев, большей частью, румынских и бессарабских. На

ночь мы расположились поближе к забору. А рядом с нами лежал буковинский еврей из Черновиц, который знал множество еврейских песен. Не только знал, но и умел и любил петь. Я в то время научился от него петь еврейские песни, которые до того момента совсем не знал. После войны я много лет пел их на сцене.

- Вы запомнили эти песни, могли бы прямо сейчас спеть?

- Конечно, могу. *Арон спел только одну песню. Прекрасный «бархатистый» баритон. Вместе с моим старинным другом, земляком Геннадием Аксельродом мы попытались перевести текст этой песни с идиш на русский. Вот что из этой затеи получилось*

Евреи, прочь сойдите с тротуара
Гулять здесь могут только господа
Уснул я на скамеечке бульвара
Голодный и холодный, как всегда.

Недолго длился мой тревожный сон
От палки я проснулся полицейской
Он «дерзостью» моей встревожен и взбешён:
Как я посмел ложиться на скамейку?!

Пошёл, куда глаза глядят, но не ропщу.
«Хороший» полицейай. Спасибо, не угробил
Слова молитвы Господу шепчу
Нет никого сейчас роднее Бога.

Звучит моя молитва, словно песня
Мелодией старинного танго
Обычные слова, давно известны
И нету нового здесь ничего.

Пошли мне, Господи, побольше света
И озари мой долгий тяжкий путь
Останови тот злой, холодный ветер
И слёзы высушить мои не позабудь.

Пока мы слушали песни в исполнении черновицкого еврея, не обратили внимания на подошедшего к нам полицая. Когда пение закончилось, он спросил, не можем ли мы исполнить песню на украинском или русском языке. Я ему спел. Полицай расчувствовался и велел нам быть в определённом месте на

следующий день, пообещал отвезти в Могилёв-Подольский. Своё обещание он выполнил, довёз до Озаринецкой горы, после чего высадил нас и посоветовал уже самостоятельно пробираться к своим в городе, двигаться дальше всем вместе рискованно. Добавлю, что фамилия того полица был Горовой. Мы последовали его совету и в районе автовокзала вошли в город. В конечном итоге, мы оказались в Могилёвском гетто. Я там встретил много знакомых, мы, конечно, взаимно обрадовались встрече. Радовались недолго, суровая правда жизни в гетто не давала повод веселиться. Надо было думать о том, как теперь здесь выживать. В этот момент мне, можно сказать, повезло. На нашей же улице, в условиях гетто, жил некий хозяин, в каком-то смысле предприниматель (было, оказывается, и такое). У него были свои ледники и ему понадобился помощник. Выбор пал на меня. В мои обязанности входило рано утром наколоть лёд и затем развезти его по местам, где необходим лёд: кондитерские, колбасные цеха и т.п. Днём я управлялся на кухне, готовил еду для него и его родне. Это был, как сказали бы сейчас, семейный бизнес. Они изготавливали из древесины, так называемую, дранку, которую успешно продавали сельским жителям. Если позволяло время, я и здесь был им помощником. Я был загружен работой постоянно, работать приходилось тяжело, от зари до зари. Но, вместе с тем, я был доволен, потому, что ушло чувство постоянного голода, которое испытывал прежде. Кормили меня очень хорошо, постепенно и моё тело пришло в норму. Мне даже удавалось кое-что приносить моим друзьям по несчастью, с которыми вместе бежали, я постоянно поддерживал с ними связь. К большому сожалению, я запомнил имя только одного из них, его звали Герман. Сложное румынское имя второго забыл и никак не могу вспомнить.

- Как сложилась их дальнейшая судьба?

- Тот, чьё имя я забыл, был из довольно зажиточной семьи, воспитывался и рос в благополучных условиях. Может быть, поэтому очень болезненно реагировал на все невзгоды, выпавшие на его долю. После освобождения Могилёва ходили слухи, что многих румынских евреев, и моего друга в том числе, увозили не то в Палестину, не то в Америку. Позже я узнал, что корабль, на котором находился мой товарищ, затонул. А Германа

постигла тоже трагическая участь, он погиб. Подробностей не знаю.

Тем временем в моей, полной событий жизни, произошёл новый поворот. При всей хорошей кормёжке у моего хозяина, всё остальное было не таким лучезарным. У хозяина были свои странности. При всём том, что я страшно уставал в течение рабочего дня, он мог разбудить меня среди ночи, усаживать к себе на колени, рядом поставить бутылку с самогоном и пить стаканами. При этом начинал плакаться и наливать стакан и для меня. Пить я не мог, он страшно сердился. Вот эти его клоунады в сочетании с постоянными издевательствами и принуждением к непосильной работе вынудили меня оставить его и пойти в услужение румынской супружеской паре, которая занималась распиливанием дров на мелкие чурки и их реализацию. Я им настолько пришёлся по душе, что они стали меня опекать и относиться, как к собственному сыну. В конце 1943 года румынские власти стали забирать своих соплеменников из гетто. Дошла очередь и до моих новых хозяев – опекунов. Они предложили мне уехать вместе с ними. Однако, при регистрации выездных документов обнаружилось, что я не являюсь членом их семьи, они уехали, а я опять остался один. *Последующий рассказ Арона изобилует примерами его мытарств до и после освобождения Могилёв-Подольского. Оставшись совсем один, он изо всех своих мальчишеских силёнок боролся с нуждой, чего только не делал, работал у кондитера, в солдатской пекарне, пас лошадей, таскал хворост из леса и т.д и т.п. Небольшое облегчение наступило, когда оказался в приюте для сирот, затем в детдоме. Сколько же всего выпало на долю этого человека! По ходу его интервью мне невольно пришла в голову мысль: ведь вся его жизнь в период оккупации, всё его безрадостное детство – это готовый сценарий фильма о Холокосте. Таких сценариев в моей короткой истории интервьюера было немало...*

ЕФИМ ПОЛИТМАН

...Июнь 1941 года был очень тёплым. Я очень любил плавать, мы с ребятами купались здесь, в Днестре. С нашего берега хорошо видно было противоположный берег села Атаки. Вдруг смотрим, со стороны Атак летят самолёты. Нам было очень интересно, до той поры мы «живых» самолётов не видели. Возле Атакской горы что-то из самолётов стало падать, вслед за этим слышались взрывы, мы даже не поняли, что происходит. А около бани были установлены четыре зенитки, откуда-то появился пулемётчик и стал стрелять из этих зениток по самолётам. Мы, испугавшись, разбежались по домам. Дома я спросил у бабушки, что всё это значит: самолёты, сбрасывавшие бомбы, стрельба из зенитного пулемёта. Бабушка мне ответил: «Это, мой мальчик, - война». Так это слово вошло в мой лексикон.

Моя мама была членом коммунистической партии. Видимо, из компетентных партийных органов она, да и другие члены партии, знали, что немцы в Европе очень плохо относятся к евреям. Здесь особого секрета не было, всем евреям это стало известно. Немедленно возник вопрос об эвакуации. С нами, кроме мамы и меня, жила мамина тётя, её звали Бэйла. Она решила не эвакуироваться, а уйти в село Мервенцы, откуда родом мамина родня. А мы с мамой, бабушкой и бабушкой, собрав кое-какие пожитки, отправились в село Боровка, что в сорока километрах от Могилёва. В том селе мамина сестра предложила двигаться дальше вместе, добраться до железнодорожной узловой станции Вапнярка, а оттуда железной дорогой направиться вглубь России. Сейчас я понимаю, что это было вполне разумное предложение. Однако, моя мама имела неосторожность с кем-то поделиться о своём членстве в коммунистической партии. К ней заявились какие-то советские офицеры и упростили её восстановить существующую, но не работавшую боровскую пекарню. Это было, так сказать, её партийное поручение. Мама, как настоящая коммунистка, не посмела возразить, всё организовала, привезла из районного центра Черневцы трёх профессиональных пекарей, солдаты стали доставлять муку и пекарня заработала. Пекарня эта обеспечивала в течение нескольких недель поставки так

нужного для фронта хлеба. Однако, когда немцы стали стремительно приближаться к Боровке, офицер, кажется, это был капитан, искренне поблагодарил маму, пекарня прекратила своё существование, а нашей семье пообещал способствовать эвакуации. В какой-то мере, обещание своё выполнил, предоставив нам телегу и пару лошадей. Загрузили на эту телегу вещи не только мы, но и соседи так, что лошади едва тащили эту телегу. Двинулись в сторону Томашполя, что в двадцати километрах от Боровки, там переночевали, а наутро... в Томашполь вошли немцы. Выйдя во двор, я впервые увидел немцев. Вот как их показывают в фильмах, такими я их и увидел. На мотоциклах, в касках, в форменках с закатанными рукавами, с автоматами, с пулемётами, установленными на мотоциклах. Это были передовые немецкие части. Ни в какое сравнение не шли с нашими отступающими войсками. То было, вообще, страшное зрелище: измученные, оборванные, многие без обуви, кто с винтовкой, а кто вовсе без оружия... Пеших немцев я не помню. Либо на мотоциклах, либо на машинах, либо на велосипедах. Вслед за первыми немцами пришли вторые, третьи, затем пришли румыны. Мы побыли несколько дней у чужих людей и старшие решили возвращаться в Боровку. По дороге, у села Антоновка, нас остановили румынские солдаты, все вещи побросали на землю, телегу с лошадьми забрали. Нам пришлось из вещей взять самое необходимое, что можно было нести в руках и с этим пришли в Боровку. Оставшиеся вещи забрали местные крестьяне. В Боровке, к счастью, оказались порядочные соседи, дом не был разграблен и мы стали там жить. Мы – это мама, бабушка, дедушка и я.

В Боровке в то время немецкая комендатура состояла всего из четырёх человек. Надо сказать, что по отношению к нам, евреям, немцы вели себя достаточно лояльно. Когда в Боровке появлялись проходящие румынские войска, они позволяли себе грабежи, мародёрство, причём, грабили как евреев, так и украинцев. Немцы же эти действия румын всячески пресекали, не позволяли им своевольничать. *Эти откровения Ефима, признаюсь, были для меня полной неожиданностью. Какие «порядочные» немцы!* Взрослые даже стали поговаривать между собой, что, мол, не зря ли ушли из Могилёва, видя, что немцы не только не делают зла евреям, а, наоборот, защищают от румын.

Но вскоре немцев сменила румынская жандармерия. Как я узнал позже, территория от Буга до Днестра была передана под юрисдикцию Румынии. Условия жизни в Боровке были тяжёлые. Главным образом, из-за отсутствия еды. Надо отдать должное местным крестьянам, они нас поддерживали хоть каким-то питанием. Однако, в целом, в Боровке жили очень плохие люди, в дальнейшем я расскажу, почему я пришёл к такому выводу. Однажды, под вечер, я увидел, как к сельсовету подъехали машины, из которых вышли немцы в какой-то необычной форме: в чёрных коротких курточках, на головах – пилотки с черепом и двумя костями. Один из них обратил на меня внимание, поднял камень и швырнул в меня. Я, конечно, увернулся, а немец от досады крикнул: «Der verfluchte Jude» (проклятый еврей). А я побежал домой, весь в слезах от обиды. Раздосадованный, я всё рассказал дедушке и стал просить, чтоб мы все возвратились в Могилёв. Дедушка серьёзно отнёсся к моему рассказу и сказал, что на следующий день мы с мамой возвратимся в Могилёв, а они с бабушкой пойдут позже, чтоб не вызывать подозрений. На следующий день мы с мамой и ещё несколько человек ушли в Черневцы. И в тот же день прибежала женщина из Боровки и сообщила страшную весть: вот эти прибывшие эсэсовцы вместе с местными полициями согнали всех евреев к котловану возле больницы и расстреляли всех евреев, в том числе моего дедушку Ицика и бабушку Гитл Коган. Не могу сказать, сколько там было убито евреев, знаю, что много. Благодаря усилиям общества бывших узников, особенно, его руководителю, Абраму Давыдовичу Каплану, на месте массового расстрела евреев Боровки воздвигнут памятник. Как потом выяснилось, прежде, чем устроить погром в Боровке, эти эсэсовцы побывали в Черневцах, где успели утопить несколько евреев в реке Мурафе. Просто сбросили с моста.

В Черневцах мы пробыли недолго, после чего пошли с мамой пешком в Могилёв. Дом, где мы раньше жили, был уже занят другими евреями, выяснять с ними отношения мы не стали, да нам бы ничего не помогло, мы нашли другую свободную комнатку и стали там жить. Мама, памятуя свою партийность, боялась показаться где-либо и вся забота о хлебе насущном легла полностью на мои детские плечи. Как же я

добывал еду? К тому времени в Могилёве уже было организовано гетто. Евреев со всего города согнали за ограждённую забором территорию, а освобождённые дома и квартиры пустовали. Этим обстоятельством я и воспользовался. Со своими двумя товарищами, Давидом Маном и Гришей Крупником мы перемахивали через забор гетто, забирались в брошенные еврейские дома и срывали с крыш жёсть. По ночам затаскивали эту жёсть в гетто и продавали её жестянщикам, а те делали из неё печки-буржуйки. Эти печки служили как для обогрева, так и для приготовления пищи. *От себя добавлю, что в нашей квартире, в которой жили с мамой после войны, ещё долго была такая «буржуйка», я это хорошо помню.* Кроме жести, мы ещё промышляли деревянными деталями тех же пустующих домов: в ход шли доски, балки, дыли и т.п. Приведу такой эпизод. Во главе румынской жандармерии был весьма представительный офицер по фамилии Барбулеску. Импозантный, очень напыщенный, элегантный, постоянно ходил со стеклом. И был у него дом (дом – господин, рум.) Нудан, невзрачный низкорослый помощник. Но это был страшный тип, зверь, не человек. Постоянно носил с собой необычную плётку. Плётка была сделана из той части автомобильной шины, которая содержала внутри корд, стальную арматуру. И, как только ему попадался на глаза еврей, он тут же применял это своё любимое оружие, прогуливался по спине, ногам, рукам. И вот, однажды, после очередного «набега», мы с Гришей несём балочку на плечах, Гриша впереди, я – сзади, а навстречу нам... дом Нудан рядом с каким-то румынским евреем. Гриша - мне: бросаем и бежим. Я – Грише: иди прямо на него. И свершилось чудо! Нудан обратился к своему собеседнику-еврею: «Скажи им, что за проявленную смелость я их прощаю. Пусть идут дальше со своей балкой». *Удивительная память у этого человека. Он по ходу интервью рассказал ещё немало историй и приключений из своего безрадостного детства с множеством подробностей и деталей. Был случай, когда на его глазах немецкий солдат в упор застрелил мальчика из семьи румынских евреев, прибывших в Могилёв не по своей воле. В другом случае он чудом спасся от охотившемся за ним румынского жандарма...* А ещё я повадился ходить в немецкий госпиталь, устроенный в Могилёве. Однажды я с товарищем забрёл туда случайно и нас увидел некий

фельдфебель, как выяснилось позже, неплохой человек. Спросил по-немецки, не хотим ли поработать здесь. А мы в ответ: кушать дадите – будем работать. Так мы и стали подрабатывать в этом госпитале: мыли полы, выносили мусор, помогали по хозяйству, на кухне. Там было полно раненых и больных немецких солдат, мы там всякого насмотрелись. А кормили нас совсем даже неплохо. Мне даже удавалось что-то из еды приносить домой. Так приспособивались и так выживали. Что же касается румынских евреев, то им было чуть полегче, чем нам, местным евреям. Возможно, считалось, что они пострадали уже одним фактом депортации из своей родины. Может, потому, что владели одним языком с оккупантами, и им легче было договориться. Некоторые считали, что они сохранили деньги и ценные вещи. Может, всё вместе. Так, или иначе, румынские евреи чувствовали себя немного свободнее, чем мы. Привыкшие к свободному предпринимательству, они привнесли в наш быт часть своего уклада жизни. Как-то они умудрялись в тех условиях организовать столовые, закусовые, минипекарни. В столовых можно было покушать похлёбку. На базарчик выносили малай (кукурузный пирог), маленькие хлебцы и т.п. А я, заработав на жести и досках, позволял себе всем этим «лакомиться», да ещё и домой приносить. Румынские евреи организовали даже культурный досуг. Вместо бывшей прачечной организовали клуб со своим самодеятельным оркестром. Не помню, были их концерты платные или нет, я всегда стоял снаружи у окна, смотрел и слушал, некоторые мелодии помню до сих пор.

Был у меня ещё один оригинальный источник дохода в то время. Многих евреев принудительно брали на строительство железнодорожного моста. Были такие, которые в силу своего возраста или по состоянию здоровья не могли ходить на эту изнурительную работу. Таким позволялось вместо себя направлять другого человека, который назывался по-немецки «Fartreiter», естественно, за вознаграждение в десять марок и буханку хлеба. И я часто выходил на работу в качестве того самого «фартрейтера». Эти мои «гастроли» продолжались до тех пор, пока я, уже в который раз, не оказался на грани гибели. А дело было так. Когда посреди реки уже была воздвигнута главная опора, как её ещё называют, «бык», и сооружён первый

пролёт моста, я увидел на «быке» валявшуюся там чурочку. По привычке, решил прихватить её и унести домой для растопки. Пошёл по пролёту к этому самому «быку», только приготовился положить чурочку в свой мешочек, как меня схватил за шиворот немец и с пресловутым «Der verfluchte Jude» попытался сбросить меня вниз. А под нами были остатки предыдущего моста, взорванного отступающими советскими войсками. Если б ему удалось меня сбросить, я бы погиб. Но я умудрился обхватить руками его ногу и всеми силёнками не выпускать её из рук. Он размахивал ногой над пропастью, а я висел на ней. В этот момент я услышал возглас другого немца: «Was machst du?» (что ты делаешь?) и понял, что пришло моё спасение. С тех пор я на строительстве моста больше не появлялся.

Ближе к лету 1942 года в городе появилось объявление о том, что всем могилёвским евреям (румынских и бессарабских не касалось) следует собрать необходимые в дорогу вещи и прибыть в село Серебряя, что в семи-восьми километрах от Могилёва. За неповиновение – расстрел. В это время у нас была мамина тётя, я её называл бабушкой. И вот мы втроём, как и все, как овцы, пошли в сторону Серебрии. Отойдя от Могилёва километра три, на железнодорожном полотне, мы увидели ожидавшие нас вагоны-теплушки. Посадили нас в эти теплушки и повезли в неизвестном для нас направлении. В теплушках всё закрыто, жара, народу полно, дышать нечем. Едем без остановок, двери заперты, каждый оправляется там, где стоит, вонь, смрад. Та ещё поездка!

- Сколько, по-вашему, народу было в теплушке и много ли было теплушек?

- Сколько, не скажу, но было битком набито народу. А теплушек тоже много было, это был целый состав. Везли целый день. Высадили всех на станции Рахны уже поздно вечером. В Рахнах переночевали, утром появились подводы с лошадьми, на них посадили людей, погрузили вещи и повезли в Печору. Подвезли к воротам бывшего военного туберкулёзного санатория, возле ворот, помню, с правой стороны стоял столик, около него стоял полицейский и записывал всех, кто проходил через ворота. А внутри лагеря, по другую сторону ворот, нас встречали румынские жандармы, украинские полицейские и... тульчинские евреи. Это были не люди, это были скелеты, я это видел своими

глазами, я и сейчас их вижу перед собой. Не представляю, как они держались на ногах. Зашли мы с мамой и бабушкой на территорию лагеря и увидели прямо перед собой красивое трёхэтажное здание и хотели поселиться в нём. Но оно было занято тульчинскими. Там были ещё сооружения, гараж и конюшня. Мы поселились в гараже. Попутно добавлю, что, как потом выяснилось, у нас условия были гораздо лучше, чем у тех могилёвских, которые оказались в конюшне. Она была без окон, дверей, продувалась всеми ветрами, заливалась дождями, остужалась морозами и т.д. Нам там раз в день давали какую-то похлёбку и по кусочку хлеба. С нами, могилёвскими, в лагере оказался некий Иосиф Табачник. Говорили, что именно он организовал там пекарню и выпекал хлеб. Не знаю точно, где он брал муку, возможно, собирали у кого оставались какие-то ценности, их обменивали на муку. Администрация лагеря состояла из румынских жандармов и украинских полицаев. В заборе, что вокруг лагеря, со временем образовались лазы, проёмы, люди проникали сквозь забор и обменивали вещи или просто выпрашивали у местных селян продукты питания. Помню, и моя мама частенько пользовалась таким приёмом. Для сомневающихся в искренности моего рассказа о пребывании в Печорском лагере добавлю такую деталь. Известно, что лагерь размещался на территории бывшего имения графа Потоцкого. А на территории лагеря оставался склеп, в котором захоронен граф. Однажды я, двенадцатилетний пацан, переборов страх, с замиранием сердца, вошёл в этот склеп. Там было одновременно и страшно и красиво. Изнутри склеп был отделан кафелем. Запомнился очень красивый гроб.

Позади, как бы с тыльной стороны лагеря, протекала река Южный Буг. К нему вёл крутой спуск. Среди многочисленных полицаев, прислуживавших румынским жандармам, мне запомнились имена двоих. Один из них – изверг по фамилии Сметанский, второй – не такой уж агрессивный по имени Лёня, фамилии не помню. Сметанский – бандит из бандитов, ему лучше было на глаза не попадаться. Я был свидетелем тому, как Сметанский выстрелил в голову одного узника, который забрался на каменный забор, чтобы взять какую-то еду из рук передававшего из-за забора. Я до сих пор помню мозги на земле от разрывной пули Сметанского. Однажды мама отправила

меня с чайником к Бугу набрать воды, это был единственный источник, водопровода в лагере не было. По дороге к реке я увидел, как два украинских мальчика перелезли через забор на территорию лагеря с топором. Их целью было - срубить деревцо и сделать из него черенок для лопаты. Я подумал про себя, что на обратном пути подберу оставшиеся ветки для растопки костерка (мы иногда что-то варили на открытом огне). Так я и сделал. Только взял в охапку несколько веток, откуда ни возьмись – Сметанский!

- Ах ты, жидовская морда. Это ты срубил дерево. Сейчас ты у меня получишь.

- Дядя Сметанский, как я мог срубить, у меня и топора-то нет.

- Нет, это твоя работа.

Схватил лежавшее полено и только замахнулся, чтобы ударить меня, как послышался окрик женщины, назвавшей его по имени с просьбой остановиться. Это была его, как бы деликатнее выразиться, подруга. Я её не осуждаю, каждый выживал, как может. По крайней мере, меня спасла от побоев, или чего-то более серьезного: от этого злодея можно было ожидать всего, чего угодно.

- Как выглядел Сметанский. Опишите его, если помните.

- В деталях уже не помню. Невысокий, не очень полный, по возрасту должен был служить в армии. После этого эпизода я долго плакал, просил маму бежать из этого ада. Мы уже знали, что убегали многие. Был такой могилевчанин, Аврум Финкельштейн, добрая душа, приобрёл опыт, отработал маршрут Печора – Могилёв, вывел из лагеря немало людей. Он сейчас живёт в Израиле, дай ему Бог здоровья и пусть ему там будет хорошо. Может, ему что-то давали за такую рискованную услугу, не знаю, но он многих буквально спас. И вот он мне подробнейшим образом рассказал весь маршрут от Печоры до Могилёва и я в дальнейшем воспользовался его наукой. После моих слёз мама договорилась с упоминавшимся полицаем Лёней, возможно, что-то ему заплатила, не знаю, но он пообещал, что во время его дежурства он нас выпустит. В одну из ночей он таки выпустил нас через проём в заборе. Таким образом, в Печорском лагере мы пробыли всего два месяца, которые показались нам вечностью. Наученный Финкельштейном, я стал проводником,

привёл всех троих к железнодорожному полотну возле станции Рахны, повернули вдоль подъездных путей в сторону сахарного завода. Таким нехитрым способом мы обошли село Рахны и пошли дальше по маршруту. В это время нас догнала подвода, на которой восседал местный житель и велел сесть на подводу. У них выработался такой «бизнес»: отлавливали беглецов из Печорского лагеря и, под угрозой возвращения, требовали мзду. А возврат в лагерь, действительно, был чреват тяжёлыми последствиями, вплоть до убийства. Сильно испугавшись, я стал плакать и просить нас не трогать. На счастье, у мамы было несколько заранее приготовленных упаковок румынского табака. Этот подарок пришёлся этому украинцу по душе и он нас милостиво отпустил. После этого мы добрались до села Стрельники, где и переспали у одной сердобольной хозяйки. За следующий день мы добрались до Мурафы. Надо сказать, что очень мужественно в этих переходах вела себя бабушка, она хромала, ей было ужасно тяжело, но она упорно шла вместе с нами, стараясь не быть для нас обузой. В Мурафе жило довольно много евреев, туда и до нас добралось немало беженцев из лагеря, местные жители относились вполне лояльно. К тому же, мама обнаружила в Мурафе свою давнюю подругу, где мы и поселились. Пробыли в Мурафе недолго и решили возвращаться в свой Могилёв-Подольский. Наш путь лежал через город Шаргород. Мои предки по отцовской линии – выходцы из Шаргорода. Естественно, мы нашли там родственницу по имени Сура, остановились у неё, недолго пробыли и двинулись дальше на Могилёв. От Шаргорода до Могилёва мы уже не шли пешком, нас перевёз добрый человек по фамилии Шифоренко. Его уже нет в живых, пусть земля ему будет пухом. Не нас одних, а многих евреев он по своей доброй воле перевозил из Шаргорода в Могилёв. В Могилёве наша квартира была занята, мы нашли другую скромненькую комнату. Это было в начале осени 1942 года.

- Какая в то время власть была в Могилёве?

- Тогда в городе было многовластие, если так можно выразиться. Было гетто. В гетто была еврейская полиция из местных евреев, была полиция из прибывших румынских евреев, была украинская полиция. А над всеми властвовала румынская жандармерия. В функцию еврейской общины во

главе с полицией был, главным образом, сбор денег и ценностей на то, чтобы ублажить верховную власть в городе. Но и в отношении остальных евреев они вели себя недостойно: гнали на самые тяжёлые работы, иногда били, лично мне не раз доставалось от своих соплеменников плётками. Допускаю, что они, возможно, кого-то и спасали за деньги, врать не буду, достоверно не знаю. Знаю только, что меня не спасали, я многого от них натерпелся. Нам пришлось менять квартиры, в последний раз мы жили в квартале вместе с румынскими евреями. Вместе с нами жил некий Эзра. Как-то по городу поползли слухи, что готовится новая высылка евреев уже в другой лагерь, Ананьев под Одессой. И опять появилось объявление, что евреи должны собраться там-то, взять с собой то-то и т.д. Я взмолился, сказал маме, что никуда больше не пойду. В этот момент нам на помощь пришёл Эзра. Велел спрятаться и никуда не идти. С помощью Эзры я соорудил «прич», это нечто, похожее на нары, под него забрались мама с бабушкой, а я разместился на заборе, ограничивающим гетто. Если обнаружат и уведут маму с бабушкой, то спрыгну на сторону гетто и присоединюсь к ним, решил я. Здесь-то и обнаружили меня два румынских вооружённых карабинами жандарма и еврей-полицай из румынских. Он первым увидел меня, о чём доложил жандармам: «Жидан могилевчан». Жандарм ко мне по-румынски: «Слезай!». Я слез, но... по другую сторону забора и пустился наутёк. Оглядываюсь, жандарм бежит за мной. Прибавил и на ходу пытаюсь сообразить: куда бежать? Бегу к тому самому немецкому госпиталю, где когда-то работал. Госпиталь располагался в бывшем доме офицеров. Это было громадное здание с тремя актовыми залами, спортзалом и т.п. Забегаю в госпиталь с тыльной стороны и, на моё счастье, вижу того самого доброго немецкого фельдфебеля. «Was vorkam?» (что случилось?), спрашивает он меня. Как могу, объясняю ему, что за мной гонится жандарм. «Ныряй сюда», показывает мне щель. Я заскочил и подсматриваю из-за щели, что дальше будет. Залетает запыхавшийся румын, карабин наизготовке, что-то орёт на фельдфебеля. Тот достаёт огромный парабеллум и направляет на румына. Я весь дрожу, наблюдаю за этой сценой: что-то будет! Румын опешил, опустил карабин, стал пятиться, а фельдфебель, воспользовавшись замешательством, развернул

свой парабеллум и ударил рукояткой румьина по голове. Тот не упал, но быстро ретировался. Немец ко мне: «Вылезай». Велел до вечера не высовываться, отправил на кухню, где я вдоволь наелся, а вечером вернулся домой. Мама с бабушкой на месте. Рассказывают, что Эзра поклялся перед полицаями и жандармами, что их уже увели раньше. Таким образом, мы все не были отправлены в Ананьев.

В дальнейшем я продолжил заниматься тем же промыслом, что и до Печоры, мама немного осмелела, стала что-то шить и продавать на еврейской толкучке, так и выживали. Последующая жизнь до самого освобождения в 1944 году была рутинной, если не считать периодические побои от всех, кому не лень: и жандармы, и полицаи испытывали меня на выносливость. Всё я вынес, и, как видите, остался жив. В лагерь нас больше не отправляли, оставалось только бороться за выживание здесь, в Могилёве. Было и голодно, и холодно, но было всё же легче, чем в том ужасном Печорском концлагере. Да, чуть не забыл. Был ещё интересный эпизод, связанный с нашим выживанием. Это было уже тогда, когда немцы отступали. На территории еврейского базара были какие-то нежилые помещения, похожие на склады, на которых всегда висели огромные замки. Как вы могли заметить, я был шустрым, любознательным пронырой, всё меня интересовало, мимо ничего не проходил. Однажды заметил, как румыны и немцы сбивают замки с дверей этих помещений. Чтобы было понятно, сразу скажу, что это были склады с гуманитарной помощью то ли от Красного Креста, то ли от международных еврейских организаций. Так, или иначе, когда замки были сбиты и вояки бросились внутрь, я приблизился и увидел там полно продуктов и одежды. Пренебрегая опасностью, я вместе с ними заскочил в склад, стал хватать всё подряд. Напялил на себя несколько кофточек, какие-то дамские трусики, брюки, схватил кастрюли, чайники и пустился наутёк. Получил по дороге несколько подзатыльников, но принёс всё это домой. Потом прибежал туда же во второй раз, одежды уже не было, схватил мешок фасоли, понял, что не донесу, высыпал половину, остальное принёс домой. Прибежал туда в третий раз, уже и фасоли не было. Увидел стекло, взял, сколько мог донести и тоже принёс домой. Потом это стекло ещё долго нас выручало после освобождения.

В завершение рассказа о военном периоде, хочу поделиться воспоминаниями о бегстве румынской и немецкой армии через Могилёв-Подольский. Это было то ещё зрелище! Румыны оставались верны себе и, несмотря на бегство, успевали заскакивать в дома и грабить. Хватали всё, что попадётся под руку. Через Днестр существовало два моста: железнодорожный и пешеходный. Для пропуска танков и другого транспорта на рельсы были положены доски. А солдаты перемещались по пешеходному мосту. Поскольку Красная Армия стремительно наступала, румынские и немецкие войска стремились как можно раньше перебраться через мост. Возникли конфликты, переходившие в открытое сражение между ними со стрельбой и схватки врукопашную. А через несколько дней по мощному радио на немецком языке было объявлено, что через несколько минут оба моста будут взорваны, видимо, чтобы советские войска не могли их настичь. Так и произошло. Оба моста были взорваны вместе с находящимися на них людьми и техникой. Всё рухнуло, некоторые пустились вплавь, но большинство там погибло и утонуло. Мы всё это видели. В связи со всей этой суматохой мы с мамой спрятались у наших украинских знакомых в Борщовом Яру. Это был март 1944 года. Там-то мы и увидели, как в Могилёв вошли советские войска. Это были молодые ребята, на лошадях, в фуфайках, с автоматами ППШ. Мы поняли, что можно возвращаться в Могилёв. В городе к тому времени уже немцев и румын не было...

ЕВГЕНИЯ СПЕКТОР

- Вы говорили о том, что ваш дедушка был в плену у немцев в Первую Мировую Войну. Пожалуйста, продолжите ваш рассказ.

- Помню день, когда сообщили, что началась война. Мы играли на улице, когда кто-то из взрослых скомандовал разбежаться всем по домам. Мы не поняли, в чём дело, а дома я увидела взрослых, которые внимательно прислушивались к висевшему на стене радио в виде чёрной тарелки. Дедушка тут же сказал, что, если началась война, немцы очень скоро будут здесь и надо немедленно бежать. Так он и поступил. На лошадях, затем поездами, добрался до своего сына-строителя, у которого была бронь, и вместе с ним попал вглубь России, в Сибирь. Там они и провели все годы войны и остались живы. Моего отца вскоре после начала войны забрали на фронт. Очень хорошо помню этот момент. Пришли к нам прощаться с отцом соседи, друзья. Все с ним обнимаются, целуются, говорят какие-то слова, а я забила в угол и помалкиваю. Отец обратил на меня внимание: «А ты почему не прощаешься со мной?». Я потянулась к нему на руки: «Папочка дорогой, иди, разбей всех немцев и через два дня возвращайся домой». Недалеко от Брацлава была станция узкоколейной железной дороги, называлась Каролина. Оттуда мой папа вместе с остальными ушёл на фронт. А ещё через недели две-три пришли немецкие войска. Люди искали, где бы спрятаться. У нас около дома был большой подвал. Я помню, к нам приходили соседи и прятались вместе с нами в подвале. Надо было такому случиться, что именно в это время моей беременной маме подошло время рожать! Родился мальчик и это был пятый ребёнок в нашей семье. Кроме меня, ещё была младшая сестра и два брата, которые жили в Днепропетровске. Несмотря на происходившее вокруг, пригласили раввина Мойшу Рабиновича и его постоянную помощницу, известную в Брацлаве акушерку Геню, чтобы совершить традиционный еврейский обряд обрезания. Помню всю процедуру в мельчайших подробностях, закончились все приготовления и только хотел Рабинович приступить к самому процессу, как в дом ворвались эсэсовцы, их можно было отличить по форме одежды. Мы все растерялись от такой

неожиданности, но эсэсовцы предложили продолжить обряд, даже приблизились, чтобы понаблюдать за происходящим. К счастью, всё завершилось благополучно. Больше того, в течение следующих нескольких дней нас немцы не навещали и не трогали. Однако, славную акушерку Геню немцы впоследствии убили и её тело терзали овчарки и тащили по улицам города. Такая же участь постигла многих. Запомнилась пожилая бездетная чета Коперник. Они ещё говорили, что немцы – цивилизованная нация, не станут издеваться над евреями. Их обоих расстреляли...

Эти события происходили ещё до создания в Брацлаве гетто. В августе, а, может, в сентябре немцы организовали в городе гетто. В центре города были полностью разрушены дома в поисках несуществующего золота. Всё это происходило с подачи местных украинских доброхотов, которые указывали, где, в каких домах, могло храниться золото. Гетто охватывало довольно большую территорию. Уж не знаю, почему и как, но в городе появилось очень много неместных евреев: из Черкасс, из Умани, из Черновиц, из Румынии, из Польши. По сути, в Брацлаве, был создан лагерь для евреев. Под лагерь использовались не только дома, но и местная семилетняя школа, автодорожный техникум, машинно-тракторная станция.

- Как вы оцениваете, сколько было приезжих евреев и как они отличались от местных?

- Их было очень много, мне, как ребёнку, трудно оценивать, думаю, их были сотни, а, возможно, и пару тысяч. Польские и румынские евреи, действительно, во многом отличались от наших евреев. Даже внешним видом, манерой одеваться, поведением. Их сразу можно было отличить от нас. В особенности, это было заметно по соблюдению религиозных обычаев и обрядов. Частые омовения рук, постоянные молитвы, по мере возможности, соблюдение кашрута – всё это для наших советских евреев было необычно и странно. Среди них было много молодёжи. Кроме своего родного языка, румынского или польского, владели идиш, а многие свободно говорили на английском и французском языках. Фактически гетто просуществовало недолго. Уже в декабре стали, сначала выборочно, а затем, поголовно, угонять в Печору. До этого момента Евгения долго и подробно рассказывала о злоключениях

её отца, оказавшегося в плену у немцев, бежавшего из плена, вновь оказавшегося в руках у немцев, о страшных избиениях, унижениях. О том, что одна украинка, принявшая его за украинца, помогла ему с одеждой, а взамен потребовала, чтобы отец перекрестился и поклялся... уничтожать всех евреев, которые окажутся на его пути. А отец сослался на больную правую руку и не стал креститься. Так, или иначе, отец больше на фронт не попал, а остался с семьёй в оккупации и перенёс все страдания семьи.

В конце концов, подошла наша очередь быть угнанными в Печору. Мы были, наверное, самыми последними, или одними из последних. Нас было от тридцати до пятидесяти человек, точнее не могу вспомнить. Шли пешком, частично на повозках, в сопровождении немецких автоматчиков. К вечеру, едва живые, добрались до Печоры. Вначале хотели поселиться на каком-нибудь этаже трёхэтажного главного корпуса. Но какой-то мужчина сказал, что, если поселимся на этаже, то живыми не останемся. Прислушались к его совету и остались в полуподвале с левой стороны корпуса. Условия там были ужасные. Все располагались на цементном полу. У кого было что подстелить, тем было лучше, у нас же ничего с собой не было. Немного нам помогали крестьяне из близлежащих сёл: Бортники, Вышковцы, Поланка. Эта помощь, конечно, была мизерная, менять на еду нам было нечего и мы с самого начала пребывания в Печорском лагере мечтали только об одном: побыстрее бежать отсюда. Пробыли мы в Печоре недолго. Сейчас уже не помню, но мы там пробыли не больше, чем полтора-два месяца – нам удалось бежать. Как это произошло, кто нам помог, не знаю. Знаю только, что вскоре возвратились в Брацлав, опять в гетто, уже в другом месте. В Брацлаве ещё оставались мамины родители, однако стало известно, что их будут выгонять в то самое печорское пекло. Для начала их посадили в тюрьму, это помещение и до войны было тюрьмой. В тюрьме в то время было много пленных красноармейцев, их выгоняли на работу, ремонтировать дорогу. Мама носила в тюрьму для родителей кипяток с веточкой от дерева, это считалось чаем, о сахаре и заварке говорить не приходится. Потом произошла трагедия...

Был февраль 1942 года. Морозная зима. Река покрылась льдом. Прорубили полынью и стали сбрасывать в неё пожилых

взрослых и детей не старше десяти – двенадцати лет. Тех, что постарше, оставляли для использования на работах. Помню женщину по фамилии Грановская, которая недавно родила. Помню невестку Дувида, фамилию не помню. Всех перед экзекуцией заставляли раздеваться догола. А мои дедушка и бабушка попросили разрешения остаться в нижнем белье и быть убитыми пулей перед сбросом в прорубь. Им пошли навстречу... А убивал их тот самый Гудзенко, который с приходом немцев обещал забрать их к себе и сохранить жизнь при любых обстоятельствах, так как задолго до войны они были дружны, дедушка обучал его кузнечному ремеслу. Кроме гетто, в Брацлаве был ещё лагерь, где нам тоже «посчастливилось» побывать. Так прошёл в муках весь 1942 год.

А в начале 1943 года мы опять оказались на пути в Печорский лагерь. В этот раз нас было уже человек шестьсот, всю дорогу шли пешком, через село Марксово. Прошли Марксово, Поланку. Вдруг выступает немец, говорит, что планы изменились, в Печору мы не пойдём и всем велено возвращаться в Брацлав. Все решили, что будет массовый расстрел. Мои братья тут же предложили возвращаться в первых рядах с тем, чтобы прикрыться идущими позади. На обратном пути, сколько мы ни обращались к людям хоть как-то помочь нам едой, одеждой, дать погреться, никто не откликнулся. Существовал приказ не оказывать никакого содействия евреям, иначе всё село подлежит сожжению. В конце концов, мы добрались до Брацлава. Постучали в дом к маминой знакомой. Та смотрит на нас, как на инопланетян: как, вы ещё живы. И захлопнула дверь. Мама ещё раз постучала: попросила хоть по капельке воды напиться. Женщина зашла в дом, вынесла ведро воды и... облила нас всех с головы до пят холодной водой. Напомню, это был февраль месяц. Добрались мы до гетто, а гетто уже и нет в Брацлаве, одни лагеря. Зашли мы в домик, окон нет, двери выбиты, холодно и кушать нечего. Мама стала сокрушаться: уж лучше бы нас всех убили по дороге, остаётся только сжечь себя, помощи ждать неоткуда. Через несколько дней мы оказались в Брацлавском лагере, где оставались до бегства в феврале 1944 года...

Должен признаться, что интервью с Евгенией Спектор оказалось одним из моих самых трудных. Евгении выпала очень

трудная судьба. При воспоминаниях о своём непростом детстве она была очень взволнована, хотела всё рассказать, очень торопилась, боялась что-то упустить. Её рассказ получился очень сумбурным, неоднократно возвращалась к предыдущим эпизодам. Видя её состояние, я понимал, что моё вмешательство в данном случае не поможет, поэтому старался не мешать её повествованию. Не каждый человек способен спокойно, строго последовательно и хорошо сформулированными предложениями рассказать, что с ними произошло в те трагические времена. В моей небольшой практике интервьюера был и такой случай, когда женщина начала свой рассказ о военном периоде с надрывом, сквозь всхлипывания и плач, и так продолжалось в течение часа. Я не смог задать ей ни единого вопроса, только подсовывал стакан с водой, боясь, чтобы с ней не случилось ничего непредвиденного. Евгения не плакала, но и в данном случае я не сумел провести интервью в правильном русле. Добавлю только к предыдущему её рассказу, что освобождение Брацлава застало её в том самом Брацлавском лагере. Из её слов следовало, что условия в Брацлавском концлагере были гораздо хуже, чем в Печорском. Казалось бы, куда уж хуже, исходя из предыдущих рассказов моих собеседников. Но Евгения побывала в обоих, ей лучше знать. Тем более странно и удивительно было слышать, что именно в Брацлавском лагере мама Евгении ... родила девочку. В марте 1943 года! Во время праздника Пурим. И назвали девочку – Эстер! Надеюсь, вы помните, дорогой читатель, что в самом начале войны новорожденному мальчику делали обрезание. Его, кстати, назвали Сашей. Дальше был удивительный рассказ Евгении о добропорядочном немце(?!), который предупредил обитателей Брацлавского концлагеря о грядущей карательной акции, которую готовят эсэсовцы. О том, как в течение короткого времени, которым располагали узники лагеря, они соорудили носилки из двух палок, соединённых тряпками, и на этих носилках выносили немощных из лагеря, стараясь спасти и себя и этих несчастных. О том, что мама несла на руках маленькую Эстер, а Евгения тащила чуть большего Сашу. Отца в это время в лагере не было. О том, что в какой-то момент силы оставили её и, по совету мамы, оставила его лежащим на дороге... А через сто метров мама истошно

завопила и взмолилась. Евгения возвратилась и подобрала замерзающего Сашеньку. О том, что в самый критический момент побега им попался добрый ангел в облике деда по имени Тымко. Тымко привёл семью к себе домой, чем немало рисковал. Несколько дней они приходили в себя у Тымка и его супруги, затем их перепрягивали другие люди в близлежащих сёлах. Кстати, с дедом Тымко это семья после войны ещё долго поддерживала дружеские отношения. В марте они возвратились в Брацлав, где и застало их освобождение города войсками наступающей Красной Армии. Таким образом, к счастью, выжила вся семья – родители и шестеро детей. А после войны родилось ещё двое детей: мальчик и девочка. Отец присоединился к наступающим войскам, успел ещё повоевать, дважды был ранен, но живым возвратился в 1945 году...

ЛЁВА ГРИНБЕРГ

... Я плохо помню дедушки и бабушки со стороны матери, поскольку они жили в городе Сороки, что в сорока километрах от Могилёв-Подольского, а это была заграница, Молдавия. Иметь родственников за границей в Советском Союзе было равносильно почти преступлению, можно было иметь большие неприятности. Они встретились с моими родителями уже после открытия границы. А родителей моего отца я почти не помню, очень смутно, они умерли ещё в 1932 году.

- Во времена вашего детства ваши сверстники знали, кто такой Сталин?

- Ну, как же, разве была хоть одна песня, которая не воспевала бы Сталина? Любой ребёнок знал и любил Сталина, считал, что Сталин – это главный отец, Сталин – это ВСЁ!

- Что вам известно о финской кампании?

- Муж моей старшей сестры Аннет был участником советско-финской войны, воевал в Польше в 1939 году. Так, что эта тема в нашем доме была на слуху. В 1941 году он был мобилизован на фронт в Красную Армию. К сожалению, он с этого фронта не вернулся, погиб.

- А о том, что в Европе, в Германии преследуют евреев что-нибудь было известно в Могилёве?

- Доходили разные слухи на этот счёт, официально никто об этом не говорил, но между собой евреи об этом шептались. Но мало кто искренне верил в это, считали, что такого не может быть. В школе на эту тему никто не говорил.

- Мне интересно, в какие игры игрались в то время дети, чем вы развлекались?

- Не могу припомнить, чтобы у нас были какие-либо игрушки или специальные игры для детей, как сейчас. Мне кажется, что наш игрушечный арсенал состоял из монеток (если удавалось раздобыть) для игры в «орёл или решка», катушек из-под ниток, что выпрашивали у портных, и камней для «военных баталий улица на улицу». Других развлечений между мальчишками не припомню. С началом войны все эти игры прекратились, всё стало очень серьёзным. По мере приближения фронта паника в городе нарастала. Многие стали эвакуироваться. Не у всех сложилось благополучно. Некоторые

погибли при эвакуации, другие же успешно переждали войну в эвакуации и затем возвратились в город. Наша семья тоже эвакуировалась. Собрали пожитки, которые могли унести с собой, и двинулись пешком вместе с другими людьми из Могилёва. По дороге мы несколько раз подвергались бомбардировкам. Самолёты спускались очень низко, чуть ли не над нашими головами. Мы, мальчишки, с интересом задирали головы и смотрели на самолёты, ведь до этого мы их никогда не видели. На них были фашистские знаки и они сбрасывали бомбы прямо на нас. Тогда и появились первые жертвы. Успели дойти только до Шаргорода, где проживали наши родственники. Побыли у них три-четыре дня, за это время фронт стремительно приближался, слышна была артиллерийская канонада. В Шаргород вошли немцы и мадьяры (*венгры*). Немцы пошли дальше, а мадьяры остались в городе. Как ни странно это прозвучит, но мадьяры оказались весьма порядочными людьми. Они делились с евреями едой и рекомендовали прятаться, так как скоро в город войдут другие немцы. И, в самом деле, вскоре мадьяры ушли, а пришли немцы и румыны. В Шаргороде начала устанавливаться жёсткая по отношению к евреям власть. Наша родственница, тётя Хава, дала нам понять, что она сама здесь «на птичьих правах». Да, и в самом деле, и Шаргород, и Могилёв оказались в зоне оккупации, но в Могилёве у нас хотя бы свой собственный дом, который закрыли на на замок перед уходом в надежде на скорое возвращение из эвакуации. В общем, через три недели мы решили возвратиться домой. Тётя наняла для нас телегу с возницей и мы, уже не пешком, въехали в Могилёв. Увы, наш дом был вскрыт и полностью разграблен. Кроме мусора, в доме ничего не осталось.

Делать нечего, стали жить в этом пустом доме. Спали прямо на полу вплоть до 1942 года.

- Спали вы все на полу, это понятно. Но надо было ещё что-то кушать, чтобы жить.

- Мама до войны работала сестрой-хозяйкой в тубдиспансере, во время оккупации там был организован румынский госпиталь, а весь нееврейский бывший персонал, врачей, медсестёр оставили работать при госпитале. Мама, как еврейка, не могла там работать, но она туда однажды ночью пришла и рассказала о нашем бедственном положении. После

этого некоторые сердобольные бывшие сослуживцы стали приходить к нам и приносить что-то из остатков еды. Ещё такой момент, что называется, не было бы счастья, да несчастье помогло. Не помню точно, в каком месяце, в Могилёве случилось сильнейшее наводнение. Говорили, что старожилы не помнили такого наводнения. Обычно наводнения в Могилёве происходили весной, во время таяния снегов в горах. А это произошло не то поздним летом, не то ранней осенью. Говорили, что прорвало какие-то шлюзы в Карпатах. Город буквально затопило. В том числе, продовольственные склады. А когда вода сошла, все намокшие продукты оказались бесхозными. Мы туда, к этим складам, бегали по нескольку раз с мешочками и хватали всё, что попадалось под руку: муку, горох, фасоль, всякие крупы и т.п. Всё это послужило в дальнейшем хорошим подспорьем. Так и продолжали жить в оккупированном Могилёве. В городе установилась румынская власть при активном участии местных украинских полицаев. Была произведена перепись населения города, всех евреев обязали носить повязки и нашивки со звездой Давида. Стали забирать евреев на работы. Особую ретивость при этом проявляли полицаи. Помню, до войны мой брат Хаим работал на местном заводе «Акмэ». У него был закадычный друг, с которым вместе работал, некий Мишка. Так этот Мишка пришёл за моим братом и пригрозил пистолетом, если тот откажется.

- Оставались ли евреи в своих домах при румынской власти?

- В тот период времени, о котором рассказываю, мы оставались жить в своём доме. Гетто в Могилёве было организовано позже, когда мы уже оказались в лагере. В Печорский концлагерь мы попали летом 1942 года.

- Расскажите в деталях, как вы оказались в лагере, как это происходило?

- По домам ходили полицаи и сообщали, что завтра к 9 часам утра мы должны явиться на центральную площадь. Разрешили взять с собой, всё, что можем унести. Но что мы могли взять, если нас, как я уже говорил, ограбили. Прямо с этой площади нас погнали на Серебрию, село в пяти километрах от Могилёва. Там проходила железная дорога. Нас собрали на площади около железнодорожного полотна, вокруг стояли

пулемётчики, румынские солдаты, полицаи. В центре стоял стол и всем объявили: подходить и выкладывать на стол золото, серебро, кольца, часы, браслеты, серьги, другие ценности. Предупредили: за сокрытие – расстрел. При этом всех тщательно обыскивали. Мужчины – мужчин, женщины – женщин. После этой процедуры появился поезд, нам было велено подниматься в вагоны. Поезд медленно двигался, не останавливаясь. Можете себе представить, что это была за посадка в эти товарные вагоны на ходу. Люди вытаскивали один другого, кто-то не успевал, люди падали, крики, стоны, истерика. И никуда не денешься: сзади пулемётчики, боялись быть тут же расстрелянными. Нам посчастливилось, мы всей семьёй попали в один вагон. Высадили нас в Рахнах. Там стояли подводы для вещей, а люди пошли пешком. Всю дорогу били палками. Стоило чуть замешкаться, тут же получал палкой по спине, по голове. В двенадцать километров от Рахнов до Печоры мы чувствовали на себе эти палки. Должен поправиться, сказал неточно. Палками били полицаи, а румыны плётками. «Опекали» нас и румынские жандармы, и наши доморощенные прислужники – полицаи. Румын от немцев можно было отличить по форме, а полицаи форму не носили, носили цивильную одежду, отличались нарукавной повязкой.

- Как вы оцениваете количество людей, отправленных вместе с вами в Печорский лагерь?

- Дело в том, что отправили в этот день не всех евреев Могилёва. Отправляли тремя партиями. Думаю, что в нашей первой партии было человек двести-триста. Далеко не уверен, что все дошли до Печоры, учитывая жуткую посадку в вагоны, езду в буквальном смысле в скотских условиях в самих вагонах, а также пеший переход под палками и плётками. К концу дня нас привели к воротам лагеря. Когда распахнулись ворота, мы тут же увидели людей, которые на людей не были похожи. Эта картина у меня и сейчас перед глазами. Одни распухшие, другие... ну, просто скелеты. Среди взрослых такие же дети. Мы, когда их увидели, просто испугались, инстинктивно отпрянули от ворот и стали пятиться. На них просто страшно было смотреть! Это были евреи из Тульчина, которые находились здесь уже почти год. Не могу припомнить, регистрировали ли нас при входе через ворота, не скажу. Вся наша партия в

двести-триста человек оказалась в бараке без пола, без окон, без дверей. Прежде это была конюшня. Мы там буквально задыхались, трудно представить сейчас, как мы там поместились. Дети плачут, больные стонут, все хотят есть, пить. До войны на территории лагеря располагался костный санаторий. Мать с горечью рассказывала, что, когда до войны работала в тубдиспансере в Могилёве, ей часто приходилось бывать в Печоре, поскольку привозила сюда больных туберкулёзом кости. Какая здесь была красота и уют, говорила она. Никогда не думала, что окажусь здесь в таких невероятных условиях, сетовала мама.

- Вы в том бараке держались семьёй все вместе? Напомните, пожалуйста, состав семьи.

- Мама, сестра Рива, брат Хаим и я. Если говорить о своей семье, то должен рассказать вот о чём. У меня была старшая сестра Аннет, которая ещё в Могилёве родила ребёнка и, к сожалению, умерла от тифа. Её грудного ребёнка взяла другая сестра, Рахиль, и на руках отнесла в село Дзиговка, где находились родственники моего шурина. По их просьбе Рахиль так и поступила. Это произошло буквально за день до нашей отправки в Печору. Казалось бы, судьба благоволила к этому ребёночку. Однако, ребёнок оказался болезненным, возможно, тот же тиф. И «добропорядочные» родственники тут же отказались от него. Пришлось Рахили с ребёнком возвращаться в Могилёв. Мало того, когда через пару недель стали формировать вторую партию для отправки в Печору, Рахиль сама вызвалась ехать туда. Мы обомлели, когда увидели их в лагере, в этих жутких условиях. Надо ли говорить, что выжить там ребёнок не мог, и через неделю-полторы ребёнок умер. Сестра, естественно, осталась с нами.

- Вы похоронили ребёнка?

- Что вы!? Какие похороны? Пришла бригада из наших же евреев-узников, вместе с другими трупами унесли, затем увезли и сбросили в ров за пределами лагеря. Я часто приезжаю в Печору, там сеть памятные знаки, но где конкретно покоится прах моего племянничка, конечно, не знаю.

- Пожалуйста, опишите сам лагерь и как вы там выживали.

- Лагерь был расположен в прекрасном месте. Был чудный парк, скорее похожий на смешанный лес. Там росли, в

основном, липы и ели. Был достаточно красивый главный трёхэтажный корпус, большая площадь с уже недействующим фонтаном. Но выживать в этой красоте было очень сложно. Я уж не говорю об издевательствах со стороны властей лагеря, просто физически невозможно было выживать без еды и питья. Как-то я познакомился со своим ровесником, таким же мальчиком, как и я. Он был из тульчинских, обладал некоторым опытом выживания. Его звали Рувим. Он мне и предложил ходить с ним поглубже в лес, рубить там сухостой, хворост на продажу. Некоторым людям удавалось что-то раздобыть из еды и варили на костре между двумя кирпичами. Но им нужны были дрова. Вот мы и повадились ходить в лес и продавать хворост для растопки костров. Прежде, чем продолжить о выживании расскажу такое. У моей мамы был брат, Фишл, который жил в Бессарабии, то есть за границей. Из Бессарабии он бежал в Тульчин, а оттуда, вместе с другими евреями, попал в Печору. А когда в Печору попали мы, могилёвские, он стал всех подряд спрашивать о сестре, Хаве, то есть, моей маме. Так, через двадцать лет, они встретились в Печорском концлагере. Надо же было такому случиться! Встретиться через двадцать лет! И где!? Когда они увиделись и обнялись, их невозможно было разъединить. Оказалось, что до войны он был высококлассным военным портным. И здесь он нашёл себе применение: стал шить одежду для румынской жандармерии. У него был специальный пропуск, с которым он мог выходить в село. Естественно, у него был доступ к еде, и он нам активно помогал с пропитанием. Даже сам факт присутствия близкого человека с опытом узника, с которым можно было пообщаться, получить совет, чем-то ободрить имел значение. Да и то, что он физически помогал выжить, сыграло большую роль в нашем спасении. Не скажу, что ему удавалось давать нам достаточно еды, но было хоть какое-то подспорье. А страданий нам хватало вполне. Просто многим другим людям было намного хуже. Ужасно было видеть, как люди на твоих глазах умирают с голоду. Бывало, смотришь на человека, он ещё живой, а через две минутки оборачиваешься, а он уже мёртвый. Выражение «мрут, как мухи» вполне подходило для характеристики того лагеря. Не зря многие называли его лагерем смерти. Кроме барака, в котором мы ютились и других таких же подвалов,

подсобных помещений, было ещё большое трёхэтажное здание. В нём «с комфортом» жили евреи из Тульчина, которые первыми осваивали лагерь. И здесь, и там люди умирали ежедневно в больших количествах. Каждое утро начиналось с выноса трупов.

Вернусь к событиям, происходившим с нашей семьёй. Однажды в лагерь заехали машины, а в них – военные, говорящие... по-русски. Вначале мы их приняли за советских красноармейцев, потом выяснилось, что это были «власовцы». Тогда мы этого слова не знали, но быстро поняли, что никакие они не наши. Нам скомандовали выйти из бараков с вещами (какие уж там вещи!) и собраться на центральной площади. Вещи велели сложить в кучу, объяснив, что больше они нам не понадобятся, окружили со всех сторон и стали делить по возрасту: тех, что помоложе – в одну сторону, старших с детьми – в другую. Мама сумела «закамуфлировать» моего старшего брата так, что его не взяли в категорию молодых и он оставался с нами, как ребёнок. Надо сказать, что брат мой ещё до войны в Могилёве встречался с девушкой, её звали Маня, и в лагере они оказались оба и там продолжали дружбу, вместе преодолевали невзгоды лагерной жизни. И вот брат, как-будто избежал участи молодых, увидел среди них свою девушку, сам выскочил из нашей группы, побежал и присоединился к группе молодых, чтобы разделить их участь. Их увезли на строительство ставки Гитлера, там были расстреляны... Там и остались навечно мой брат и его девушка.

- Как вам стало известно, что их увезли на строительство ставки Гитлера?

- Один украинец рассказывал, что узников из Печоры увезли на строительство ставки под Винницей. А нам, оставшимся на площади, объявили, что будем расстреляны. *Как развивались события дальше, читатель уже знает.* Через какое-то время после встречи с мамой Фишл бежал из лагеря навсегда. И что удивительно, помогли ему в этом сами румыны. Он бежал и оказался в Могилёве, где ещё оставались евреи. Вскоре вслед за ним и наша семья сумела бежать. И мы также возвратились в Могилёв. Мы как-то разузнали, что есть такие проводники, которые помогали людям бежать. Одни умели договариваться с охраной, другие знали потайные места в заборе и тропы, по которым можно было людей вывести. Нам

ещё сильно повезло, что мы выбрались из лагеря до наступления холодов, до зимы с морозами. Мы слышаны о том, как страдали люди в лагере зимой. Особенно досталось тульчинским евреям.

- Вы говорили о проводниках, которые выводили людей и приводили в Могилёв. Но ведь в лагере было и оставалось много тульчинских, которые страдали больше всех. Почему же они не воспользовались теми же проводниками и не спасались таким же образом?

- Выскажу своё личное предположение. Во-первых, тульчинские попали в лагерь в самом начале, уже осенью 1941 года. Их отправка была неожиданной и спонтанной. У них при себе не оставалось ни денег, ни ценностей, ни приличной одежды. А проводникам надо было платить. Хотя бы для того, чтобы договариваться с охраной. Во-вторых, и это более существенно, из Тульчина практически выгнали всех евреев, кроме тех, что сумели успешно эвакуироваться. Им просто некуда было бежать! Возможно, они бежали в другие места, в Шаргород, или ещё куда-то, не знаю. Не буду говорить того, чего не знаю. *В этот момент я вспомнил рассказы Эстер и Рейзи Габа, которые чудом спаслись, оказавшись в моём родном Джурине.*

Продолжу свой рассказ о том, при каких обстоятельствах мы выбирались из лагеря. Это было уже после эпизода с несостоявшимся расстрелом и потерей брата. Зайдя однажды в уборную, я нашёл там монету. У меня был дружок помоложе, который стал слёзно клянчить эту монету. Я уже хотел было отдать её, но в последнюю минуту передумал и решил показать маме. Увидев монету, мама ахнула: это были пять рублей золотом! Показала Рахили. Та сказала: «Эта монета – наше спасение!». Решили заплатить проводнику и с его помощью выбраться из лагеря. Но этих денег хватало только на троих. Новая беда! В лагере была наша бывшая соседка по Могилёву со своей больной мамой. Они сумели сохранить какие-то деньги и, узнав о наших проблемах, соседка предложила Рахили не отчаиваться и предложила ей остаться с тем, чтобы уйти вместе с ними, когда её мама выздоровеет. Нам ничего не оставалось, пришлось согласиться на такой вариант. Одним словом, где-то через неделю мы с мамой и Ривой и ещё группой таких же, как

мы, беженцев, в сопровождении проводника и под контролем подкупленного полицая выбрались из лагеря. На окраине Печоры была, как сказали бы в детективных историях, «явочная квартира», где можно было провести несколько дней на чердаке и чего-нибудь поесть. А был уже ноябрь на дворе, заморозки, а мы полураздетые. Но – на свободе! Помню, мама была на туфлях с высокими каблуками. К тому времени её обувь пропала, пришлось надевать, что придётся. Она измучилась в этих туфлях, без них тоже не пойдёшь, вся выбилась из сил. Несколько раз останавливалась в пути, просила оставить её, а самим спастись. А я, двенадцатилетний единственный «мужчина», командовал маме идти и не отставать. Дорог мы избегали, двигались, в основном, полями и лесами. Однажды, в лесу нам повстречались партизаны, которых мы вначале сильно испугались, думали - полицайи в засаде. Они нам подсказали, какой путь более безопасен. Несколько раз мы таки попадали в засаду из местных крестьян, пастухов, которые шантажировали, требуя мзду, иначе грозили расправой или сдачей в полицию, жандармерию. Ни у кого уже ничего не оставалось, отдавали последнее, только бы остаться на свободе. В конце концов, добрались до леса близ села Дербчин. Дальше мама уже идти не смогла, к тому же у Ривы начался кровавый понос. Вся группа пошла дальше, а мы остались в лесу одни. В ужасе провели ночь, на следующий день случайная женщина подсказала, как добраться до Дербчина. Там мы напросились в один крестьянский дом. Хозяйка сильно испугалась, но всё-таки впустила на огород. Немного прийдя в себя, спросили, как добраться до Шаргорода, это была первая цель нашего бегства, там ведь наши родственники. Женщина предложила сперва добраться до Мурафы, так как там есть евреи и они помогут. Собрав остатки сил, мы отправились по её подсказке в Мурафу. Там нам подсказали, как найти синагогу. В синагоге велели подождать окончания молитвы. После молитвы нас завели в какое-то тёмное помещение. Когда глаза привыкли к темноте, мы увидели вокруг себя трупы людей. Мама споткнулась о труп, закричала в истерике. После чего нам популярно объяснили, что другого места для нас в Мурафе нет. Не солоно хлебавши, отправились ночью пешком в Шаргород, уже невзирая на всадников на лошадях. Каким-то чудом добрались до

Шаргорода. В Шаргороде, хоть и у родственников, но долго не задержались. Уж не знаю, из каких соображений, сестру отправили в Дзиговку, а мы с мамой направились в Могилёв. По дороге началась какая-то беспорядочная стрельба, мы с мамой запаниковали, разбежались в разные стороны и потеряли друг друга из вида. Встретились с мамой в Могилёве только через полтора месяца. А до этого со мной происходили всякие события. Во время стрельбы я, вместо того, чтобы идти в сторону Могилёва, пошёл обратно в сторону Шаргорода. После Шаргорода направился к другим родственникам в Черневцы. Там мой дядя хорошо меня принял, приодел, накормил. Видимо, я был не единственный, кто бежал из Печорского лагеря и прятался в этих местах. В тот день, когда я собрался возвращаться в Могилёв, должна была состояться акция массового расстрела евреев. Для этого всё население Черневцов собрали на центральной площади. Дядя велел мне спуститься в погреб, находившийся в доме прямо под полом. При этом строго предупредил, чтоб не высовывался, так как, если меня обнаружат, расстрела всей семьи не избежать. Погреб надо мной закрылся дверцей, наверх установили швейную машину. Я притаился и стал ждать. Мне было слышно всё, что происходило наверху. Через какое-то время в дом вошли румыны, ещё какие-то люди. Походили по квартире, порыскали на чердаке, о чём-то поговорили и ушли. Я просидел ещё какое-то время, которое мне показалось вечностью, решил, что опасность миновала и потихоньку выбрался из погреба. В доме никого не было, следов грабежа тоже не было видно. Набрался смелости и пустился в путь-дорогу на Могилёв. Не успел отойти далеко, как меня обнаружили румыны. И где бы вы думали? Как раз в том месте, куда... согнали черневцевских евреев для расстрела. Увидев меня, дядя обомлел. «Ты что натворил, я ведь велел тебе сидеть в погребе, из-за тебя нас всех сейчас расстреляют». Но расстрел, как и прежде в Печоре, так и не состоялся, не знаю, по какой причине. Однако, для меня и семьи моего дяди опасность ещё не миновала. С той площади семьи стали выпускать поочерёдно, по имевшимся у властей спискам. Мы с дядиной семьёй сидим, дрожим, ждём своей участи. И вот, вызывают очередную семью. Как сейчас помню, выкликают: «Ткач Борис, жена Хая, сын Мойша, дочь Женя – выходите!». Смотрю, выходит Борис,

выходит его жена, выходит дочь, а сына нет. В этот момент мой дядя шепчет мне: «Беги за ними вслед вместо Мойши и не смей оглядываться!». Так я во второй раз избежал расстрела! И не только я, могли погибнуть и многие другие. Я пробыл у дяди ещё три-четыре дня, в течение которых он постоянно дрожал, после чего пошёл на Могилёв. Правда, дядя попросил знакомую украинку, которая проводила меня до села Гонтовка, после чего объяснила, как добраться до Могилёва. Я после Гонтовки ещё два дня блуждал полями и лесами, в конце концов, добрался до Могилёва. Был уже декабрь 1943 года. Своего дома я не обнаружил. Дом был деревянный, и его разобрали на дрова. Через какое-то время я узнал, что мама здесь, работает в госпитале, где и работала до войны. Она и ютилась там же, при госпитале. Её приодели, как украинку, бывшие сотрудники, врачи и сёстры, чем немало рисковали. Я иной раз прибегал туда, но мама тут же прогоняла меня, чтобы не навлечь беду на всех остальных. Так она и продержалась там вплоть до освобождения.

- Расскажите, что происходило с остальными членами вашей большой семьи.

- Мой старший брат Шмил оставался в лагере. Жене его удалось бежать и добраться до Могилёва, а он с двумя детьми оставался в лагере. Денег, или ценностей для выкупа у него не было, и всё-таки, пообещав уплатить на месте прибытия, сумел уговорить проводника и, вместе с другими узниками, выбрался с двумя малютками на руках из лагеря. Это было зимой, почти без одежды. Вначале замерзает один ребёнок, земля мёрзлая, похоронить невозможно, все подгоняют быстрее двигаться, Шмил оставляет ребёнка прямо в лесу. Всед за первым замерзает второй ребёнок. Та же история. Добравшись до Могилёва, Шмил узнаёт, что жена его вместе с сыном угнаны в лагерь Ананьев, что под Одессой. Уже после освобождения они встретились в Могилёве, потеряв замёрзшими двух детей. Рива до освобождения оставалась в Дзиговке. Пэся осталась жива, всю войну провела в подполье в селе Капистерне у родственников мужа. А я до самого освобождения оставался в могилёвском гетто, бродяжничал, спал, где придётся. Мама не разрешала приходить в госпиталь, только старалась пробраться ко мне и приносила покушать. 19 марта 1944 года Могилёв был

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

освобождён Красной Армией, и только в мае оставшиеся в живых члены семьи смогли собраться вместе...

ЕВГЕНИЯ КЕРЖНЕР

...До войны мы в нашем Теплике жили довольно неплохо, ни в чём не испытывали нужду. У нас был собственный дом, возле дома большой огород. У нас даже была женщина, которая помогала вести домашнее хозяйство. Когда началась война, мы пытались эвакуироваться. Отец организовал подводу и вместе с семьёй маминого брата мы отправились на восток. А сам отец тут же ушёл на фронт, едва успев отметить моё пятнадцатилетие 24 июня. События развивались стремительно. Доехали до Александрии, а там уже были немцы. Пришлось возвращаться. На обратном пути меняли вещи на еду, несколько раз попадали под бомбёжки. А, возвратившись в Теплик, застали здесь немцев. К тому времени с мамой осталось трое детей, четвёртым была беременна.

- Вы не успели эвакуироваться. А были такие, которые всё же успели?

- Очень мало. Одни были уверены, что Красная Армия, которую всюду воспевали, не допустит вторжения немцев вглубь территории, другие считали, что, даже если и придут немцы, ничего страшного с нами не произойдёт. И те, и другие рьяно отговаривали людей от попыток эвакуироваться. Но, как только немцы появились в Теплике, всем евреям было велено одеть отличительные повязки, нам было запрещено ходить по своему желанию, а оставаться в строго отведенных местах. К счастью, наш дом уцелел, и вся обстановка почти вся сохранилась. Потом уже немцы бесцеремонно заходили и забирали всё, что им заблагорассудится.

В какой-то момент в моей судьбе произошли существенные изменения. Началось с того, что немцы стали отбирать из каждой семьи по одному человеку, главным образом, молодых людей. Поскольку я была старшей дочерью, выбрали меня. Таким образом собрали шестьдесят человек и отправили в Райгород. Разместили в местной школе, спали прямо на полу, с собой у нас ничего не было. Нам говорили, что повезут в Степановку, что рядом с Тепликом, и будут ежедневно привозить домой. Вышло же всё по-другому. Работали мы в каменном карьере. Работа была очень тяжёлая. Мужчины огромными молотами отбивали со скал большие куски гранита, а

женщины молотами поменьше разбивали их в щебень. Ужасно уставали, к концу дня буквально валялись с ног. На обратном пути из карьера к школе мы обычно пересекали узкоколейную дорогу. Мама через людей, приехавших из Теплика, передавала мне еду, кое-что из одежды. А однажды один человек из Теплика рассказал нам, что в Теплике никого из наших родных не осталось, всех(!) евреев расстреляли. Никто не остался в живых, включая и моих родных. Таким образом, из всего еврейского населения в живых остались только те немногочисленные, что успели эвакуироваться и не погибли, и мы, работавшие в райгородском карьере. Самых райгородских евреев поначалу не привлекали к работам в карьере, затем и их привезли в этот, по сути, лагерь. Здесь их разделили на молодых, способных работать, и остальных, то есть, стариков, больных, немощных и детей. Молодых сохранили, а всех остальных тоже расстреляли. Райгородских евреев постигла та же участь, что и теплицких. Перед расстрелом им велели раздеться, после чего их вещи привезли в лагерь и заставили нас эти вещи перебирать. Две женщины, Нехома Баланик и Маня Винницкая нашли в этих вещах золотые изделия. Они сумели ими воспользоваться, подкупили полицаев и их переправили в Бершадь. Но повезло только им. Больше никто золота не нашёл.

- Расскажите немного подробнее об условиях вашего пребывания в этом рабочем лагере.

- Как я уже сказала, располагались мы в школе, спали на полу, застеленной соломой. Кормили нас какой-то похлёбкой с хлебом. Школа была огорожена забором из колючей проволоки, охранялась местными полицаями. Не могу сказать, что полицаи так уж издевались над нами. Им бы во-время нажраться и напиться самогона, выгнать нас на работу и проследить, чтоб никто не отлынивал и не сбежал.

В общей сложности, в Райгороде я пробыла недолго – около полутора месяца. Затем нас перевели в Брацлавский лагерь. Там, вообще-то было два лагеря. Одним руководили румыны, другим – немцы. Я попала в «немецкий» лагерь. Полицаи местные были в обоих лагерях. Нас возили на работу на машинах довольно далеко. Работа заключалась в строительстве, ремонте, асфальтировании дорог. Полицаи, которые нас охраняли, относились к нам благосклонно, иногда позволяли

двоим оставить работу и пойти в ближайшее село попрошайничать, что мы и делали. Надо сказать, справедливости ради, что с пустыми руками мы, как правило, не возвращались. Кто-то даст свеклу, картошку, кто-то фасоль, крупу, соль. По дороге в лагерь набирали щепок, дровишек, затем на двух кирпичках разводили огонь, готовили нечто, похожее на еду и ели. В самом лагере бытовые условия были суровые, но вполне сносные. Спали на двухъярусных нарах, похлёбку тоже давали, иногда была даже тёплая вода и мы могли по-человечески помыться. Во всех остальных отношениях лагерь вполне соответствовал слову «лагерь». Помещения были разделены на мужские и женские. Семьи, прибывшие из Райгорода были также разъединены. Мужьям было запрещено общаться с жёнами. Среди ночи вдруг объявлялся подъём, всех выгоняли во двор, заставляли бежать по кругу под окрики «schneller», «runde», а полицаи и немцы выборочно, просто так избивали дубинками людей. Тут уж, кому как повезёт. Это у них такие ночные забавы были. По дороге обратно в казарму опять били, ещё и в казарме у дверей стояли ещё по двое и добавляли.

Во время асфальтирования дорог использовалась специальная машина, которой управлял немец. Помню, одна девушка, её звали Сима, наклонилась, чтобы что-то поднять с земли перед этой машиной, немец наехал на неё своим асфальтоукладчиком и задавил насмерть. Там, в лагере, находились её тётя и дядя, и они сбежали. Когда обнаружился побег и их поймали, нас всех выстроили. На наших глазах их сильно побили, а после этого расстреляли. И, чтобы уж совсем запугать, выбрали ещё первых попавшихся пятнадцать человек и тоже изрядно избивали. Просто так, в назидание остальным. Во время моего пребывания в лагере туда прибыла большая группа черновицких евреев. Они резко контрастировали с местными евреями. Как правило, они до войны были весьма состоятельными, там, у них ведь была частная собственность. К нам относились уничижительно, свысока, обзывали «большевиками», «комиссарами». Почти все владели немецким языком. Но немцы относились к ним отнюдь не лучше, чем к нам. Для них было важнее, что это – евреи. Со временем их тоже стали сортировать по возрасту и способности работать. Черновицких стариков, больных, инвалидов, детей постигла та

же участь, что и наших, райгородских. С той только разницей, что их вещи обратно не привезли, а разобрались с вещами на месте расстрела. Мне в этом плане постоянно «везло»: я попадала в число рабочих.

- Вы говорили, что в Брацлаве было два лагеря, один под управлением немцев, другой - под румынами. Существовала ли какая-то связь между ними? Где, по-вашему, было легче?

- Да, это, действительно так, было два лагеря. Связи никакой не было, по крайней мере, между узниками. Встретились мы с ними в Печорском лагере. Судя по их рассказам, им было немного полегче. Хочу при этом добавить, что нам существенно помогали местные украинцы. Прячась от немцев и полицаев, сильно рискуя, они перебрасывали нам мешки с сухарями. Мы были рады любой еде. В общем-то, в Брацлавском лагере я пробыла тоже недолго, каких-нибудь два месяца. Но это были те ещё месяцы... За малейшую провинность устраивалась публичная порка, то есть обязательно всех выстраивали и начиналась экзекуция.

Итак, мы пробыли там до декабря месяца. А в декабре нас погнали пешком в Печору. Ещё в Брацлаве о нас «забыли»: всем выдали ботинки на деревянной подошве. Наше передвижение было слышно далеко, к тому же, в такой обуви не убежишь. Шли довольно долго. На ночь нас загоняли в конюшни, а двигались днём. Среди нас были и такие, которые не в силах были долго идти. Они оставались на дороге. Вряд ли кто-нибудь из них выжил, был холодный декабрь...

Те из нас, кто не остался на дороге, дошли до Печоры. Перед нами предстало довольно красивое место с огромным трёхэтажным зданием, площадью с фонтаном, крутая каменная лестница, ведущая к Бугу и деревянными вспомогательными сооружениями, конюшни, склады, всякие подсобные помещения. Но вся эта красота сразу же померкла, когда мы обосновались в этом лагере. Условия ужасающие. Я попала в главный корпус. Все располагались на полу. Рядом могли лежать живые и умершие люди. Можете себе представить, какое это производило впечатление на меня, девочку. А что творилось в коридоре, какие там были запахи! Уму непостижимо, как я смогла всё это пережить, через всё это пройти. До сих пор перед глазами бродящие по лагерю скелеты, живые трупы, просящие у

других, таких же несчастных, кусочек хлеба. Немного легче было тем немногим, чьи профессии были как-то востребованы. Люди, умеющие, например, шить, столярничать договаривались с охранявшими нас полицаями, выходили из лагеря, выполняли всякие заказы и получали за это какую-то жалкую мзду. При этом не забывали выпрашивать и приносить водку с закуской для полицаев. Но при этом и сами могли покушать и кое-что принести своим семьям. Некоторым узникам помогали с едой оставшиеся за пределами Печорского лагеря родственники. В Печорском лагере не было расстрелов, там не было газовых печей и крематориев. Но люди там умирали помногу ежедневно. Умирали просто с голоду, от болезней, особенно, тифа. Трупы вывозили каждый день огромными подводами. Мне, можно сказать, сильно повезло: со мной в лагере был земляк из Теплика. Мы с ним вместе были ещё в Брацлавском лагере. Он был отличным столяром и умел варить мыло. Он, как и другие специалисты, имел доступ к еде. Он меня и подкармливал. А я держалась вместе с кучкой других земляков и делилась едой с ними, за что часто получал нагоняи от моего кормильца. Но я не могла поступать иначе. Фамилия моего спасителя Дегтярь, звали Идл. А полюбил и опекал он меня потому, что у него была дочь, моя ровесница, к тому же и её звали Женя, как и меня. Он не только подкармливал меня, старался помочь одежкой: то сошьёт мне что-то вроде юбки из мешковины, то какой-то платок раздобудет. Надо понимать, что никакой гигиены мы не могли придерживаться, заедали вши, была распространена дифтерия, дизентерия, тиф.

- Евгения Иосифовна, пожалуйста, постарайтесь вспомнить и рассказать, каких масштабов был этот лагерь в Печоре, много ли там было евреев, из каких мест?

- Лагерь был очень большой. Вместе с тем, очень тесный. Потому, что уж очень много людей было собрано в этом лагере. Первыми туда попали Тульчинские евреи, Брацлавские, Шпиковские. Счёт там мог идти на тысячи людей, мне трудно оценивать. Я видела сотни умерших людей. Это было ужасно.

- Была ли возможность бежать из этого ужасного лагеря?

- Я считаю, что такая возможность была. Может быть, какая-то часть узников и воспользовалась такой возможностью. Что касается меня лично, то мне и бежать-то некуда и не к кому

было, вся семья была расстреляна. Правда, однажды мы предприняли попытку бежать, но вскоре вернулись, так как не знали дорогу, денег, ценностей, вещей для обмена не имели. Быстро поняли, что пропадём и решили вернуться в этот ад. В дальнейшем таких попыток не предпринимала. Мне было важнее держаться поближе к моим землякам из Теплика. Не только я, никто из моих земляков не бежал из лагеря. Мы морально поддерживали друг друга, да и куском хлеба делились. Наверное, это и помогло выжить. Некоторых моих земляков попытаюсь вспомнить. Фима Понаровский, Гриша Горовиц - это были мои соученики, также Фрида Тарасюк с мамой, Таня Снитковская, Таня Винокур, Эстер Винницкая, Сара Дорфман, Аня Окс... Мы все остались живы! Если в Брацлавском лагере нас заставляли работать, как я рассказывала, на строительстве и ремонте дорог и нас хоть как-то кормили, то в Печоре нас не привлекали ни к каким работам. Нас просто удерживали за забором до естественной смерти от голода. Я провела в Печоре больше двух лет, с декабря 1941 года до 17 марта 1944 года, когда нас освободили советские войска, и сейчас сама себе не могу ответить, как я выжила. Летом была хотя бы возможность спуститься к Бугу и как-то помыться, мы и пили запросто из Буга, больше неоткуда. Но я ведь провела там три зимы! Я, бывает, ночами не сплю, вспоминаю тот период и не понимаю, как люди, и я в том числе, в тех условиях остались живы. Таких, конечно, меньшинство, большинство осталось в братских могилах под Печорой, но всё же... Я вам должна сказать, что, несмотря на условия, о которых рассказала, несметное количество смертей вокруг, голод, холод, болезни, постоянный страх, унижения, несмотря на всё это - человеку свойственно желание выжить. Мы ведь были молодыми, в нас теплилась робкая надежда, что вот-вот придут наши солдаты и освободят всех и этот кошмар закончится. Может, эта надежда, где-то спрятанная в глубине души, и помогала нам выжить. А ещё вселяли надежды доходившие до лагеря слухи о переломе в ходе войны, об освобождении городов, о приближении линии фронта. Мы мало что понимали, но чувствовалось изменение настроения.

Никогда не забуду момент нашего освобождения. Люди обнимались, целовались, на измученных лицах появилась улыбка, на всех - слёзы радости. И слёзы горя о родных, не

доживших до этого счастливого дня. Мы смотрели на наших освободителей, как на ангелов-спасителей. Это были регулярные советские войска, brave красноармейцы. Очень хорошо к нам отнеслись, жалели, старались подкормить, чем могли. Радости не было предела! С хорошим настроением мы возвращались домой. Шли, главным образом, пешком. Если было по дороге, солдаты в машинах нас подбирали и подвозили. Но большую часть пути преодолевали пешком. Ночевать останавливались в сёлах. Люди принимали нас хорошо, кормили, отогревали, предоставляли ночлег, снабжали продуктами на дорогу. Расстояние до Теплика довольно большое, шли, наверное, с неделю.

Однако, для меня вскоре радость сменилась суровой правдой одиночества, когда вернулась в свой Теплик. Наш дом остался цел, но пуст. Мой дядя, мамин брат, войну провёл в оккупации в Бершади. Там погибла вся его семья, он остался жив. Там же, в Бершади, обзавёлся новой женой, с ней возвратился в Теплик и поселился в нашем доме. Некоторые наши хорошие знакомые принесли для них свои подушки, одеяла, ещё какие-то вещи. С моим возвращением некоторые люди принесли принадлежавшие нам вещи. *Мне в этом месте приходят на ум фрагменты из книги «Датский урок». Не полная аналогия, но хоть что-то, немного похожее, да и мотивы несколько иные. Однако, для Евгении и это имело большое значение.* Я хочу особо подчеркнуть, что в тот нелёгкий для меня период ко мне очень хорошо отнеслись местные украинские жители Теплика (евреев в живых вообще не осталось). С разных сторон приносили еду, одежду, самое необходимое. Я им за это очень благодарна, специально об этом говорю на камеру.

Теперь об отце. Как-то меня встретил начальник почты, некий Чайковский и говорит: «Знаешь, Женя, я с твоим отцом встречался в Киеве, он скоро придет с назначением на работу». Я стала с нетерпением ждать. Жду - жду, а отца всё нет и нет. Я после этого Чайковскому прохождению не давала: «Где же мой папа?». Однажды, это было в мае 1944 года, меня приглашают в дом к знакомым украинцам, там жила моя одноклассница. И вот прибегают женщина и кричит: «Женя, Женя! Твой папа приехал!». Боже мой! Я чуть в обморок не упала. Прибегаю домой, а там полный дом возвратившихся в Теплик евреев, расспрашивают отца, не видел ли он на фронте их близких.

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

Когда я вошла, все немедленно расступились... Можете представить, какая это была встреча! И каково было отцу узнать, что стало с его семьёй...

ДОНЯ ПРЕСЛЕР

...Я помню, что радио на нашей улице здесь, в Тульчине, появилось у нас самым первым. Какое это было удивление и восхищение. Все соседи с улицы приходили к нам в дом послушать радио. Доходило до смешного: интересовались, где находятся эти люди, что говорят и поют из этой чёрной тарелки. Мы с удовольствием слушали, например, песни в исполнении Леонида Утёсова на идиш.

- Неужели Утёсов пел по радио на идиш?

- Да, так и было. Радио у нас появилось за год до войны, мне уже было одиннадцать лет, я это хорошо помню. Что же касается политики, то мало что слышали и знали. Что происходит в Европе, в Польше мы ничего не знали. Знали, что идёт финская война, моего отца призывали на эту войну. Помню, были провокации в Тульчине. Однажды наш сосед поднял куклу, валявшуюся на земле, и она взорвалась у него в руках. А первый день войны я тоже запомнила. Это было как раз в тот день, когда хоронили нашу родственницу. Когда возвращались с кладбища, люди нам с ужасом рассказывали, что по радио объявили о нападении Германии на Советский Союз. Тут же началась мобилизация. В первые же дни войны на фронт ушёл мой отец, а также муж недавно вышедшей замуж старшей сестры. А мы втроём и с мамой остались. От отца долго не было никаких известий, а Фима, муж сестры, оказался в Польше и даже выслал нам оттуда посылку с какими-то вещами. Вскоре в Тульчине появились немцы, вслед за ними румыны. Мы оставались в своих домах, но давление на евреев с каждым днём становилось всё ощутимей. Всем евреям было велено нашить на одежду шестиконечные звёзды. Начались грабежи в еврейских домах. Местные украинские соседи, с которыми до войны были в очень хороших отношениях, быстро сообразили, что евреи стали гонимыми, и стали вести себя соответственно. Наша соседка заявила к нам с требованием дать ей приглянувшуюся ей шубку сестры, подарок от её мужа-парикмахера. Под угрозой расправы при помощи установившейся власти пришлось отдать ей и шубку и многие другие вещи в придачу. Постепенно в городе образовалось гетто. Мы оставались в своём доме, но к нам присоединились четыре семьи, которых выгнали из их

домов. Во все добротные еврейские дома, их которых люди были выселены, тут же устремились местные украинцы с их семьями. В городе появилось, кроме немцев и румын, множество полицаев во власти. Хорошо ещё, существовал базар, на котором можно было обменивать остававшиеся вещи на продукты. наших молодых людей также привлекали к работам. Главным образом, их брали для обслуживания армейских казарм. Мыли полы, стирали бельё, выполняли всякие хозяйственные работы. Моих сестёр также привлекали к таким работам. Иногда румыны давали им по буханке хлеба. По ночам румынские (немцы в городе надолго не задержались) вояки, а также пьяные полицаи выходили на «охоту». Охотились на приглянувшихся им девчат. Мои сёстры каждую ночь проводили где-то в огородах, полях, боялись оставаться дома. Было в городе много изнасилований, а при сопротивлении, и убийств. И постоянные грабежи. Днём и ночью. Срывали замки, взламывали двери, забирали абсолютно всё, что заблагорассудится. Увидят полбуханки хлеба – и ту заберут.

Так продолжалось до глубокой осени. А однажды, было уже довольно холодно, многих евреев, и нас в том числе, стали выгонять на площадь. Собрали какие-то узелки и вышли. На площади всех построили, как солдат, и строем погнали в баню. Там творился какой-то кошмар. Всех заставили раздеться догола, вещи и одежду свалили в одну огромную кучу, людей, мужчин и женщин попеременно, стали запускать в душевые, откуда лилась холодная, какая-то склизкая вода. Объяснили, что это специально для дезинфекции. Одежду тоже дезинфекцировали. Одни под душ заходят, другие выходят. Первые выходящие, не найдя своей одежды, хватают, какая попадётся под руку, Последующие берут из того, что остаётся.

После бани всех нас погнали в первую школу, когда-то это была еврейская школа. Завели в класс и закрыли. Туалета нет, всё происходило здесь же, среди людей. Кушать не давали. В Тульчине был врач, некий Белецкий. Под угрозой распространения тифа по указанию Белецкого нам стали вводить уколы в руку. Многие после этих уколов стали умирать. Там, в школе, мы провели три дня. Лишь на третий день появилась бочка с водой, а до этого ни еды, ни питья не было. На четвёртый день нас погнали в Печору. Был тот ещё переход!

Детей посадили на подводы, взрослые шли пешком. Мы не знали, куда нас ведут, но все понимали, что ничего хорошего нас не ждёт. Многие родители снимали своих детей с подвод и пытались незаметно подкладывать их под деревья, в кусты с тем, чтобы их подобрала местные жители в надежде спасти их жизни. Обычно такие попытки пресекались. Возможно, кого-то удалось спасти таким образом. Как я говорила, происходило это глубокой холодной слякотной осенью. Дорогу развезло, сплошное болото, идти было невероятно трудно. Сверху шёл не то дождь, не то падал уже снег, помню только, что все промокли до нитки, когда к вечеру мы прибыли в Торков. Завели в громадную конюшню, но мы были рады и такому прибежищу, так как уже выбились из сил, пока шли. О том, чтобы поесть, не могло быть и речи. Просто прилегли, присели, кто где мог. А среди ночи напившиеся полицаи стали грабить людей. Рыскали в поисках драгоценностей, надеясь разжиться и таким образом. Сопrotивляющихся нещадно били, крики, стоны, мольбы. Творилось что-то ужасное. Многие так и не поднялись после той ночи в Торковской конюшне. А наутро всех остальных подняли и опять погнали в дорогу, а трупы так и остались лежать в той конюшне... Помню, от Торкова шли через поле, в котором оставалась неубранная сахарная свекла. Она лежала в земле уже вся мёрзлая, но это было съедобно и самые смелые и отчаянные бросились выдирать эти мёрзлые корни из земли. Тут же они получали прикладами по голове, по спине. Люди соглашались получать эти удары ради этого мёрзлого буряка. Я была довольно шустрая, сумела выдернуть три буряка. Мы их кромсали и грызли до самой Печоры.

Где-то с начала декабря 1941 года началась наша Печорская эпопея. Вошли на территорию бывшего санатория, за нами захлопнулись ворота и мы оказались в запертой клетке. Потом мы уже поняли, что это был задуманный лагерь смерти и мы оказались в этом лагере первооткрывателями: до нас там никаких узников не было. Потом уже стали прибывать всё новые и новые партии таких же несчастных с разных мест. Нас разместили в пустующих палатах главного корпуса санатория в три этажа. В палаты загоняли помногу людей, ужасная теснота, набивалось народу так, что негде иголке упасть. После нас стали прибывать люди из Брацлава, Могилёва, потом появились люди

из Шпикова, были ещё прибывшие из Молдавии, Румынии. В общем, лагерь всё время пополнялся всё новыми и новыми узниками. Кроме главного корпуса, о котором говорила, там были ещё другие постройки, всякие склады, кухня, вспомогательные сооружения, и все они были заполнены людьми. Одновременно с этим, население лагеря оставалось близким к постоянному. Спросите, почему? Потому, что одновременно с прибытием людей происходило их убитие: люди просто умирали. Нас ведь практически не кормили и воды в лагере тоже не было. Плюс болезни, в основном, тиф, дизентерия, плюс переохлаждение от жуткого холода, плюс систематические избиения со стороны румынских жандармов и украинских полицаев. Если сложить всё вместе, станет понятно, отчего люди превращались в скелеты и вскоре умирали. Очень многие лишались рассудка, сходили с ума в буквальном смысле этого слова. Отчётливо помню, как один красавец-мужчина бежал по территории лагеря абсолютно голый, заходил в палаты и пел еврейские песни. Его жалели, давали покушать, кто что имел, давали какую-то одежонку. Он одежду с себя срывал, оставался голым. Сколько я видела умалишённых девушек!

Надо сказать, что поначалу мы оказались в ещё более, или менее, «привилегированных» условиях. Мама, я и мои три сестры, мамина сестра с мужем и их четырьмя детьми и ещё одна семья из нашей родни – все мы заняли одну небольшую палату на втором этаже. Было довольно тесно, но были все, так сказать, свои. Однако, по мере прибывания новых групп узников, когда многие оставались на улице и просто замерзали, пришлось изрядно потесниться и в нашей палате размещалось уже до двадцати семей, но важно было, что наша родня держалась вместе. Полы в палате были деревянные, там ведь был санаторий. С голодом мы тоже как-то умудрялись бороться. Главными кормильцами были моя мама и муж её сестры. Они обнаружили в заборе лазейку, выбирались через неё за пределы лагеря, добывали в поле всё ту же сахарную свеклу, из Буга приносили воду. Сосали свеклу, как конфету, запивали водой, чувствовали себя «богачами» по сравнению с остальными голодающими узниками. Многие нам завидовали. Другим источником пропитания стали местные жители из Печоры и окрестных сёл, которые подходили к забору снаружи и

предлагали еду в обмен на вещи и драгоценности. Вещей для обмена у нас никаких не было после той самой дезинфекции в бане, но у моей замужней сестры сохранилось золотое обручальное кольцо. Ещё у мамы сохранились припрятанные часы.

В лагере был установлен такой порядок. Каждое утро в палату заходили полицаи, иногда руководитель еврейской общины, некий Циммерман из румынских евреев, специальная похоронная команда. Скончавшиеся за ночь тела выносили, остальных выгоняли на улицу, пересчитывали, устраивали перекличку. Как-то, в очередной раз, полицаи разрешили тем, кто умеет петь, пойти к забору для обмена вещей на продукты. Первой вызвалась петь моя мама. Её спросили, какие песни она знает. Ответила, что знает советские песни, украинские народные, еврейские. Ей сказали, чтобы она пела на украинском языке песни с таким текстом: «Ми - жиди пархаті, ми – жиди засрані, ми – жиди паршиві, ми – жиди завшивлені» и дальше в таком же духе. Делать нечего, мама ещё с другими узниками и узницами пели такие песенки под диктовку полицаев и под их аккомпанимент и плясали. Привлечённые песнями и музыкой, вокруг них собралась толпа узников. Удовлетворив свои низменные амбиции, полицаи решили ещё поиздеваться. Они позволили приблизиться исполнителям к забору, но установили строго ограниченное время в пять минут. При этом пригрозили, что просрочившие это время будут расстреляны. Все допущенные пустились бегом к забору. Вот тогда мама и поменяла золотое кольцо на буханку хлеба. Весь этот «спектакль» происходил при большом скоплении узников. Что сделала мама с этим «богатством», буханкой хлеба? Она нам не позволила её скушать. Разрезала на небольшие кусочки, расстелила в коридоре тряпку, разложила на ней кусочки хлеба и давала людям в обмен на любые вещи. Затем опять пела, шла к забору и обменивала вещи на хлеб. Такой вот «бизнес»! Правда, бывали и «проколы» в этом бизнесе. Некоторые недобросовестные крестьяне вещи забирали, а в обмен ничего не давали. Так, у мамы какой-то негодяй взял мамины часы и убежал с ними. А что тут сделаешь? Он, ведь, по другую сторону забора. *Далее последовал подробный рассказ Дони о трагическом случае с рассыпаными вишнями и погибшем парне.*

С этим рассказом читатель уже знаком, не стану повторяться.

Однажды в лагерь заезжает несколько машин с эсэсовцами. Их можно было отличить по чёрной форме с повязками на рукавах, по эмблемам с черепом и костями. Всех обитателей лагеря выгнали на улицу и стали загружать в машины. Каждый старался подходить к машинам как можно позже. В одну из машин попали мои две сестры. Как оказалось позже, как ни странно, в этом было их спасение. Они оказались на работах в садах села Рахны и, в конечном итоге, остались живы. Шестидесятилетний муж моей тёти, а также её дети: Доба, Зисл, Матер также оказались в одной из машин. У второй маминой сестры, Симы, был двухлетний ребёнок. Так его вырвали из рук матери, швырнули о дерево, а саму Симу затолкали в машину. Были истошные крики, вопли, слёзы, но ничего не помогло. Помню, как Сима кричала маме уже с машины: «Лея, спаси моего Фимочку!». Мама, конечно, подобрала окровавленного ребёнка, как могла, забинтовала, остановила кровь, приласкала. Ещё помню, как немцы успокаивали отъезжающих на машинах: «Не плачьте, вы будете спасены, а тем, которые остаются, грозит гибель». Через несколько дней в лагере стало известно, что их увезли в Вороновицу и там расстреляли. По крайней мере, мне известно о гибели почти всех членов семьи маминой сестры. Среди увезенных была моя двоюродная сестра, красавица Циля. Когда их привезли в Вороновицу, один из полицаев предупредил Цилю, что на следующий день все они подлежат расстрелу, и что ей следует бежать. Этой информацией она поделилась со своей тётёй, той самой Симой, чей ребёнок пострадал от взбесившегося немца. Вороновицкий лагерь был опутан колючей проволокой, с очень узкими просветами между рядами. Циля была худенькой и сумела пролезть, а Сима там и осталась, только попросила позаботиться о малыше. Циля благополучно выбралась на волю и вернулась к нам, в Печорский ад. На неё страшно было смотреть: чёрная, окоченевшая, побитая, измученная. От неё мы и узнали всю правду о судьбе вывезенных «на работу» узников. Ещё через день мы увидели через забор людей, идущих с лопатами. Они очень жалобно смотрели на нас. Кто-то из них сказал: «Мы идём копать для вас

могилы». И опять, в который уже раз, я выслушал драматическую историю о готовившемся и, так и не состоявшемся, полном уничтожении всех узников лагеря. С тем нюансом, что Доня и её мама во время препирательств между немецкими и румынскими властями сидели в кузове машины несколько часов в страшном ожидании своей участи. Об активном участии некоторых евреев в издевательствах над своими соотечественниками Доня рассказала:

- Комендант лагеря, румынский еврей Циммерман очень старался выслужиться перед румынскими и немецкими властями. В частности, его резиновая плётка очень часто «гуляла» по спине моей матери. Это я видела собственными глазами. Циммерман, хоть и жил за пределами лагеря в несколько привилегированном положении по сравнению с остальными узниками, тоже был подневольным, какого либо веса или авторитета не имел. Другим евреям помочь ничем не мог. Старался изо всех сил, чтобы сохранить своё положение. Были евреи и среди полицаев. А наш тульчинский врач Вишневский, которого все уважали в Тульчине, проявил себя в лагере в самом дурном свете. Правда, отношение к нему было неоднозначным. Он жёстко требовал соблюдения элементарных правил гигиены. Например, заставлял выносить из коридоров то, что накапливалось там в течение ночи. Желающих делать это было мало, приходилось заставлять, применяя физическую силу с использованием той же плётки. Любопытно, что после войны он подвергался суду и был оправдан именно за попытки предупреждения массовых заболеваний узников. Кстати, о гигиене. Мы ведь были живые люди, надо было умываться, да и жажду утолить. Единственным источником воды в лагере была река Южный Буг. Поход к Бугу часто превращался в игру со смертью. На противоположном берегу реки располагалось село Соколец, и на него распространялась юрисдикция Германии. Там располагались немцы с пулемётами, а мы становились для них живыми мишенями. Надо ли говорить, что далеко не все возвращались в лагерь после похода за водой. Попытка соблюдения гигиены часто заканчивалась смертельным исходом. Или тяжёлым ранением, что в условиях лагеря было равносильно смерти. Были случаи, когда особо кровожадные немцы перебирались по камням в узком месте реки на территорию

лагеря и уже здесь убивали людей. Только моей родни, в общей сложности, погибло около тридцати(!) человек. Мы своими глазами видели, как медленно и мучительно происходит смерть от голода. *Уважаемый читатель! В этом месте Доня Преслер подробно, в анатомических деталях, рассказала в ходе интервью, как происходит смерть на глазах у девочки. Я не решаюсь здесь пересказывать эти подробности, это выше моих сил. Поверьте, это – ужасно!*

Мы объединились ещё с двумя девочками, одну звали Лиза, другую – Нюся. Нашли лазейку в лагерном заборе и стали ранним утром выбираться из лагеря, заходить в село Печору, становились у крыльца дома и пели всякие жалобные песни. Люди сердобольные нам кое-что подавали из еды. С ужасом сейчас вспоминаю один эпизод: неужели это происходило со мной?! Никогда не забуду. В очередной раз подошли к одному дому, смотрим, огромное корыто, из которого обычно едят свиньи, а в нём – куски свеклы, картофельные очистки, отруби, в общем, корм для свиней. Между нами происходит диалог.

- Девочки, посмотрите, сколько еды!

- Но это приготовлено для свиней.

- Ну и что? Пока хозяева не видят, давайте поедим. Здесь всё съедобно.

- Ты с ума сошла! Если увидят – убьют. В лучшем случае, сдадут лагерным охранникам на растерзание.

В этот момент на крыльце появляется хозяйка дома. Мы стали слёзно просить дать чего-нибудь поесть. Она вынесла по кусочку хлеба и по картофелине. Поели, но не наелись. Я ей говорю: «Можна, ми поімо з корита?». Она прослезилась: «Іжте, дітки». Мы присели к корыту и набросились на корм. Нам тогда казалось, что вкуснее ничего не бывает. Через какое-то время женщина забеспокоилась: «Зупиніться, не можна за один раз так багато їсти». Так я впервые за долгое время наелась, что называется, доотвала. Если говорить о пропитании, вспоминаю ещё один жуткий эпизод. С нами в лагере был некий Тулька, который однажды принёс из-за стен лагеря... курицу! Когда его стали допрашивать с пристрастием, откуда такой деликатес, выяснилось, что в яме были закопаны сдохшие от чумки куры, собаки разрыли эту яму, там Тулька эту курицу и взял. Тут же появились желающие отведать курятину. Смельчаки пробрались

к той яме и приволокли в лагерь несколько кур. Местные жители умоляли не брать этих кур, но их не слушали. Люди были настолько изголодавшиеся, что им уже было всё равно, отчего умереть: с голоду или от заражённых кур. Многие ели. Что с ними дальше было, мне неизвестно. Кому было суждено выжить – выжили. Помимо наших общих проблем с питанием, я ещё и заболела – что-то стряслось с моими ногами, просто не могла встать на ноги, буквально ползала на коленях. Вероятней всего, я их сильно застудила в холода на голом полу без обуви. Перестала быть «кормильцем». Пришлось маме перенимать мой опыт хождения в село и попрошайничать. Сколько раз она возвращалась вся избитая, чуть живая после этих вылазок! Потерпит, полежит на животе с недельку и опять в село за едой. Сколько людей умирало от голода. Полежит несколько дней и... ушёл в мир иной. Надо было вертеться, чтобы выжить!

Однажды в лагерь заехала группа румынских солдат и предлагает желающим поехать в село близ Тульчина для работы на току с питанием. Не зная, что там ждёт впереди, но хорошо понимая, что здесь не выжить, пожелали все. Все не нужны, начали «сортировать» людей. Этот процесс поручили Циммерману. Как мама ни уговаривала его отправить её вместе со мной в село на работу, он категорически отказывал ей. Объяснял, что у мамы ещё есть одеяло, в котором она ходит днём, а ночью укрывается, она ещё способна выжить, а отправляют совсем безнадежно умирающих и беспомощных. Так, или иначе, нам суждено было остаться. Всю ночь перед отправкой «счастливчиков» в село мы проплакали, а они, наоборот, радовались и с нетерпением ждали следующего утра. И на следующий день их увезли. Лагерь в значительной мере опустел. А ещё через день стало известно, что произошло какое-то столкновение между румынами и немцами, началась стрельба и все эти люди погибли. Помню, Циммерман подошёл к маме и ехидно так говорит: «Ну, что, мадам Тольба, вы всё ещё недовольны, что не уехали?».

Тем временем, события на фронте развивались в пользу советских войск, стали появляться листовки с призывом держаться, скоро наступит освобождение. В какой-то день, это было уже в 1944 году, в лагерь опять зашла большая группа румынских солдат, а всех узников загнали в главный корпус,

закрыли снаружи и предупредили, чтобы никто не смел пытаться выйти. Все собрались в вестибюле. Ни еды, ни питья не давали, на улицу не выпускают: западня! Сидим день, сидим другой. Все в ужасе, не знаем, что происходит снаружи, что с нами будет. С нами в лагере был ещё родственник, его звали Мойша. Вот он всем и говорит, мол, что же мы сидим и ждём смерти. Надо что-то предпринимать. Давайте взломаем дверь, вырвемся на свободу, пока солдаты будут заряжать и перезаряжать своё оружие, многие из нас смогут бежать, получат шанс спастись, а если оставаться здесь, все погибнем. И что вы думаете? Люди вняли его словам и решили действовать. Переводчица Поля подошла к двери, подозвала румынского охранника, попросила открыть дверь, чтобы задать несколько вопросов. Когда открылась дверь, толпа хлынула и бросилась в разные стороны от корпуса. Что тут началось! Люди бегут, началась беспорядочная стрельба, крики, истошные вопли, падающие тела. Очень многие падали замертво, много раненых. Погиб и Мойша, инициатор решительных действий. Не знаю, сумел ли кто-то в этой ситуации покинуть лагерь навсегда. Нам с мамой бежать не удалось, старались спастись от летящих пуль, искали хоть какого-то убежища. Каким-то образом оказались в подполье, в траншее, где когда-то был водопровод и канализация, «возможно. Переждали там какое-то время, а когда стало тихо, возвратились на свои прежние места. Было уже начало марта 1944 года. В один из дней нам было разрешено пойти к Бугу за водой. Мы с мамой облачились в какое-то тряпье, мама накрылась своим неизменным одеялом, взяли с собой имевшиеся жестяные коробочки и пошли к Бугу. Затем, найдя в стене около реки лазейку, пробрались через неё и выбрались за территорию лагеря. Так для нас закончилась печорская лагерная эпопея. Но впереди нас ждали другие испытания. Как я сказала, был месяц март. Мы полураздетые, я босая, сверху холодный дождь со снегом, кругом румыны, готовящиеся к бегству. Наше счастье, что им уже было не до нас, никто нас не трогал. Когда наступила ночь, я уже совсем выбилась из сил. Говорю маме: «Ты иди, спасайся, а я идти дальше не могу. Останусь здесь, что будет, то будет». Мама, конечно, не согласилась. Увидела сарай, по-местному, шопу, и предложила спрятаться там до утра, хотя бы сверху не будет

лить на нас. Так и поступили. Внутри было сено, мы с мамой улеглись на него, прижались друг к другу, попытались заснуть. Надо же такому случиться, меня разобрал непроходящий кашель, мама в ужасе, накрывает меня с головой, закрывает рот, а я всё кашляю и кашляю. Открывается дверь, заходит мужчина с керосиновой лампой в руках: кто такие? Мама на ходу сочиняет байку, не говорит, что бежали из лагеря, просится переночевать в этой шопе. Тот смилостивился, предложил зайти в хату, мол, замёрзнете в шопе. Зашли, а там тепло, уютно, пахнет хлебом. Нам тогда показалось, что мы оказались в раю после Печоры. Хозяйка напоила нас молоком с хлебом, развесила наши мокрые тряпки на печи, а мы заснули, как убитые. Ещё было темно, когда она нас тихонько разбудила. Быстро собирайтесь, говорит, пока пьяный муж спит. Он, говорит, злой полицей. Ваше счастье, говорит, что был пьян с вечера, пьяным он бывает добрым. Сказала, что покажет, как пройти в другую хату, где живёт нищенка, у которой можно надёжно спрятаться. Если эта женщина жива, к сожалению, не знаю ни имени, ни фамилии её, дай ей Бог здоровья, чтоб она не знала горя! Она пошла впереди, мы – за ней. Она привела нас в хату на самом краю села. Село называлось Данькивка, это недалеко от Печоры. Когда зашли в этот небольшой домик, то обнаружили там... ещё человек десять таких же, как и мы, беженцев из Печорского лагеря. Там и мы на какое-то время обосновались. Имя хозяйки этого дома я запомнила – Малайя. Тем временем, линия фронта приближалась к этим краям. Помню, была сильная бомбёжка, люди прятались в погребах, всяких укрытиях. Был в то время и такой забавный эпизод. При очередной бомбёжке, когда сельские жители попрятались, мы, евреи, бывшие узники, остались в доме. Кто-то обнаружил много фасоли и предложил, пока хозяйки нет, полакомиться фасолью. Сварили и наелись фасоли досыта. *Видимо, чувство голода оказалось сильнее страха смерти.* А вскоре в село вошли советские солдаты. Сколько было радости, все кричали «Ура!». Красноармейцы были сильно удивлены, когда увидели живых евреев, смотрели на нас, как на пришельцев из космоса. Они знали, что немцы всюду евреев уничтожали. Мы им объяснили, где и как мы выжили, а затем вместе с ними возвратились в тот же Печорский лагерь. К

тому времени лагерь почти полностью опустел. Думаю, что там оставалось человек сорок-пятьдесят...

По возвращению в Тульчин жизнь была ещё довольно тяжёлая. Наш дом был развален, жить негде было. Спасибо, мамина сестра Шейнда нас приютила. Предприятия не работают, работать негде, жить не на что. В Тульчине было много военных красноармейцев, вели себя по-разному. Многие казались себе бравыми солдатами, днём напивались, ночью рыскали по городу в поисках любовных утех, приходилось прятаться. Так, что оставалось много неразрешимых проблем. И всё же, это уже был не Печорский лагерь, не «Мёртвая петля»...

ПЁТР РОЗЕНБЕРГ

...Перед войной в нашем доме было довольно тревожно. Недалеко от нашего дома располагался штаб кавалерийского полка. Уже сейчас, отслужив в армии и вспоминая то время, догадываюсь, что перед войной вокруг штаба происходила какая-то суеда, часто менялись часовые, чего прежде не было. Муж моей тёти Фиры был военным, от его разговоров со взрослыми тоже исходила тревога. Я не мог тогда вникать во все тонкости, но были разговоры о Германии, о Гитлере, о заключении мирного договора. Помню, был странный человек с большой бородой, не то старик, не то средних лет, не местный, откуда-то с Прибалтики. Помню, он заходил к нам, мама давала ему покушать. И он тихонько говорил с мамой о том, что в Европе уничтожают евреев, это каким-то образом сохранилось в моей памяти. Военная тема была актуальной в нашем доме ещё и потому, что отец мой был мобилизован в 1940 году на финскую кампанию и возвратился невредимым.

- Были ли среди ваших родственников такие, что подвергались преследованиям.

- В связи с этим могу только вспомнить, что упомянутый муж тёти Фиры, дядя Яша имел какие-то серьёзные неприятности из-за того, что его отец был раввином. Видимо, этот факт послужил препятствием в его офицерской карьере и вызывал неприязнь его старших командиров. Однако, с началом войны, все эти проблемы исчезли, он достойно воевал и в звании полковника погиб в Германии 8 мая 1945 года. Попутно добавлю, к сожалению, что их дочь в 1953 году утонула в Неве. Такая тяжкая доля выпала моей доброй тёте.

Начало войны совпало как раз с похоронами моего дедушки. Отец с матерью поехали в Брацлав на похороны, а обратно возвращались уже, когда возникла паника, началась суматоха, попутную машину нельзя было поймать, тогда ведь автобусов не было, и они пешком добирались до Тульчина. Это было 22 июня, а в самом начале июля отца мобилизовали на фронт и больше мы его не видели. Только на имя бабушки пришло извещение, что её сын, верный присяге и воинскому долгу погиб 5 августа 1944 года в Венгрии, город Дебрецен.

Вначале, когда в город вошли немцы, а затем румыны, мы оставались в своих домах. Но вскоре на согноли в школу, там, как я понимаю, было организовано гетто, или место для концентрации евреев. Не помню точно, сколько времени мы побыли в этом гетто, может, с месяц, но глубокой осенью, было холодно, дождь, грязь – нас погнали в Печору. С собой мы ничего почти не взяли, что у нас было в той школе-гетто? Мама взяла узелок с какой-то одежкой, о еде говорить не приходится. По дороге нас, конечно, тоже не кормили, разве что плётками и тумаками. Я после войны работал шофёром, все эти дороги хорошо знаю. Гнали через Копиевку, далее, Шпиков и пригнали в Печору. Идти было очень тяжело, кто мог идти, тот шёл, кто не мог – тут же добивали, люди оставались просто лежать на земле. Кто из них выжил, кто умер, мне неизвестно. Думаю, умерли все. Гнали нас немцы, румыны, полицаи на лошадях, в руках плётки. Идёт, скажем, старик, еле плетётся, остановился, чтоб перевести дух, в этот момент подскакивает кто-то из сопровождающих, несколько ударов, старик на земле и уже подняться не может. Мне было тогда десять лет, наверное, память в этом возрасте многое удерживает, события зарубцовываются.

- Много осталось лежать на дороге?

- Много, очень много. Дело в том, что здоровых мужчин к тому времени в Тульчине не осталось. Все, кто пригоден к воинской службе, за эти несколько месяцев уже служили в армии, находились на фронте. А кто остался? Женщины, старики, дети, инвалиды, больные.

- И вот вы подошли к Печоре. Куда вас привели, что вы увидели перед собой?

Нас привели к воротам бывшего до войны санатория, а ещё раньше это было имение графа Потоцкого. Перед нами предстала огромная территория, огороженная высоким, красиво сложенным, каменным забором. Большие вековые деревья. На территории много строений: большое каменное здание, часовня Потоцких, маленькая церквушка, отдельно – кухня, баня, конюшня, всякие подсобные помещения. Всё сделано добротно, красиво. Да и сами ворота красивые. Огромный ухоженный сад. Большинство людей расположилось в бывших палатах санатория, человек по двадцать. Наша семья, мать и трое детей,

оказались в подвале этого здания. Ни кушать, ни пить не давали. О лечении больных и говорить не приходится, загнали нас туда, ну, просто, как животных. Хотя животных домашних кормят. Я сейчас и не представляю, как жили. Мне кажется, на фронте легче было. Помню, в подвале вели наверх деревянные ступеньки и помню, что утром на этих ступеньках лежали трупы. И каждый день появлялись люди, евреи, такие же узники, забирали эти трупы и на повозке увозили их за пределы лагеря. Сейчас на том месте стоит памятник. Ещё я запомнил, что люди там сходили с ума, и такое было. Помню, как по лагерю бегал молодой человек, говорили, что это был врач из Бессарабии, абсолютно голый. А в руке у него была высокая жестяная баночка, вроде как из под сгущённого молока. Он до сих пор у меня перед глазами, этот врач. Очень много людей нашли смерть в этом лагере. Иногда можно было видеть трупы детей, валяющихся прямо на территории лагеря. А сколько истощённых, как скелеты, или, наоборот, опухших от голода! У меня нет точных сведений, но где-то было написано, что в Печорском лагере погибла двадцать одна тысяча людей. Туда ведь сгоняли людей из разных мест: Тульчин, Джурин, Шпиков, Могилёв-Подольский, Брацлав, Бессарабия, Румыния... Я охотно верю в такую оценку, так как видел всё это своими глазами. Бывало, на твоих глазах идёт человек и вдруг падает замертво.

- Вы говорили, что в Тульчине у Вас была большая семья по материнской линии. В Печору они тоже попали вместе с вами?

- Да, мамина сестра с двумя детьми, мамин брат со своей семьёй, ещё там были двоюродные братья и сёстры, я уже всех не помню.

- Ваша семья оставалась в Печоре до самого освобождения?

- В июне 1943 мать умерла, не выдержав испытаний. А вскоре умерла сестра, а затем и брат. Один я остался из всей нашей семьи.

- Я понимаю, что они умерли с голоду. Но до сорок третьего года вы как-то продержались. Как вы добывали хоть какую-то еду?

- Всё только благодаря добрым украинским жителям Печоры и окрестных сёл. Они подходили к забору и перебрасывали, передавали что-то из еды. А мы подходили к этому забору в надежде таким образом раздобыть хоть что-

нибудь из еды. Очень многие из выживших должны быть благодарны этим людям. Но были и другие украинцы. Я имею ввиду тех, которые пошли в услужение новым властям. Особенно свирепствовал однорукий лагерный полицаи по фамилии не то Сметанюк, не то Сметанский. Очень он любил бить палкой узников просто так, ради своего удовольствия.

- Вы также попадались на глаза полицаю?

- Попадался. И получал изрядно палкой. Мы иногда пытались что-нибудь сварить картошку, или картофельную шелуху. И, чтобы развести огонь, ломали сухие ветки с деревьев. Если это «нарушение» заметит Сметанский, наказание последует незамедлительно.

- Известны ли Вам случаи, когда люди в поисках пищи выходили из лагеря, а затем возвращались?

- Да, такое мне известно. В том месте, где забор примыкал к речке, можно было изловчиться и выбраться за пределы лагеря. У тех узников, у которых ещё сохранились какие-то ценности, могли подкупить полицаю. Тот делал вид, что не видит, человек выходил на свободу, бродил по окрестным сёлам, что-то выменивал или выпрашивал. Такое бывало. Многие ли воспользовались такой возможностью? Не думаю. Потому, что совсем у немногих оставались ценности, на которые купился бы полицаи.

- А ваша семья использовала такую возможность?

- Мама ходила раза два. Несколько раз и я с ребятами постарше выбирался из лагеря в поисках еды. Помню, был Монастырский Шойл, он умер, Семён Мильштейн, он сейчас в Израиле живёт, с этими мальчиками я ходил в село. Особо много еды нам не доставалось, но как нас отлупил полицаи, настигший нас около церквушки, я запомнил надолго. Кстати, били нас нещадно. Помню мальчика по имени Рувин. Его так избивали, что повредили позвоночник. Он остался жив, но всю свою недолгую жизнь оставался горбатым калекой. Лишь намного позже, когда у самого появилась семья, дети, которых надо кормить в мирное время, я стал понимать, насколько тяжело приходилось моей маме. Представляете, трое голодных детей и сама голодная. Я ещё раз повторяю, пусть на меня не обижаются фронтовики, но, судя по книгам, по кинофильмам, сравнивая с тем, что мы пережили, на фронте было немного

легче: солдаты имели хоть кусочек хлеба. Я никоим образом не отрицаю опасность для жизни, которая всегда подстерегала солдат. Но, пока были живы, думаю, не голодали, как мы. Я именно это имею в виду.

К июню 1943 года из всей моей семьи я остался один: мать, сестричка и братик умерли. Мне также угрожала голодная смерть. Но с этого времени в лагере меня уже ничто не удерживало. И я бежал. Бродил по сёлам, просил покушать, спал в соломе, лесу. А в селе Паланка меня поймали полицаи. Вместе с румынами изрядно меня поколотили, посадили на подводу и привезли... обратно в лагерь. На проходной ещё пару раз прошлись по спине палками и на этом мой побег завершился. И опять продолжились мои мытарства в этом лагере. Бывало, с ребятами спускались к Бугу и там проводили время, пока полицаи не разгонят. Постоянного места я не имел, мне было абсолютно всё равно, где спать. Где лёг, там и заснул. Всё равно где: на полу, без подушки, без одеяла, без ничего. Людей постарше меня брали на работы. И что интересно, на работу брали, но что за работа, остальные не знали, Потому, что с этих работ практически никто обратно в лагерь не возвращался. Понятно было, что их там либо сразу, либо через какое-то время убивали.

- Известны ли вам случаи, чтобы какие-то семьи из ваших земляков или знакомых выбирались из лагеря, где-то прятались, оставались живы и вы позже с ними встречались?

- Нет, такого я не припомню. Молодые ребята, шустрые мальчишки вырывались, но чтобы семьями, такого не знаю.

- Одновременно с вами на территории лагеря были не только узники, была и охрана, лагерное руководство. Чем они питались в течение дня?

- У них на территории лагеря была шикарная кухня, полная продуктов, столовая. У них было чем питаться, они не голодали. Да и в самой Печоре они имели где жить и что кушать.

- Все ли узники концлагеря были в одинаково тяжёлых условиях, или кому-то было полегче?

- Полегче, на мой взгляд, было двум категориям узников. Первые, это, как и в обычных условиях, те, которым и до войны было полегче: кто был побогаче и сумел сохранить какие-то ценности в лагере. Вторые, это те, у которых в лагере были

близкие родственники: братья, сёстры, тёти, дяди и т.д. Как-то выручали один другого. Пока был жив мамин брат, дядя Янкль, он нам немного помогал. Он был хорошим мастеровым человеком, работал на территории лагеря в мастерской, иногда мы приходили к нему в мастерскую, он даст кусочек хлеба. Когда же его расстреляли, оборвалась и эта маленькая поддержка. А вскоре, как я уже говорил, умерла мать, сестра и братик. А отец погиб в 1944 году. Мы от него никакой весточки так ни разу и не получили. Может, он и писал на наш адрес, но... где адрес, а где были мы.

- Скажите, за всё время вашего пребывания в лагере были попытки евреев как-то объединиться, что-то предпринять против этих ужасных условий вашего существования?

- Что-то было. Естественно, я был слишком мал, меня никто не посвящал в дела взрослых. Но я знаю, что собиралась группа молодых ребят, которым было по 16-17 лет, кто-то извне пробирался к ним в лагерь. Возможно, у них были связи с партизанами или с подпольем. Потом стало известно, что к ним втёрся в доверие провокатор, был организован сбор самых активных, затем облава, всех задержали и, конечно же, расстреляли. В Брацлаве стоит памятник, посвящённый именно этим ребятам, пытавшимся организовать восстание в лагере. Такое мне известно. Вспомнил в связи с вашим вопросом такой факт. Когда вошли в лагерь наши освободители, советские войска, один из красноармейцев, еврей в звании старшины, бывший парикмахер, неожиданно для всех выхватил из рук офицера не то автомат, не то пистолет, и выстрелил в упор в стоявшего поблизости полицая. Тот упал замертво. Брацлавчане должны помнить этот случай.

- Охрана была многочисленная?

- Да, очень много полицаяев. В том имении Потоцких были не одни ворота, а несколько. Открытыми оставались только одни ворота, остальные были закрыты, но возле них стояла охрана. И около Буга, и по всему периметру забора, везде стояли охранники. Надо сказать, служба в лагере была налажена, как следует. Там же был и вспомогательный персонал, который обслуживал лагерное начальство, были у них свои врачи, всё у них было отработано до мелочей. О себе они хорошо заботились. Только узники, евреи оставались одни со своими проблемами. В

августе сорок третьего я совершил второй побег. Почему-то меня занесло в Брацлав, оттуда попал в Слободу, где жили русские староверы, пристроился к маслобойне. Русские оказались очень хорошими людьми, подкармливали меня. Хотя многим рисковали, если узнали бы румыны или полицаи. Жил я у старушки, у которой был мой ровесник, к тому же звали, Петей, как и меня. Мы с ним вместе и с другими ребятами пасли лошадей. Однажды мы вчетвером нашли гранату-лимонку. Меня послали в маслобойку за клещами, чтобы вытащить чеку. Пока я бежал за клещами, кто-то из них сумел потянуть за кольцо, граната взорвалась в руках и все трое погибли на месте. А мне суждено было и здесь остаться живым. На взрыв стали сбегаться люди, а, вместе с ними, и румыны. Я быстро сообразил, что мне угрожает опасность, пустился наутёк. После похорон старушка сказала мне: «Мой Петенька погиб, оставайся у меня вместо него». Так я у неё и остался до конца войны. Звали её Афанасенко Хаврония Лаврентьевна. Недавно я получил письмо из Иерусалима с просьбой подтвердить сведения об этой женщине с тем, чтобы присвоить ей звание Праведника Мира. Она вполне заслуживает этого высокого звания и я сделаю всё, от меня зависящее, чтоб она это звание получила. Тем временем, как круглую сироту, меня направили в Брацлавский детский дом. Там нас неплохо кормили, одевали, но я томился этим домом, сбежал из него и возвратился к моей спасительнице, называл её своей бабушкой. Я ещё долго надеялся, что отец вернётся с фронта и что не буду одиноким. Однако, чуда не произошло, отец не вернулся...

ШЕЛЯ ВАЙСМАН

...Для меня война началась с бомбёжки. Помню, что мы все оказались в подвале, мы с сестричкой забились в угол и ждали, когда это закончится. Но братик, непоседа, всё порывался выскочить за дверь, за что мама его ругала. Позже, когда в город зашли немцы, помню, как один из них среди ночи застучал в дверь с криками на немецком, чтобы ему открыли. Когда ворвался в дом, велел открыть шкаф и стал там рыться и что-то искать. Разбросал всё, что там было, что он там искал, не знаю, что забрал, уже не помню. Но испугал всех до смерти, дал понять, кто теперь хозяин в Брацлаве.

...В один зимний день поступила команда всем срочно собраться на площади с вещами. Помню, мама схватила висевшие после стирки вещи, быстро собрала нас, детей. Мне было в ту пору восемь лет, брату - десять, а младшей сестричке четыре года. С нами был и отец с мамой. Помню, всех подгоняли палками, чтоб скорее собирались. Был сильный мороз. Сестричку Раечку посадили на подводу, а мы пошли пешком. Пошли в сторону села Марксово. Когда дошли до колодца, мама увидела около него знакомую женщину, украинку, которая до войны заказывала отцу шитьё. Мама обратилась к ней с мольбой: «Нас ведут на погибель, возьмите ребёночка, пусть хоть кто-то из нашей семьи останется живой». И шепнула мне: «Останься здесь, не иди с нами». Я стою и не знаю, что делать. Вдруг ко мне подошёл сопровождавший нас румын, приподнял мой подбородок, что-то произнёс на румынском языке. Я ничего не понимаю, но люди стоявшие поблизости, стали мне жестами показывать, чтобы я шла к ним. В этот момент ко мне приблизилась знакомая мне девочка, Надя, подхватила меня и увела в сторону, а вся колонна ушла уже вперёд. Таким образом, родители с Раечкой ушли, а я осталась. Вместе с Надей пошли обратно в Брацлав. Надо же такому случиться, что на обратном пути мы встретили моего старшего брата, Изю и бабушку. Когда вошли в дом, глазам своим не поверили: дом был абсолютно пуст. Ни вещей, ни мебели, как будто здесь не жили много лет, а ведь и дня не прошло с тех пор, как мы вышли из дома. Правда, на кухне оставался мешок картошки и бадья с посудой. Наш дом состоял из двух половин. На второй половине жил наш

сосед, стекольщик Дувид, которого оставили, как нужного специалиста. Мы ему рассказали нашу короткую историю. *Опуская незначительные подробности, связанные с тем, как одни родственники избавлялись от Шели и передавали её другим родственникам, зафиксирую лишь факт отправки нашей героини в концлагерь «Мёртвая петля» в Печоре, где и встретилась опять с мамой*. Что там творилось, в этом лагере! Кругом грязь, теснота, вши, без еды. Немного поддерживали люди, приносящие хоть какую-то еду. В один из дней в этом лагере появилась бабушка, вся избитая, едва дышавшая. Она просто лежала на полу без движения. Так она пролежала ночь, а на следующее утро она перестала дышать. Трупы из лагеря выносили и никак не хоронили. Я не помню, чтобы кто-нибудь брал в руки лопату. Посто выбрасывали на растерзание собакам. Первое время, пока мы не освоились с этими дикими условиями, было очень тяжело выжить. Всех женщин обрили наголо, одежду забирали. Мы себе не представляли, как можно выжить вообще. Спасибо местным украинцам, которые хоть как-то помогали. Если ещё оставались какие-то вещи, их можно было обменять. Скажем, у мамы была пара туфель, она обменяла их на буханку хлеба, платье – на стакан фасоли. А как сварить? Два кирпича, между ними сухие листья, развели огонь, что-то начинает булькать в жестянке. В этот момент мог подойти румын или полицай, одно движение ногой и... все наши старания оказываются напрасными. Немного легче стало, когда мой отец стал нужным, как портной. Его отвезли в село, в какую-то хибару, там он стал шить одежду для руководителей и служб лагеря. У него появилась возможность хоть немного зарабатывать на пропитание нашей семьи. Даже при этом мизерном подспорье нам не хватало еды для поддержания жизни в наших телах. Мы с сестрой стали дистрофиками - кожа да кости. Отчаявшаяся мама, глядя на нас, возможно, потеряв на какое-то время способность рассуждать, занесла нас в мертвецкую и положила рядом с покойниками. Узнав об этом, отец разгневался, отругал мать и велел немедленно забрать нас из мертвецкой. После этого случая мать стала выбираться из лагеря и, под видом крестьянки, ходить по сёлам и попрошайничать. Внешне мама не отличалась от украинок и это ей помогало не быть узнанной. Справедливости ради надо

сказать, что, как правило, ей не отказывали, давали, кто что мог. Однако, не всё, что мама получала, доставалось нам. Сволочи полицаи, если обнаруживали её на подступах к лагерю, тут же всё забирали. Хорошо ещё, если только забирали. А бывало и так, что заберут, ещё и избьют. Но, когда мама приносила еду, был такой праздник! У меня и сейчас, пока вам всё это рассказываю, всплывает картинка перед глазами. Как мы с сестричкой садимся, берём эту драгоценность, кусочек хлеба, крошим его на тысячи мелких-мелких кусочков и кладём в рот и долго-долго разжёвываем, всё растягиваем удовольствие. О смерти маминой мамы я уже рассказала. Потом настал черёд папиной мамы, второй бабушки. Точно также угасала, пока не скончалась рядом с нами. И опять я с ужасом вспоминаю, как в одном помещении одновременно подолгу находились живые и мёртвые. Мы, наверное, из железа, если смогли всё это пережить. Спасибо отцу, который своим шитьём, спаибо матери, которая своими походами по сёлам, сумели поддержать наш моральный дух и физические силы выжить в тех условиях.

Однажды брат попросился к маме в помощники и пошёл вместе с ней попрошайничать. Вылазка получилась крайне неудачной. Их обнаружили, стали гнаться за ними, они стали убегать, от погони удалось скрыться. Потом они всю ночь провели в поле, возвратились в лагерь без «трофеев», измученные, перепуганные. Особенно болезненно всё это отразилось на братике, после этого случая он стал угасать, болеть, в конце концов здоровье оказалось настолько подорванным, что не выдержал и скончался. Незадолго до смерти отец слёзно просил лагерного врача Вишневского оказать мальчику хоть какую-то помощь, но тот цинично в помощи отказал, ещё и отругал отца за обращение к нему. После этого был ещё случай, когда жестоко побили мать, отец имел неосторожность обратиться к тому же Вишневскому. В этот раз Вишневский не только не оказал помощь, а ещё и избил отца своим сапогом. Вот такой, с позволения сказать, еврейский «врач», дававший клятву Гиппократу. Надо сказать, в тех условиях люди зверели, во многих случаях относились друг к другу очень жестоко. А жестокость новоявленных приспешников фашистов, украинских полицаев, вообще не имела пределов. Как-то мама вместе с папой отправились в село

попрошайничать. По дороге встретили группу полицаев и среди них, Михаила Вовка, бывшего маминого одноклассника. Решение о наказании приняли коллегиально: всыпать отцу двадцать пять шомполов. И тут же приступили к экзекуции. Мама взмолилась: «Миша, остановись, не делай этого, папа – наш кормилец, без него мы все умрём. Как ты можешь! Мы ведь сидели с тобой за одной партией!». В какой-то момент Миша снизошёл: «Ладно, Броня. На сегодня хватит. Попадётесь в следующий раз – пощады не будет». После войны этого мерзавца судили, дали двадцать пять лет тюрьмы. Румынские евреи в лагере пекли традиционные блины «латаны» и продавали там же. Когда мой отец, очень голодный, попросил у одного знакомого узника кусочек, то вместо «латана» получил удар кулаком в лицо. Продолжая рассказ об условиях нашего пребывания в Печорском лагере, стоит сказать об ужасающей антисанитарии, царившей там. Кругом невероятная грязь, люди подолгу находились рядом с покойниками. Родственники ещё как-то беспокоились о захоронении, а если лежал покойник, у которого не было родных, никому до него не было дела. Понятно, что в таких условиях свирепствовали всякие инфекционные заболевания. Так что умирали не только с голоду, но и по болезням. У меня и моей сестры была жуткая чесотка. Не дай Бог человечеству ещё пережить такое. Уж лучше сразу закрыть глаза. *И в этот момент Шеля воспроизвела всё тот же ужасающий эпизод, который, естественно произвёл самое сильное впечатление на всех узников лагеря, и с которым вы, уважаемый читатель уже знакомы. Я имею ввиду готовившийся, но не состоявшийся массовый расстрел всех узников. И это нетрудно понять, как мне кажется. Такое остаётся в памяти на всю жизнь. Когда ты знаешь, что для тебя и всех остальных уже вырыты рвы и за тобой приехали машины с эсэсовцами И тут вдруг объявляют, что расстрел отменяется и ты остаёшься жив! Пережить такое потрясение! И всё-таки приведу маленький фрагмент из рассказа Шели.*

...Когда формировали отдельные группы и разъединяли семьи по половому и возрастному принципу, в какой-то момент я увидела своими глазами, как немец вырвал из рук женщины маленького ребёнка и ударом ноги, как футбольный мяч

подбросил его. Ребёнок упал замертво в нескольких метрах от немца. Мне стало плохо. Я говорю папе: «Сейчас и со мной так поступят». А он стал меня успокаивать. Видимо, я теряла сознание, помню, он стал вдвухать воздух мне в рот...

...Тот случай так сильно подействовал на нашу детскую психику, что мы ещё долго не могли прийти в себя. *Думаю, у всех людей, так, или иначе, переживших Холокост в сознательном возрасте, в той, или иной мере, нарушена психика. Душевная травма остаётся на всю оставшуюся жизнь, не говоря уже об ослабленном здоровье, особенно в самом раннем детстве.* Возвратившись в нашу палату (кстати, запомнила, №8), мы с сестричкой забились в угол, продолжали дрожать и плакать, а отец с матерью всё никак не могли нас успокоить.

Наверное, больше всего из детства запоминаются самые эмоциональные эпизоды. Вспомнилось такое. С нами в лагере была семья наших знакомых по фамилии Камнебродские. У них была девушка старше меня, лет шестнадцати, имени не помню. В один из дней в лагере стало опять тревожно, говорили, что опять приехали эсэсовцы для расстрела. Началась какая-то суета, паника, стрельба, беготня. Девушка, о которой говорила, пустилась бежать прочь из лагеря. Мама моя, поддавшись настроению, стала меня подталкивать, беги, мол, тоже. Я ухватилась за её платье, плачу и кричу, что боюсь, не хочу бежать. А мама всё толкает меня, и я уже была готова бежать. В этот момент пуля настигает девушку и она на наших глазах падает замертво. И на этот раз Бог миловал и я осталась жива. Я уже говорила, что мой брат умер в лагере. Отец его сильно любил и очень страдал, когда брата не стало. А до его смерти он всё пытался на дольше оттянуть кончину брата. Помню, он, бывало, укалывал пятку брата своей швейной иглой, как бы возвращая его к жизни. В какой-то момент после смерти брата папа объявил маме, что тоже хочет уйти из жизни, не может пережить смерть своего ребёнка. Но мама его отговорила, говорила, что надо спасти жизни ещё двух дочерей. Мои родители очень любили детей и друг друга.

...Короткая история в связи с кончиной в лагере одной нашей родственницы, маминой тёти Суры. Папин брат был зажиточней папы, у него были средства, с помощью которых

ему удалось эвакуироваться. Впоследствии он со своей семьёй благополучно переждал войну в эвакуации и они живые-здоровые возвратились домой. Мамина тётя Сура тоже была довольно обеспеченной, все об этом знали. Мой отец несколько раз просил её дать денег, чтобы всем вместе, включая и её, тётю Суру, эвакуироваться. Она денег не дала, в конечном итоге и мы, и она оказались в лагере. Там она сильно заболела, таяла на глазах. Чувя свой смертный час, она подозвала к себе папу и говорит: «Если останетесь живы, зайди в мой дом и найди там в таком-то месте столько золота, что вам всем хватит на всю оставшуюся жизнь». На что папа ей ответил: «Поздно, Сура, вы об этом вспомнили. Надо было так поступить тогда, когда я об этом просил... *Весьма поучительная история, не так ли?*

Незадолго до прихода в Печору Красной Армии, а люди уже знали о приближении фронта, в лагере началась суматоха. Стали говорить о том, что перед бегством немцы обязательно уничтожат всех узников. Сами же немцы, румыны, полицаи, наоборот, не обращали на нас никакого внимания, были озабочены спасением своих шкур, готовились к бегству. И вот, в один из дней в лагерь заехали машины и всех взрослых мужчин увезли, в том числе, и моего отца. Позже выяснилось, что их привезли в Джурин. Мой отец вместе с его двоюродным братом Романом оказались в конюшне, где их заперли. Роман в своё время был участником финской компании, был ранен, лечился в госпитале. Важно то, что он неплохо владел немецким языком. Случилось так, что Роман подслушал разговор немцев, из которого следовало, что их покормят, а затем убьют. Поделится этой «хорошей новостью» с папой, после чего они приняли решение срочно бежать из конюшни. Это произошло ночью, а под утро они оказались в Джуринской синагоге. Каково же было их удивление, когда на утренней молитве они обнаружили всех бывших «друзей по Печорскому несчастью», которых вывезли в Джурин. Оказывается, и здесь немцам уже было не до них!

Тем временем в лагере стояла тревожная тишина. Люди до конца не понимали, что происходит. Кто-то предложил всем спрятаться в огромном подвале, который был в том лагере. Все притаились и ждём. Вдруг открывается дверь подвала, в проёме советский солдат кричит: «Люди, не бойтесь, выходите, Красная Армия здесь!» Что тут началось! Не описать, не рассказать. Мама

нас обняла, целует, плачет, смеётся. Ну, что? Здесь делать больше нечего, надо возвращаться в Брацлав. Раечка закричала: «Я маленькая, не смогу идти ножками, возьми меня на руки». А мама в то время уже была... *(ВНИМАНИЕ: МАРТ 1944 ГОДА!)* беременна. Да, да! В сентябре, слава Богу, на свободе, я заполучила братика. Назвали его в честь маминой мамы Мирл - Миля. В том же, 1944 году, отец возвратился из Джурина в Брацлав и сразу же ушёл на фронт. Сказал, что не может сидеть дома, пока ещё идёт война, должен мстить ненавистному врагу за умершего в застенках лагеря сына. Отец раньше не служил в армии, винтовку в руках никогда не держал. Он понимал, что после Печорского концлагеря солдат из него никудышный, но всё же решил принести Красной Армии посильную помощь. Нашёл себе применение по своей профессии. Стал шить обмундирование для комсостава, погоны, шинели. Там же ему пришлось столкнуться с проявлением антисемитизма в армии. Поскольку он занимался шитьём, а не участвовал в боевых операциях, над ним посмеивались, а однажды решили зло пошутить. Ему вручили пакет, выделили вместо нормальной лошади старую больную клячу и велели вручить пакет по адресу и возвратиться с лошастью обратно. Иначе – головы не сносить! И глубокой ночью, хоть глаз выколи, отец пустился в путь. Когда отец рассказывал про этот эпизод уже после войны, мы все плакали навзрыд. Отец был набожным, взмолился, чтобы Бог ему помог доставить пакет и возвратиться с этой, еле переставляющей ноги, лошастью. А с лошастью он разговаривал, как с человеком, всё просил не подвести, продержаться. К счастью, всё это закончилось благополучно для отца, а «шутники» были очень разочарованы...

Когда мы возвратились в Брацлав, увидели, что вместо нашего дома одни руины. Сохранился дом папиной сестры Нехомы. Во время войны немцы тот дом превратили в конюшню, держали там лошадей. Мы стали там убирать, мыть, приводить в порядок, стали там жить вместе с Нехомой и её двумя детьми. Потом мы жили в доме у маминой сестры. Отец вернулся из армии в 1946 году.

РЕЙЗЯ ВАЙНБЛАТ

За период проведения интервью я научился отличать разные манеры рассказов людей о своих историях и переживаниях. Одни нуждались в том, чтобы задавать им наводящие вопросы, уточнять детали, выяснять время происходящих событий. Другие плавно, последовательно, подробно вели свой рассказ. Рейзя как раз относилась ко второй категории. Как замороженный, я слушал её рассказ, почти не перебивая и не задавая уточняющих вопросов. Рассказ её был трагичным, тем, не менее, слушать её было интересно и увлекательно. Она демонстрировала прекрасную память и осведомлённость. Ей в ту пору было четырнадцать и больше лет, она всё помнила и рассказывала события во всех подробностях, соблюдая при этом всю хронологию событий. Рейзя была настоящей находкой для меня, как интервьюера. Спасибо вам, уважаемая Рейзя!

...Я родилась и выросла в Тульчине. 22 июня 1941 года в городе проводились похороны молодой девушки. Мы с мамой собирались пойти на эти похороны, когда объявили, что началась война. Скажу вам по правде, что, хотя мне уже было в ту пору 14 лет, я не могла осмыслить, что это слово «война» означает. Я только запомнила, что мама с тревогой в глазах всплеснула руками и сказала: «Теперь нам конец!». Немного позже я, конечно, поняла, что такое война. А тогда не понимала. С подружками мы этот вопрос не обсуждали, у каждой возникли дома свои проблемы, началась суета, какие-то сборы. Но расскажу вам про такой факт того периода. Мы жили вблизи городского парка. Гуляя с подружками по парку мы увидели сидевшего на скамейке человека в военной форме. Подошли к нему, завязалась беседа. Вдруг он меня спросил, какой я национальности. Я опешила от неожиданности. Говорю: «Мои родители евреи, наверное, и я – еврейка». Тогда он говорит: «Скоро сюда придут немцы и они всех евреев уничтожат». Я, вся в слезах, прибежала домой и рассказываю всё маме. Мама стала успокаивать, мол, это какие-то сказки, паника, излишние страхи. Но отец сказал, что, скорее всего, это похоже на правду и надо немедленно искать возможность перебраться в те места, куда немцы скоро не доберутся. Другими словами, предложил

срочно эвакуироваться. Однако сам явился в военкомат и пошёл добровольцем на фронт. Остались мама, я и мой младший братик. У меня была тётя, папина сестра Эйдя. Её муж был сапожником, жили небогато, но и не бедствовали. Поскольку своих детей у них не было, мы с братиком часто бывали у них, они нас любили и опекали. Когда началась война, они сразу же стали готовиться к эвакуации. Купили телегу и лошадь, собрали всё необходимое в дорогу. Позвали и нас с собой. Однако, мама не могла оставить свою больную сестру, муж которой тоже ушёл на фронт. Так, что с тётей Эйдей пошли в эвакуацию только я и мой братик. Долго ехали, днём и ночью. Добрались мы до Кременчуга, то есть ушли на приличное расстояние на восток. Но к тому времени там уже высадился немецкий десант и я впервые познала, кто такие немцы. Повозку с лошадью забрали, все пожитки, что везли с собой тоже забрали, нас всех избили и отпустили. Спасибо, сразу не убили. После чего отправились в обратный путь, но уже без повозки и без лошади. Шли долго, наверное, больше месяца. Местное население относилось к нам по-разному. Одни жалели, подкармливали. Другие, наоборот, обзывали «юда, юда», били, проклинали, демонстрировали свою антисемитскую сущность во всей красе. Дошли до Ладыжина. Здесь нам сразу же сообщили, что евреев в Ладыжине не осталось, всех, кто не успел отсюда бежать, расстреляли. Делать нечего, пошли дальше. В конце концов, пришли в Тульчин. Наш дом стоял на месте, но в доме ничего и никого не было. Мебель, всё, что было в доме, вынесли. Люди были переселены в гетто. Пошли мы с братом туда, где и встретились с мамой. Мама испытала двойное чувство: была огорчена тем, что не эвакуировались, вместе с тем обрадовалась, что живы. Мама продолжала опекать свою сестру, а мы присоединились к ней. Жизнь в гетто была очень трудная. Кушать нечего было. Немцы и румыны вели себя ужасно по отношению к нам, евреям. Заходили в любой дом, забирали абсолютно всё, что захочется. Мы выживали только за счёт того, что удавалось обменять на продукты у местных крестьян. Отдавали последнее, что оставалось: одежду, обувь, постельное бельё в обмен на хлеб, картошку, лук, подсолнечное масло, соль, капусту, морковь и т.п. Так и жили с августа по ноябрь 1941 года под оккупацией. А оккупировали нас многие: и немцы, и румыны, и венгры, и

итальянцы, и литовцы, какие хотите, оккупанты были. И все они «преуспевали» в издевательствах, вплоть до убийств. Всякий раз люди узнавали о новых жертвах. Того убили из оружия, того зарезали, того вывезли на кладбище и там убили...

6 декабря всех предупредили о предстоящем переезде в другое место. Никто не знал, что это за место и что с нами со всеми будет. Собрали оставшиеся пожитки в узелки и стали ждать. А 7-го – удары прикладами в дверь и всех евреев выгнали на улицу и погнали в школу №1. Буквально затолкали огромное количество людей в эту не очень большую школу, как сельди в бочку и продержали там три дня без пищи, без питья, без права выходить за пределы школьного здания. Сами понимаете, что и оправлялись там же, на месте. Потом всех вывели на улицу, построили в колонну и повели. Куда ведут, опять не знаем. Оказываемся у городской бани, эта баня так и стоит поныне. Поступает команда: всем раздеться догола. Всем! Мужчинам, женщинам, детям. И всем стали делать уколы. Тогда мы не знали, только потом, в концлагере, мы поняли, что за уколы.

- Кто конкретно делал уколы?

- Это был медицинский персонал местной больницы, состоявший из местных украинцев. Правда, была ещё еврейка, владевшая румынским языком, служившая переводчицей. Я запомнила, её все звали «Шэйвы ды шварцы» («Чернявая Шэйва»). Если Шэйва обнаруживала у кого-то какие-то драгоценности, она тут же отдавала их румынам. Позже, когда мы оказались в Печорском концлагере, выяснилось что полученные нами уколы – прививки всех видов тифа: паратифа, сыпного, брюшного. Я сама переболела тифом.

- Когда делались уколы, вам объясняли, что за уколы, против каких болезней?

- О чём вы говорите? С нами обращались, как со скотом. Если скотине делают прививку, ей разве объясняют, что к чему? А кто, вообще, с нами разговаривал? Нам только подавали команды, а мы безропотно их выполняли. После процедуры с уколами стали одеваться. А одежда-то была вся свалена в кучу. Одевал, кто что видел. Женщина могла одеть мужскую рубашку, обувь не того размера, ребёнок тянул на себя взрослую одежду... Это был какой-то кошмар! А после бани нас опять затолкали в

школу. Хочу отметить, что инициатором и «вдохновителем» всех этих событий был местный украинский врач, некий Белецкий. До войны он считался в городе весьма уважаемым, знающим и хорошо относящимся к евреям, врачом. А здесь он показал своё настоящее нутро. Добавлю об этом подонке, что после войны его судили, он отсидел, не помню, сколько, возвратился в Тульчин и вскоре издох.

Возвращаюсь к теме нашего разговора. На следующий день всех «привитых» построили во дворе школы и отправили этапом, как потом выяснилось, в Печорский лагерь смерти. Это произошло аккуратно в первый день Хануки. Хоть на улице уже стоял декабрь, но было слякотно и холодно одновременно, ноги утопали в болоте. Этот переход очень дорого нам обошёлся, страшная была обстановка. Идёт толпа евреев, измученных пребыванием в школе без еды и питья, по бокам охраняющие нас немцы, румыны, полицаи, вооружённые винтовками и автоматами, с собаками. На ремнях немцев надпись: «Got ist mit uns» (С нами Бог). Никогда не забуду, сколько жить буду такой эпизод. Измученный жаждой, мой братик взмолился: «Пить хочу, не могу дальше идти». И мама сняла с его ножки галоши, зачерпнула из конской лужи на дороге и дала ему попить. Разве такое забывается?! Привал случился в селе Торков. Подвели к конюшне. Все не поместились. Те, которые не смогли проникнуть в конюшню, остались в поле, под открытым небом. И тут несчастье случилось с моей бабушкой: тронулась умом. Бабушка, умница, мудрая, которая всегда нас потчевала самыми вкусными яствами, вдруг закомандовала, чтоб ей немедленно поставили... самовар, она хочет напиться чаю. Сколько ей ни пытались объяснить, что мы в поле, не дома, она твердила своё: ставьте самовар. А другая моя бабушка, Лэйка, оказавшаяся внутри конюшни, примостилась на ночлег в лошадином жолобе. Наутро она была мёртвой... Так она и осталась лежать в том жолобе, а мы пошли дальше, по направлению к селу Копиевка. Опять травля собаками, опять удары палками, плётками, прикладами. В колонне с нами был карлик, мой однофамилец, Нюня Вайнблат. Чтобы поиздеваться, а самим повеселиться, полицаи (румыны, немцы, не знаю точно) усадили его на лошадь, дали в руки винтовку и велели стрелять в людей. Кончилось всё тем, что в него всадили пулю. Я всё это

видела. Шли очень долго. Ведь с нами были дети, старики, беременные женщины, инвалиды на костылях. Кто отставал от всей колонны, тех немедленно пристреливали. Очень много трупов осталось лежать в том болоте. Не знаю, что было дальше с теми трупами.

Лишь через три дня пути мы добрались до конечной цели – Печоры. Я об этой Печоре никогда раньше не слыхала, никогда там не была. По моему представлению, на этой территории до войны было два санатория: один поменьше, другой, видимо, главный, намного больше. Я попала в тот «санаторий», который поменьше. Затолкали нас туда, опять, как и в школе, многих на маленькой площади. Лежали вплотную на голом полу, хуже, чем скот. Хозяин всегда любой скотине подстелит соломку. Кушать было нечего. Хочу отдать должное местным крестьянам. Рискуя быть избитыми, или даже убитыми, они нас жалели, приносили и перебрасывали через забор еду, за которую здесь велись нешуточные бои: каждый боролся за свою жизнь, все хотели выжить. Люди ожесточались. Как же мы выживали? Мой братик воспитывался у дяди Азрила Любарского, он был сапожником. Каким-то образом местные жители узнали о нём, видимо, как-то ублажили охранников лагеря, и стали забирать дядю и ещё двоих помощников в село для того, чтобы они тачали для них обувь. Вот он и помогал нам выжить, частенько приносил из села для нас всякую снедь. К огромному сожалению, мой дядя заболел тифом и в один, далеко не прекрасный день, его местные крестьяне привезли его, совсем немощного, в лагерь. На следующий день дядя скончался. Его тело отнесли в бывший санаторский туалет, превращённый в морг. Мать зашла в этот «морг», увидела абсолютно голое тело дяди, накрыла его единственным оставшимся у неё платком, и стала слёзно просить, чтоб его похоронили, а не отдали на растерзание собакам. За это от неё потребовали десять марок. Но у мамы не было денег и она опять стала умолять, чтоб похоронили по-человечески. Вместо этого, ей не только отказали, но и очень сильно избili. Когда она к нам вернулась, на ней живого места не было. Она была вся в крови, на неё было страшно смотреть. На следующий день мы все пошли в этот морг-туалет, чтобы попрощаться с дядей. Особенно болезненно реагировал мой братик, который души в нём не чаял. Однако, его тела уже не

было на месте. Что с ним было, похоронили его, или выбросили в Буг, как не раз бывало с другими трупами, мне не известно до сих пор. Так и было с покойниками. Если у кого-то из родственников имелась возможность заплатить, тот был достоин чести быть похороненным. Остальных ждала участь быть сброшенным в общую яму или ров. А покойников с каждым днём становилось всё больше и больше... Вскоре после дяди скончалась бабушка, которая в Торкове всё просила поставить самовар и попить чаю.

Если прежде люди умирали в лагере от голода и болезней, то мой другой дядя, мамин брат Эйнех, стал первой жертвой концлагеря в результате прямого убийства. Случилось это так. То ли у него была принесенная с собой, то ли ему кто-то дал, так, или иначе, у него была скатерть. С этой скатертью он выбрался из лагеря и пошёл в село, чтобы обменять на продукты. После удачно завершившейся «сделки» возвращался обратно и уже возле самого лагеря с ним поравнялась машина с немцами, высунулась рука с пистолетом и выстрелом в упор Эйнех был убит. Это произошло ещё в декабре. Затем пошли болезни, в основном, тиф. Тифом заболела я, тифом заболела мама и тифом заболел братик. У нас было в лагере много родственников. Всего в нашей «мишпухе» было двадцать три человека. В живых осталось... четыре. Когда мы все заболели тифом, нас перевели в центральный, большой корпус, где постоянно освобождались места по понятной причине: люди вымирали. Там нас разместили в изолированную комнату: охранники и о себе беспокоились. Трудно себе представить, но в изоляторе, безо всякой медицинской помощи, без лекарств, почти без еды, о нормальном питании говорить не приходится, но мы все выжили. Бог иногда творит чудеса! После выздоровления нас перевели в какое-то подвальное помещение с цементным полом. Там и продолжалась наша, с позволения сказать, жизнь. Конечно, без пищи и воды не выжить. То я, то мама, выбирались из лагеря, находя лазейки в каменном заборе, окружавшем лагерь, выходили в село и там просили покушать для себя и других членов семьи. Если повезёт и тебя не обнаружат, всё заканчивалось благополучно. В противном случае тебя ждала экзекуция. Выглядело это так. У ворот лагеря была пристройка, что-то вроде «проходной». Беглеца приводили в это помещение,

раздевали догола, ложили на топчан и били шомполами до крови. Приговаривая при этом: «Будешь ещё выходить за территорию лагеря, будешь ещё попрошайничать, будешь ещё просить еды?». Обливали водой и продолжали экзекуцию. Об этой экзекуции мне рассказывал по ходу интервью Михаил Бартик. Я эту часть его рассказа не привёл, так как не решился привести бытовавшее в лагере название той «проходной». Но сейчас, после повторения устами Рейзи, я всё-таки приведу это «непарламентское» слово, вы уж извините, уважаемый читатель. Бартик тогда сказал, что узники между собой называли это помещение... «сракобойня». Согласитесь, название вполне соответствует реальности.

Отдельная история – вода. Если без пищи человек может продержаться какое-то количество дней, то без воды – никак. О том, что представляла в лагере добыча воды из Буга и о связанном с этим риском быть убитым немцами с противоположного берега, читатель уже знаком. Рейзя здесь не была оригинальной, условия для всех были одинаковыми. Тронуло в её рассказе то, что принеся маленькую посудинку с водой, надо было поделиться со всей роднёй, приходилось макать пальцы и увлажнять губы драгоценной влагой. Возвращаюсь к пропитанию. Большое счастье было, если удавалось без последствий выбраться в село и принести хоть что-нибудь из еды. Люди, в большинстве своём, относились к нам сочувственно. Надо понимать, что далеко не все из них были зажиточными людьми, они тоже бедствовали, хоть и были на свободе. А нас, просящих о помощи было, судя по всему, немало. Так, что эти люди заслуживают большой благодарности. Иногда, принеся картошку или, почти что то же самое, картофельную шелуху, мы разводили огонь из сухих веток и варили что-то, слегка напоминающее суп. Однажды мама удачно «поохотилась», принесла узелок с картошкой, морковкой, свеклой, ещё с чем-то, развели костёр, стали варить суп в жестяной коробке. Когда вода закипела, в банке стало булькать, пошёл запах варёных овощей, мой изголодавшийся братик не удержался. Не в силах дожидаться, когда суп сварится, схватил ручонками эту жестянку и побежал с ней, споткнулся и весь этот кипяток вылился на него. Несмотря на то что страшно обжёгся (у него красное пятно от шеи до пупка осталось на всю

оставшуюся жизнь), стал подбирать с земли несваренные овощи и затапливать себе в рот. Я эту сцену никогда не забуду. Вот так мы жили, так мы существовали. Каждый божий день люди умирали и умирали. Не знаю, никто специально не подсчитывал, но, по моему ощущению, не меньше, чем по сто человек в день, а, может, и больше. Трупы валялись везде. Вы не поверите, я была девочкой, но трупов уже не боялась. А что? Каждый день я ожидала, что и со мной это скоро случится.

Так я дожила до сентября 1942 года. Я не помню, какое это было точно число, какой день недели. Мама в этот день в очередной раз выбралась из лагеря и подалась в сёла в поисках пищи. В лагерь въезжают машины с немцами, всех выгоняют на центральную площадь, начинают создавать несколько групп людей. Что означает это разделение, никто не знал. Я, мамина сестра и её сын оказались в одной группе. Мой братик, тёткина девочка, которая сейчас живёт в Израиле, попадает в другую группу. Меня в числе других выбросили на машину. В этот момент моя тётя, папина сестра, на четвереньках отползает от фонтана (он и сейчас на том же месте) и кричит не своим голосом: «Розочка!», как бы прощаясь со мной, а немец выхватывает пистолет и стреляет ей в голову, мозги разлетаются в разные стороны. Папин брат, если помните, погиб от рук фашиста выстрелом в голову из машины, а сестру постигла та же участь на территории лагеря на моих глазах. А меня вместе с другими машина увозит...

Забегая вперёд, скажу, что мне довелось, в общей сложности, побывать за годы войны в 8 (*восьми!*) фашистских концлагерях. Второй мой лагерь – Райгород. В этом городе лагерь был ограждён колючей проволокой под напряжением. Собственно, там на одной территории было два лагеря: один – для военнопленных, другой – для нас, евреев. Между нами была металлическая решётка. Военнопленным ещё давали какую-то похлёбку из сваренных овощей. Так эти ребята передавали нам через решётку кусочки свеклы, картошки.

- Много ли было евреев в этом лагере?

- Да, довольно много. Сколько, не могу сказать, сейчас уже и не вспомню. Но это были не единицы и не десятки. Поначалу там работы не было, но потом нас стали вывозить на работу в каменоломню. Нам всем присвоили номера.

- Вы запомнили свой номер?

- Точно не помню, это было трёхзначное число. Да и голова была занята другим. А, точнее, только одним: где бы раздобыть что-то поесть. Больше ничего. Жить, не жить – не вопрос. Убьют – так и будет. Только бы покушать! Сейчас! Всё остальное не имело никакого значения. Потом нас привлекали к строительству дороги. Я и сейчас помню, где и какую дорогу мы строили: от Немирова до Киева. Технологически это выглядело так. Кирками и лопатами готовили ложе для будущей дороги, потом нас подвозили к каменоломне, закладывали взрывчатку, взрывали, после чего запускали нас. Мы эти «свежие», ещё тёплые камни, загружали в вагонетки, и по рельсам подвозили к дороге. Естественно, мы не были предоставлены сами себе. Вокруг сновали немцы, при каждом удобном случае норовили побить, это им доставляло удовольствие. Иногда мне удавалось немца «перехитрить». Пока я была в поле его зрения, тянула вагонетку, как только он отворачивался, тут же останавливалась, чтобы хоть немного отдохнуть: очень уж тяжело давались нам вагонетки. Особенно доставалось моей тёте. Помимо всего прочего, она была ещё и глухая. Не в силах тащить вагонетку, она останавливалась и смотрела на немца, тот немедленно хватался за палку, шомпол и делал своё «дело». При строительстве дороги нас кормили. Давали чёрствый хлеб из расчёта: одна буханка на десять дней. А ещё один раз в день давали похлёбку, сваренную из дохлой конины. Счастливыми были те, кому из огромного чана, в котором готовилось это варево, доставался кусочек этого самого конского мяса. Зимой, а была уже зима 1943 года, дорогу не строили. Но, чтоб нам не было «скучно», нас заставляли руками сбрасывать снег с горы, а затем снег заносить на гору. (*Чем не Сизифов труд?*).

Были и другие лагеря. Как я уже говорила, побывала в восьми немецких лагерях. В Печоре было «хорошо», а здесь «ещё лучше». К примеру, Талалаевка, Черкасской области, это почти под Киевом. Там тоже была работа в каменоломнях, на строительстве дорог. Хочу попутно заметить, что украинский народ активно помогал нам даже в тех условиях концлагерей. Хотела бы ненадолго возвратиться в Райгород, о чём забыла рассказать. Когда нас утром отправляли на работу, всех выстраивали и делали переключку по номерам. Если какой-то

номер не оказывался в строю, то этого «номера» по возвращению с работы мы уже живым не находили. Я помню одну девочку, её папа был парикмахером. Её звали Рая Сандлер. Её ноги были обморожены. Когда я в очередной раз уходила на работу, она мне сказала: «Роза, ты уходишь. А когда вернёшься, меня уже не застанешь». Она предчувствовала свою гибель. Так и произошло, я её не застала...

Будучи в лагерях, мы старались при первой возможности бежать. Мы ничем не рисковали. Идём в колонне, подотстали, осмотрелись и пускались наутёк. Но попадались предатели. Мой двоюродный брат, Лёва Бартик, тоже предпринял попытку бежать, спрятался в каком-то сарае. Там его и настигла немецкая пуля.

- Кто находился в Талалаевском концлагере и сколько, по вашему мнению там было узников, хотя бы ориентировочно?

- В Талалаевке были одни евреи, людей других национальностей там не было, я не говорю об охранниках. Думаю, что там было не меньше одной тысячи человек.

Продолжу свой рассказ, начиная с марта 1943 года. Нас освободили партизаны! Да, да, именно так. И вот как это было. Подпоив охрану самогоном, так называемой «цуйкой», в лагерь проникли партизаны и стали готовить нас к массовому бегству из лагеря. Передали нам ножницы, с помощью которых можно перерезать проволоку, пообещали в нужный момент отключить электрический ток с колючей проволоки. И вот, в назначенный час, на рассвете, узники устремились к ограждению, электричество действительно было отключено, в нескольких местах перерезали проволоку и пустились бежать, куда глаза глядят. Надо же было случиться, чтобы я зацепилась за проволоку, изодрала на себе и одежду, и тело в нескольких местах. Но всё же выбралась по другую сторону ограждения, где меня уже ждала тётя Ида. Что тут началось! Охрана лагеря поднялась по тревоге, началась стрельба, спустили собак, люди бегут во все стороны, и мы с тётей Идой бежим, сами не зная, куда. Надо мной летели пули, на мне была какая-то тряпка вместо платка, эту тряпку прошивали пули, но голову ни разу не задела! Это ли не чудо?! Такая была судьба. Сказать честно, я не была рада этой судьбе. Впереди меня ждало ещё много безрадостных событий. Но, рассказываю, как было на самом

деле. Отбежав на приличное расстояние от лагеря, мы с тётёй спрятались в стогу соломы. Не обращали внимания на мышей и крыс, копошившихся рядом с нами, мимо пробежали немцы с собаками, но нас не обнаружили. Просидели в этой скирде целый день, а ночью мы пустились в путь. Мы – это я с тётёй и присоединившаяся к нам женщина, Броня Пустильник. Её уже нет в живых, есть её дочь. Сколько мы видели убитых, растерзанных собаками... Сколько мы шли, я сейчас не вспомню, знаю, что довольно долго. Останавливались на окраинах каких-то сёл, просили покушать, шли дальше. Было ещё довольно холодно, я была босая и отморозила ноги, дальше идти не могу. Забрались в чей-то хлев, в котором была корова, свиньи, и остались там ночевать. Под утро хозяин с фонарём в руке зашёл в этот сарай, увидел нас, перекрестился, спрашивает, кто мы и откуда. Мы рассказали. Чего ж вы, говорит, не постучали, мы бы вас пустили. Завёл нас в хату и первым делом налил в тазик водку и велел мне опустить туда ноги. Сам стал обливаться водкой. Затем нас покормили, уложили спать на полу, предварительно настелив много соломы, а сверху прикрыли рядом. Для нас это было равноценно нынешнему пуховому одеялу. Провели у него целый день, а вечером велел нам уходить: если соседи узнают, смертельная опасность будет грозить не только нам, но и ему. До сих пор жалею, что никто из нас не сообразил спросить его имя и фамилию. Он достоин называться Праведником.

...Тем временем, пошли дальше на юг, к родным местам. Перед нами предстояла задача перебраться на противоположный берег Буга. А как это сделать? Кто-то подсказал нам, в каком доме живёт партизан, который сможет оказать помощь. Вскоре мы оказались в партизанском отряде. Мне предложили остаться в отряде, но без тёти. Я категорически отказалась, но просьбу выполнили, перевели через Буг в безопасном месте. Идём дальше. Попадаем в населённый пункт, смотрим, люди идут с базара, несут в корзинах всякие продукты. Смотрим на всё это и не можем понять: где мы, что всё это значит. Останавливаем еврея, спрашиваем: «Где мы?». Нам говорят: «В Бершади, здесь гетто. А вы немедленно убирайтесь отсюда. Из-за вас пострадает половина города». Мы: «Может пустите хоть переночевать и дадите что-нибудь

покушать?». Нам в ответ: «Вот там баня, около неё общественный туалет, там и переночуете. А наутро вы должны исчезнуть». Повторяю, этот диалог происходил между мной с тётёй и местным евреем. Добавлю, не называя имён, что к нам также отнеслись и некоторые наши родственники. Да, ладно, Бог им судья. Делать нечего, пошли прочь из Бершади. Ни за что не догадаетесь, куда мы после этого пошли. В Печору. А что делать? Нигде нас не принимают, никому не нужны. Дорога одна – обратно в Печору. И по той самой дороге, по которой нас гнали в декабре 1941 года, мы пришли в Печору в марте 1943 года. И каково же было моё удивление и одновременно радость, когда опять встретилась с моей мамой и моим братиком! А также со своей двоюродной сестричкой, дочерью тётёи Иды. Мать, увидев меня, падает в обморок, она ведь уже мысленно похоронила меня. Первый раз «хоронила», когда я эвакуировалась, а второй раз, когда меня увозили немцы на машине. Так мы ещё промучились в этом концлагере целый год, вплоть до освобождения 14 марта 1944 года. Возвратились в Тульчин, дом наш к тому времени был разрушен...

- По ходу рассказа вы упоминали, что за годы войны побывали в восьми концлагерях. Не могли бы вспомнить, в каких ещё лагерях вы побывали?

- Я прошла через лагеря в Гайсине, Тарасовке, Михайловке, две Краснополки, одна – Гайсинского района, другая – где-то под Киевом, уже не помню название района, затем Кудлаи в Черкасской области. Работы во всех лагерях были схожи: каменоломни и строительство дорог. Заключёнными во всех лагерях, кроме Райгорода, были только евреи. В Райгороде, как я говорила, были ещё и советские военнопленные.

В Тульчине евреев к моменту нашего возвращения практически не было. Кроме тех, кто эвакуировался, все либо оказались в Печоре, либо были уничтожены здесь. Работы никакой не было, никакого источника существования, а, значит, и кушать было нечего. Когда открылся госпиталь, мама стала туда ходить и попрошайничать. Ей в кастрюльку сливали ложками суп, кашу, макароны и т.п., она приносила доюй, а мы были рады всему съестному. Отец оставался на фронте, под Яссами был ранен, лечился в госпитале в Грозном, там ему

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

ампутировали часть ноги. Возвратился в Тульчин только в 1946 году...

СЕМЬЯ БРОНШТЕЙН

Беру на себя ещё один «грех», уважаемый читатель: взялся писать о своей собственной семье. Тем более грешен, что ни я, ни остальные члены нашей семьи не прошли через Печорское чистилище, мы не имеем отношения к этому концлагерю, названному «Мёртвой петлёй», которому и посвящена эта книга. К тому же я привёл два интервью бывших узников Джуринского гетто. Тем, не менее, решил написать главу и о нашей семье и посвятить её моей дорогой, незабвенной маме, на долю которой выпала вся тяжесть выживания в условиях оккупации, да и после неё. Мой брат Ефим дал мне интервью незадолго до его преждевременной кончины в Виннице. У второго брата, Иосифа, я брал интервью уже здесь, в Сан Франциско в 1998 году. Сам я тоже давал интервью. Старший брат Изя, также рано ушедший из жизни, жил в Днепрпетровске, у него интервью не брали. Приведу его короткий рассказ об одном эпизоде из периода оккупации в Джуринском гетто.

Начну с того, что наша семья к началу войны состояла из шести человек: отец, мать, старший брат, Изя двенадцати лет, Фиме было девять лет, Осикку было три годика, вашему покорному слуге к июню 1941 года исполнилось пять месяцев. Папу звали Янкель, маму – Фрима.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ЕФИМОМ

...Для меня начало войны ассоциируется с бомбёжками Джурина. Могу ошибаться в датах, но мне кажется, в июле, а может, в начале августа, Джуринов уже бомбили. Вероятней всего, цель была – стратегически важная трасса Киев – Могилёв-Подольский – Кишинёв, проходящей через Джуринов. Помню, во время бомбардировок был разгромлен сахарный завод, кстати, до сих пор так и не восстановленный. Я отчётливо помню, как немецкие самолёты на бреющем полёте пролетали над нашим селом, я даже видел лица немецких пилотов. В одной из таких бомбардировок бомба попала в наш дом, в результате чего дом наш был полностью разрушен, жить там уже было невозможно. По счастливой случайности мы все остались живы. Я и мой старший брат Изя играли на пустыре с ребятами в футбол, а мама с грудным ребёнком и трёхлетним братиком пошли в это время к соседям. Невероятно, но во время бомбёжки в доме находилась помогавшая маме по хозяйству женщина, спряталась за шкафом и именно этот угол дома уцелел. Женщина не получила никакого повреждения, если не принимать во внимание сильнейший испуг.

- Где в это время был отец?

- Отца к тому времени мобилизовали на фронт. Он был призывного возраста, ему было 34 года. Я хорошо помню момент расставания. Уже в начале июля из Шаргородского райвоенкомата прибыла выездная бригада сотрудников, мужчин призывного возраста собрали на центральной площади местечка, там мама, плача навзрыд, попрощалась с отцом. Она хорошо понимала, какие испытания выпадают на её долю с четырьмя мальчиками от двенадцати лет до пяти месяцев. Район дислокации воинской части, куда попал отец, находился всего в пятидесяти километрах от Джурина, где-то под Могилёв-Подольском. Я помню, что отец, узнав каким-то образом, что во время бомбардировки разрушен наш дом, сумел отпроситься на день, приехал в военной форме, в звании сержанта, и перебазировал нас к чужим людям.

- Как вы думаете, знали ли джуринские евреи о событиях, происходящих в Европе, о преследованиях евреев. Возникали ли

в связи с этим в самом начале войны мысли об эвакуации, в частности, в вашей семье?

- В силу своего возраста не могу сказать, какая информация о событиях в Европе доходила до Джурина. О желании, или попытках, тем более об организации эвакуации, мне тоже неизвестно. Как факт, очень мало евреев из Джурина эвакуировалось.

- Помните ли вступление немцев в Джуриин?

- Да, это я хорошо помню. Это было уже осенью, шли дожди, было сыро и грязно. Первое впечатление: вошли боевые германские войска, добротнo одетые, хорошо вооружённые, вполне механизированные, на машинах и мотоциклах. Всеми овладел страх и ужас, стали прятаться, кто где мог. Вокруг Джурина преобладала гористая местность, люди прятались в ущельях, оврагах, так называемых ярах. Или, если не успевали, в подвалах, погребях. Не могу не отметить, в связи с этим, что очень часто нам приходилось пользоваться помощью наших бывших соседей, добрых христиан. Особенно ощутимую помощь оказывала семья Ильчишиных. Не премину воспользоваться возможностью и назвать этих добрых людей. Хозяйку звали Горпина, её мужа – Данило. Это была многодетная семья, там было шестеро детей. Бывало, дети, завидев нас, выбравшихся из яра, тут же открывали для нас хлев, или сарай, приносили еду, питьё. А уж потом сообщали родителям о нас. Сейчас мы отдаём себе отчёт, что эта семья при этом подвергала себя опасности. Сейчас такие люди по праву называются Праведниками народов мира. Чувство страха нас не покидало во всё время оккупации. В Джурине подолгу не стояла одна и та же воинская часть. Это были проходящие на восток немецкие подразделения, каждый новый приход немцев грозил издевательствами и побоями. Правда, не могу сказать, что были массовые расстрелы, в Джурине непосредственно от рук фашистов, если и погибли, то немного евреев. Но поиздеваться они были не прочь. Припоминаю такой эпизод, свидетелем которого я был. Уже выходя из своего укрытия, я увидел такую картину. Десятка полтора-два глубоких старика с отрезанными бородами, ходят по кругу с мётлами и вениками в руках, подметають улицу и одновременно поют на идиш о том, какое их постигло горе, что они все погибли, что спасения у них нет и

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

т.д. в том же духе. А вокруг них стоят немцы, смеются и потешаются этим «спектаклем».

ИЗ БЕСЕД С ИЗЕЙ

В один из дней, когда в Джурине уже властвовали немцы, но ещё не пришли румыны, мы с мамой находились на улице возле дома, в котором мы жили после разрушения нашего собственного дома. А напротив дома в это время немецкий солдат ведёт велосипед, к багажнику которого привязаны два огромных гуся, их головы влачатся по земле. Поравнявшись с домом, немец остановился и стал пристально смотреть в нашу сторону. Мама испугалась и, очевидно, не желая, чтобы немец повернул в нашу сторону, сказала мне: «Иди, сыночек, помоги дяде». Когда я, дрожа от страха, подошёл к немцу, тот отвязал гусей, сунул по одному в каждую руку и велел следовать за ним, подняв гусей высоко, так, чтобы не касались земли. Я был далеко не атлетического сложения мальчиком, через несколько десятков шагов руки онемели и немного опустились. Немец тут же жестом велел поднимать гусей выше. Так, пока немец не оглядывался, я опускал руки, немножечко отдыхал и потом опять поднимал. Так мы дошли до территории бывшей почты, где располагался штаб немецкой части, или какие-то службы. Когда за нами закрылись ворота, мне дали понять, что без разрешения уходить с этой территории нельзя. Я и сейчас не могу объяснить, по какой причине меня оставили на территории. Я благополучно дотащил гусей к месту назначения. Думаю, что обо мне просто забыли. Я с испугу забился в уголок на внешней территории штаба, вокруг меня сновали немцы, не обращая на меня никакого внимания. Сам я не смел ничего просить или спрашивать. Подумал было бежать, но тут же отбросил эту мысль. Побоялся, что, если поймают, избьют, или убьют. А что будет с мамой и моими младшими братишками? Так я провёл, сидя в углу, остаток дня и последующую ночь. На следующее утро меня обнаружил тот самый немец, которому я помогал тащить гусей, сделал удивлённое лицо и выпустил меня за ворота. Свобода! Стремглав пустился домой. Мама ещё долго рыдала после «возвращения блудного сына», проклиная себя за то, что сама подвергла меня опасности. Фима и Осик тоже были рады меня видеть вновь. А младший братик ничего не понимал...

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ЕФИМОМ

...Осенью 1941 года в Джурине уже было организовано гетто. Не могу утверждать, что гетто было ограждено колючей проволокой, не помню. Но находиться в Джурине евреям можно было в строго ограниченных пределах. Например, в северной части села граница проходила по территории семилетней школы и украинского кладбища. В южной части – только до территории сахарного завода, или до трассы Могилёв-Винница. То же с востока и запада. Правда, на территории гетто оставался базар, и это было очень важно. Все евреи обязаны были носить на груди шестиконечную звезду Давида. Такая деталь запомнилась: для того, чтобы звезда выглядела приличней, джуринские девушки вышивали её из шёлковых ниток, назывались «мулинэ». При создании гетто, немцев в Джурине оставалось всё меньше, им на смену пришли румынские войска, они и стали полноправными хозяевами в Джурине. А ещё им активно помогали украинские приспешники, вступившие в полицию. Это были местные, всем евреям известные мужчины.

- В Джуринском гетто располагались только местные евреи, или были евреи из других мест?

- Во время оккупации население Джурина, наверное, утроилось. Сюда депортировали очень много евреев из Румынии, Бессарабии, Северной Буковины. Речь идёт о тысячах людей. Люди самые разные. Ремесленники, врачи, преподаватели, рабочие, бывшие служащие и т.д и т.п. Именно с появлением такого количества людей на небольшой территории связаны возникшие и нараставшие проблемы. Само по себе появление такого количества людей вызвало ещё больший дефицит и без того недостающих продуктов питания. А что уж говорить об ужасающей антисанитарии при такой скупченности народа. Сразу же начался жуткий педикулёз, завшивленность, отсюда разного рода болезни, брюшной и сыпной тиф, дизентерия и прочее. Люди стали умирать в больших количествах. *В Джурине рядом расположены два еврейских кладбища. Бывая на этих кладбищах, я очень долго не мог понять, почему на многих памятниках и надгробных плитах есть надписи, кроме еврейских и русских, написанные латинскими буквами. Откуда в глухой провинции латинница на кладбище? Только много лет*

спустя я узнал, что здесь похоронено очень много евреев, выходцев из Румынии.

Плотность населения в Джурине в то время не поддаётся описанию. Был период, когда мы, живя в чужой маленькой квартире, приняли семью из четырёх человек и ещё одинокую старушку. Выживать в тех условиях было очень тяжело. Работы ведь никакой не было, источники дохода исчезли, покупать еду не за что было. В ходу был прямой обмен вещей на продукты питания.

Для полноты картины о Джуринском гетто и взгляда на события с иной точки зрения приведу фрагменты из свидетельства упоминавшегося выше Менаше Миллера. Считаю этот документ очень важным для понимания сути происходящего в годы оккупации.

ИЗ КНИГИ «ЖИВОЙ И БЛАГОСЛОВЕННЫЙ»

Маленькое местечко Джуриин расположено в 45 километрах осеверо-восточнее Могилёва и в 25 километрах от Шаргорода. В Джуриине есть большой сахарный завод, обеспечивавший работой большое количество людей. Завод был разбомблен в самом начале войны. Перед войной в Джуриине проживало около 2500 евреев. Немногие успели уехать с отступающей Красной Армией. С наступлением немецко-румынских войск оставшиеся евреи спрятались в своих домах. Дома евреев были сконцентрированы в центре местечка. Материальное положение евреев очень снизилось. Их жизнь стала подобна жизни в Средневековье. Жандармерия установила в еврейском районе гетто. Гетто не было ограждено колючей проволокой, однако обозначено таким образом, что каждый знал, где живут евреи, и никто не имел права покинуть его пределы. Когда грузовики с беженцами прибывали в Джуриин, их поселяли в домах местных евреев. Был составлен список всех беженцев.

...В первые месяцы существования гетто вспыхнула эпидемия тифа из-за антисанитарии, тесноты и плохой еды, унесшая много жизней. Кроме умерших от тифа, множество людей опухали от отсутствия еды и умирали в муках. Джуриинские евреи приняли беженцев, как братьев и дали понять, что буковинские евреи не одиноки в своём горе. Джуриинские евреи были очень бедны, ведь там остались, в основном, старики, женщины и дети. Но они помогали, чем могли: одеждой, одеялами, едой. Особенно беженцам, оставшимся в нежилых помещениях. Невозможно описать трагедию, разыгравшуюся в здании старой местечковой синагоги, поделённой досками, в которой проживали беженцы из Единец (Бессарабия). Выше моих сил было видеть их, лежащих на полу. Больные старики и дети, стонущие, плачущие и кричащие. Голодные, беспомощные, лишённые элементарных условий существования...

С благословения местного раввина Цви Гершл Каральника Джуриинские евреи приняли беженцев с распростёртыми объятиями, помогали, чем могли и облегчали им жизнь, несмотря ни на что. В первую субботу пребывания беженцев в Джуриине во время молитвы обратился раввин Каральник к

беженцам и попросил их вести себя скромно, не выделяться. Предупредил об опасности, исходящей от крестьян, и попросил их не одевать роскошные меховые пальто и шляпы. О личности раввина Каральника писал потом наш раввин (*имеется ввиду прибывший в Джурин вместе с беженцами раввин Барух Хегер, которому, собственно, и посвящена книга Менаше Миллера*), благословенна его память: «Не встречал я в своей жизни человека с такой широкой душой, готового сделать всё, чтобы помочь нуждающимся. Увидев несчастного еврея без обуви, раввин Каральник снял свои сапоги и отдал их. Все свои подушки он также роздал». Раввин Цви Каральник был шестым поколением раввина Рафаэля Мэварэшэт, провозглашённого праведниками его поколения «Праведный человек» и обещавший своим сыновьям, что будут у них в роду раввины в шести поколениях. Беженцы рассказывали, что раввин Каральник был действительно святым. Он смог из рахных источников собрать деньги и каждый день кормил 30 бедных. Каждый, кто стучал в его дверь, получал внимание, еду и одежду. Но всех нуждающихся обеспечить было невозможно...

Раввин Цви Гершл Каральник был великим человеком. Своей безграничной верой в Б-га и честностью снискал раввин уважение не только среди евреев, но и среди украинцев. Евреи и неевреи старались получить от него совет. Личными усилиями неоднократно удавалось раввину отвести трагедию от беженцев. С прибытием тысяч беженцев в трансистрию он стал умолять общину приютить несчастных, помогать им. Он разрешил использовать мебель из синагоги как топливо, чтобы согреть бедных в сильные морозы. При этом сам раввин страдал от сильных болей в спине. Правой рукой раввина была его жена. К субботе она готовила очень много еды, ходила от дома к дому и раздавала всем нуждающимся.

Не удержусь и добавлю к сказанному кое-что от себя. Я, конечно, в силу своего возраста, не могу подтвердить события военного времени. Правда, Изя мне рассказывал, что он однажды украл у офицера, не помню уже, немецкого или румынского... пистолет. И только вмешательство и просьбы раввина Каральника спасли моего брата от жесточайшего наказания. Но я лично прекрасно помню этого очаровательного человека, седовласого, с окладистой бородой, который в годы

моего детства был и резником. Он часто бывал у мамы, когда она работала в буфете, всегда заходил, чтобы поздравить с очередным еврейским праздником. В Джурине все знали, что между раввином и местным попом складывались прекрасные отношения, и что они часто встречались, вели всякие теологические и философские беседы. Шойхет, как мы его называли, пользовался в местечке непререкаемым авторитетом. Всегда, когда бываю на Джуринском кладбище, я непременно подхожу к могиле раввина Каральника и отдаю дань уважения этому святому человеку. Знаю, что так же делают и многие мои земляки. Светлая ему память!

Уважаемый читатель! Моё повествование основано на свидетельствах бывших малолетних узников и не может служить источником информации об организации гетто и лагерей на оккупированных территориях: я не ставил перед собой такой цели. Тем более интересно почитать, что об этом пишет Менаше Миллер, применительно к той части территории, о которой мы беседовали в наших интервью.

Управляющим этим районом Транснистрии был назначен Алексиано, представляющий интересы Антонеску. 11 ноября 1941 года вышел приказ №23 от имени Антонеску, который должен был упорядочить положение местных и прибывших евреев.

...Пункт3: Каждый еврей вносится в специальный список, где указывается имя, вероисповедание, возраст, профессия, место отбытия.

Пункт4: Ни один еврей не может покинуть место проживания без особого разрешения.

Пункт9: Еврей, находящийся за пределами разрешённого места, считается шпионом и должен наказываться жандармами незамедлительно, по законам военного времени.

В соответствии с п.9. каждый еврей, убитый жандармами – коммунист, шпионивший в пользу Советского Союза.

В начале гетто управлялось Шаргородской жандармерией. С 1 мая 1942 года была создана военная жандармерия под командованием Флориано, человека невероятно жестокого, особенно по отношению к евреям. Он вёл себя, как полный властелин. Его желания были бесстыдными, похотливыми, грубыми, жестокими и беспощадными. Иногда он неожиданно

врывался в гетто, особенно в базарные дни и принимался избивать евреев, разбрасывать товар. Евреи жили в постоянном страхе перед преследованиями жандармов. Шесть евреев, осмелившиеся нарушить границы гетто, чтобы встретиться с родственниками в Могилёве, были без колебаний расстреляны рукой Флориано. Между семью часами вечера и восемью часами утра было запрещено передвижение евреев по местечку. Каждый, даже самый короткий выход, мог еврею стоить жизни. Евреев выводили на принудительные работы: погрузка, строительство дорог вручную и т.п. Многих отправляли в лагеря за Буг, к немцам. Они рыли окопы, возводили мосты. Обрато живым почти никто не вернулся... В каждом округе, кроме жандармов, были также украинцы-полицейские, принимавшие активное участие во всех злодеяниях против еврейского народа.

В Джуриин до конца 1941 года прибыло около 3500 беженцев, в основном, из Буковины. Местный раввин Гершл Каральник помогал им размещаться в домах местных жителей, нередко в одной комнате ютились по 10 человек. Почти 1000 человек были поселены в конюшни и бараки. И их раввин Каральник обеспечил одеялами, тёплой одеждой и другими необходимыми вещами. Люди всё время чувствовали его поддержку. В первые месяцы эпидемия сыпного тифа валила тысячи людей по всей Транснистрии. Не обошла стороной и Джуриин. Счёт умерших от тифа шёл на сотни...

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ЕФИМОМ

...Очень остро стоял вопрос о пропитании. Хочешь - не хочешь, а кушать каждый день что-то надо. У мамы на руках четыре рта. Уж как она изворачивалась, только ей известно. Шёл обмен вещей на продукты питания. Хорошо ещё, на территории гетто функционировал базар по воскресеньям, приходили украинцы, местные жители и обменивали свои продукты на вещи евреев. Отдаю им должное: они очень эффективно помогали евреям просто выжить. Припоминаю такой эпизод, чему лично был свидетель. Мы с мамой пошли на этот рынок, обменяли какие-то сохранившиеся вещи на скудную еду и засобирались домой. В этот момент маму окликнула знакомая крестьянка по фамилии Вергелес: «Янкельха (так, по имени мужа, было принято называть женщин), підійдіть. Візьміть щось в мене». Мама: «Міняти вже нема на що. Радянські гроші Вам не потрібні, а німецьких в мене нема». Вергелес: «Беріть, віддасте, коли зможете». И вложила в мамину кошелку масло, сметану, творог, фасоль, семечки, хлеб...

- Были ли среди прибывших в Джуриин беженцев ваши ровесники, как вы с ними общались?

- Да, конечно были. Языковых проблем с общением никаких не было. И мы, и они прекрасно владели языком идиш и это был язык нашего с ними общения.

- Прибывшие беженцы владели румынским языком, им было легче находить общий язык с румынской жандармерией. Чувствовалось ли различие в отношении к местным евреям и к прибывшим беженцами со стороны властей?

- Думаю, что да, различие было. Надо оговориться, что беженцы беженцам – рознь. Бессарабские евреи были такими же бедняками, как и мы, и их особо не щадили. Но когда прибыли буковинские, а, особенно, румынские евреи, различие стало весьма ощутимым. Скажу больше. С их прибытием была создана еврейская жандармерия, состоявшая, в основном, из румынских евреев и она, жандармерия, оказывала ощутимое давление на нас, местных евреев.

- Получали ли румынские евреи помощь из-за рубежа?

- Да, получали. В том числе, из самого Бухареста. Мне трудно судить, как технически это осуществлялось технически, но мне достоверно известно, что румынские беженцы получали денежные переводы и посылки. У меня есть конкретный, в какой-то мере, курьёзный пример. В том доме, в котором мы жили после разрушения нашего отчего дома, проживали беженцы, в том числе одинокая старушка. В мою обязанность входило разложить перед сном для неё топчан на коротких чурках и нагреть кирпичи, которые ложил у её ног. Она же изредка делала мне какие-то подарки. Однажды в посылке она получила красивые лайковые перчатки. И вот, чтобы мне было «приятнее» колоть дрова, я стал просить у неё в подарок эти самые лайковые перчатки. Она категорически отказалась. В отместку я подложил под топчан чурки таким образом, что она с этого топчана свалилась. После этого она безропотно отдала мне эти злосчастные перчатки. Этот эпизод меня, конечно, не красит. Я лишь вспомнил этот случай в связи с вашим вопросом.

- Получив посылки, румынские евреи делились содержимым этих посылок с вами, местными евреями?

- Отнюдь. Такого я не припомню. Разве что в обмен на что-то существенное для них. Например, зимой, когда надо было топить печь, местные евреи добывали дрова и обменивали их у румынских евреев на что-нибудь съестное, или, скажем, на одежонку для детей. Или при оказании каких-либо услуг. Хотя бы мой курьёзный случай с лайковыми перчатками. Это болезненная тема. Мы-то их приняли сочувственно, заметно потеснились. Ответная реакция, на мой взгляд, была неадекватной. В общем, откровенно говоря, и материально, и морально они чувствовали себя при румынской власти несколько уверенней, чем мы.

- Кроме полиции, или жандармерии, состоявшей из румынских евреев, была ли в Джурине полиция из местных евреев?

- Да, и это помню. Была группа из местных пожилых евреев, которая помогала оккупационным властям. В основном, их работа сводилась к организации отправки людей на разные работы, и, что более важно, они организовывали сбор средств для ублажения немецких и румынских властей. Одного из этих

людей могу и сейчас вспомнить – Борух Антоновский. Бывало, он с другими людьми мог прийти в нашу комнату среди ночи, посчитать нас по головам и установить, какую сумму мама должна внести в общую «копилку». Поговаривали, что в этих делах бывали и злоупотребления, хотя полной информацией, конечно, не владею. *(Опять вспомнил рассказ Плотницкого о трагедии шпиковских евреев)*. Действия еврейской полиции не идут ни в какое сравнение с поведением услужливых украинских полицаев. По сути, еврей-полицаи выполняли команды властей не по своей воле, их принудили. Другое дело, украинские прихвостни. Те вели себя с узниками гетто жестоко, брутально, при каждом удобном случае пускали в ход и кулаки, и плётки, и дубинки. Например, не расставался с дубинкой такой душегуб по имени Федь. При его приближении евреи с криком ужаса «Федь идёт!» буквально разбегались и прятались кто где мог. Если не ошибаюсь, таким же извергом был некий Царук. Справедливости ради, добавлю, что до реальных убийств дело, как правило, не доходило. Если и были убийства, то немного. По крайней мере, массовых убийств евреев я не помню и о них не знаю. Другое дело, люди сами во время оккупации массово умирали от голода, холода, болезней, особенно от тифа.

- Соблюдались ли в то время в Джуристине еврейские традиции, обряды, функционировала ли синагога?

- Да, даже в тех условиях еврейская религиозная жизнь в Джуристине всё же сохранялась. Мне кажется, что религиозная жизнь, как ни покажется странным, в то время даже несколько оживилась. Объяснение этому феномену – прибытие в Джуристу депортированных евреев из Румынии, Буковины, Бессарабии. Мы жили в стране, в которой религия преследовалась, а они, наоборот, привыкли соблюдать все еврейские традиции и обряды. Вот и в условиях гетто они, а, вместе с ними, и мы старались соблюдать по возможности еврейские традиции. Помню, меня привлекали к обучению и подготовке к предстоящему обряду Бар Мицвы, то есть, к совершеннолетию. *Не премину добавит, что мой старший брат Изя в то время прошёл через обряд Бар Мицвы.*

- Известны ли вам истории о бегстве в Джуристу евреев из других мест?

- Да, такое было и мне лично известно несколько таких случаев. Например, из местечка Шпиков бежала некая Хома с матерью. Впоследствии Хома стала женой моего дяди Якова, сводного брата моей мамы. Бывали случаи, когда в Джуриин бежали узники Печорского концлагеря, были среди них и мои одноклассники в последующем. Помню, из Винницкого гетто бежал двенадцатилетний мальчик Изя Рабовецкий, ставший самым закадычным другом моего старшего брата Изи. Интересно, что Рабовецкий бежал из машины, в которой везли евреев на расстрел. *От себя добавлю, что в Виннице было расстреляно порядка 25000 евреев. На месте братских могил установлен памятник, на котором была прикреплена табличка с надписью о том, что здесь покоятся расстрелянные немцами «советские граждане». Будучи одним из руководителей еврейской организации в городе, ваш покорный слуга участвовал в изменении текста таблички. Теперь там написано, что покоится прах расстрелянных немцами и их пособниками ЕВРЕЕВ. К слову, Изю Рабовецкого я тоже помню.*

- Вы говорили об обмене разных вещей на продукты питания. Где это происходило территориально и какие именно вещи пользовались спросом у местных крестьян? Были ли у крестьян проблемы с приходом к месту обмена?

- Функционировал тот же рынок, который был и до войны, благо эта территория была частью гетто. По всей вероятности, проблем с попаданием на рынок у крестьян не было: это ведь были не разовые заходы на территорию гетто, рынок функционировал, я думаю, каждое воскресенье. Я лично также участвовал в этих «делках». В ход шли всякие товары. Мне сейчас трудно вспомнить многое. Помню, например, евреи где-то, уж не знаю, где, добывали керосин, фитили для керосиновых ламп, сами лампы и стёкла к ним, всевозможные красители для тканей, кожаных изделий и т.п. Помню, из не до конца разграбленного склада, которым до войны заведовал наш папа, мама принесла краситель, который назывался почему-то «негрузин». Мы этот порошок рассыпали в мелкие пакетики, выносили с моим старшим братом на базар и обменивали на продукты питания. Довольно долго этот краситель служил нам неплохим подспорьем. У мамы сохранились и неплохие носильные вещи, которые также служили предметами для

обмена. Ещё какие-то вещи из того же склада использовались для обмена на продукты.

- А вы сами лично могли выйти за пределы гетто?

- Только крадучись, чтоб никто не заметил. Конечно, приходилось выходить за пределы гетто, хотя бы для добывания чего-то съестного. К тем же Ильчишеным, их родственникам, другим людям. В холодное время года надо было приносить дрова, хворост для печки. Но все эти вылазки были чреватые тяжёлыми последствиями при их обнаружении. Приходилось всячески изворачиваться, официально оставление гетто было запрещено.

- Как долго просуществовало Джуриновское гетто?

- До самого освобождения Джурина в марте 1944 года. Конечно же, я запомнил этот момент. Мы жили в чужом доме напротив бывшей почты, где располагался немецкий штаб. Мы могли наблюдать за паническим бегством фашистов и предварительными приготовлениями к нему: лихорадочно упаковывали аппаратуру, сворачивали кабели, провода, и т.п. Видели, как они спешно двинулись по главной шоссе-ной дороге Джурина в сторону сахзавода и дальше на Могилёв-Подольский. Джуринов освобождали регулярные части Красной Армии, но за день, а, может, и за несколько часов до вступления советских войск, в Джуринов заскочил на лошади какой-то отчаянный то ли партизан, то ли одинокий мститель. Я даже запомнил его лицо, так как видел вблизи. Было ещё довольно холодно, но на нём были чёрные брюки и рубашка, сверху пиджачок, на голове кубанка с красной лентой наискосок, с автоматом на груди. Спрашивает у людей, есть ли немцы или румыны в селе. Отвечают, что только что ушли в сторону магистрали. К сожалению, в перестрелке между ним и остававшимися в селе немцами, этот отчаянно смелый паренёк был убит. Вскоре вошли красноармейцы, хорошо вооружённые, по-зимнему одетые, в хорошем состоянии, боевом настроении. Стоит ли говорить, как радостно их встречали узники гетто, как светились наши лица, сколько было слёз радости и, одновременно, горя по поводу не доживших до этого времени родных и близких...

В этом месте я прерву рассказ Ефима. Состоялось и выездное интервью, в ходе которого беседа с Ефимом была

продолжена. В частности, мы стояли около дома, в котором проживали в годы оккупации. Ефим вспоминал, как он однажды прибежал сюда из укрытия в овраге за продуктами и встретился взглядом с вооружённым немцем, который следил за ним. Душа, как говорится, ушла в пятки. Но, памятуя об одном голодном братике, который ничего не может высосать из пустой маминной груди, о другом братике, мучающемся от гнойного панариция, о старшем голодном брате и страдающей от бессилия матери, всё-таки переборол страх, не отказался от задуманного, проник в дом, взял всё съестное и унёс всё это своим родным. А сейчас будет уместным привести воспоминание ещё одной бывшей узницы Джуринского гетто, полученное мной совершенно неожиданно. Начну с небольшой предыстории.

1998-й год. Мой брат Иосиф и я живём здесь, в Калифорнии. В одном из залов Нью Йорка собрались на очередной форум бывшие узники гетто и концлагерей. В одном ряду оказались рядом и, как водится, разговорились две женщины. Одна из них – некая Фира Стукельман, жительница Нью Йорка, активно занимающаяся проблемами бывших узников гетто и концлагерей, кстати, сама бывшая узница Винницкого гетто. Другая женщина – Этти Зиглер из Канады. По ходу разговора вскоре выяснилось, что Этти всю войну провела в Джуринском гетто, в доме, где хозяйкой была Фрума Бронштейн с четырьмя мальчиками. Фира Стукельман сообщила ей, что знает некоего Бориса Черепашенского, родом из Джурина, который, возможно, знает эту семью Фрумы Бронштейн. Борис, конечно же помнил нашу семью и знал, что мы в Америке. Делом техники было связать нас и заочно познакомиться. Несколько лет мы с ней переписывались и перезванивались, обменивались фотографиями. В последнее время связь прервалась, телефон не отвечает, письма, адресованные Этти, возвратились. Не знаю, жива ли эта, теперь уже весьма пожилая женщина.

Как-то, «блуждая» по Интернету в поисках сведений о родном Джурине, я набрал ключевое слово DJURIN латинскими буквами и нашёл статью этой самой Этти Зиглер, в которой она рассказывает о своём пребывании в этом местечке.

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

Статья, естественно, написана на английском языке. Привожу её перевод, выполненный моим сыном.

LIBERATION DAY IN DJURIN

BY ETTY ZIGLER

Шел Март 1944 года. Я не помню точной даты, но помню, что это был Шаббат и один человек из нашей группы молился. Было холодно и сыро. Сквозь щели заколоченных окон нашей комнаты мы наблюдали, как немцы готовились к отступлению. И, хотя эти фанерные щиты были мрачные и сковывающие, мы были им благодарны - они защищали нас от лютого холода и от вида нацистов. Впрочем, последние были в нас менее всего заинтересованы в те дни. Через дорогу от хаты, в которой мы жили, стоял обветшалый почтамт, оставленный советскими властями два с половиной года назад. Именно здесь фашисты установили командный пункт и полевую кухню. Солдаты шлепали по грязным улицам Джурина, чтоб получить свой рацион.

В 41-м, будучи хозяевами положения, нацисты и их союзники-румыны собрали людей в этом маленьком убогом городишке Южной Украины. В нем проживало 800 евреев, в основном старики, женщины и дети. Вскоре местечко разрослось до 4000 человек, когда оно было превращено в гетто. Именно здесь был конечный пункт, куда депортировали нашу семью вместе с еще несколькими тысячами человек в октябре 41-го года.

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

...Дорога была долгой и раны болели. Выселив из наших домов лишь с тем, что можно было унести, нас гнали как скот, сперва в товарных поездах, затем в грузовиках, и отправляли на Украину. Мой дом был в Радауце, красивом мирном городе на севере Румынии. Позади осталась жизнь, полная надежд, друзей, семьи, образования и веры. Один беглый взгляд назад перед тем, как меня толкнули в поезд - и все осталось позади. Впереди лежало Заднестровье и верная смерть от голода и болезней.

В конце изнурительного и мучительного 3-х недельного путешествия грузовик остановился. Мы оказались на окраине богом забытого Джурина. Остальную часть пути к лагерю нам предстояло пройти пешком и искать приют. В тот день еще были живы все семь членов моей семьи - нас ждали убогие переполненные помещения гетто. Трое из них никогда не вернутся. Моя бабушка умрет от дизентерии. Моего гордого, трудолюбивого отца подкосит тиф. А мою милую любимую сестру унесет туберкулез легких после двухлетних мучений. Я все это переживу, будучи изуродованной приступами еще одной разновидности туберкулеза. Мое лицо покроют открытые гноящиеся раны, тело ослабнет, ощущения притупятся годами жестокого и несправедливого существования практически без пищи и отдыха в Джуринском гетто. Но я останусь в живых.

Я до сих пор по памяти рисую картины этого местечка, построенного на косогоре. Единственная шоссейная дорога, протянувшаяся через всё село и служившая главной торговой артерией. Остальные дороги были булыжные и грунтовые. Во время дождя местечко превращалось в болотное месиво. Я помню сахарный завод, где производство было остановлено во время оккупации. В освободившиеся помещения поселились депортированные из Бессарабии и Буковины. Была и синагога, величественный фасад которой скрывал нищету и затхлый запах, так как там жили поселенцы из Бессарабии.

В центре поселка был рынок. Сюда приезжали крестьяне из соседних деревень, чтобы продать продукты. Поскольку лишь у немногих водились деньги, торговля велась путем бартера. Моя семья обменивала одежду на муку, зерно, и картофель. Это была борьба за выживание, если кончались скудные запасы для обмена, то ты обречен на голодную смерть.

Недалеко от рынка был разбит госпиталь, где было несколько палат с поломанными койками и соломенными матрацами. В нем работали несколько доведенных до отчаяния врачей и двух медсестер, беспомощных от того, что они не могли уделить нам никакого внимания из-за отсутствия инструментов и медикаментов. А болезни, особенно тиф, свирепствовали по всему местечку. На окраине села была школа, которая также была заселена депортированными, большинство из которых были мои земляки из Радауца. Вода в Джурине была на вес золота. Единственный колодец с насосом находился за версту. Мы все по очереди носили большие деревянные ведра через холмы к колодцу, а затем, полные, обратно в хату.

Жизнь, в основном, состоит из того, что ты помнишь. Иногда я вспоминаю местечко, людей, гетто, и наши мучения короткими эпизодами, а иногда все это разворачивается как печальная повесть. Но это не было выдумкой, это было все так до боли настоящим!

Я вспоминаю плач трехлетнего сына нашей хозяйки и как я была этим плачем разбужена и вынуждена сосредоточиться на событиях, которые разворачивались за заколоченными окнами. Я снова наблюдала за солдатами, которые были заинтересованными в их собственной безопасности во время отступления. И все же мы продолжали чувствовать себя их пленниками и мы боялись самой вероятности, что они могут причинить нам боль. Я надеялась, что глядя сквозь проемы фанерной двери, я не буду замеченной нацистскими солдатами.

...В тревожном ожидании чего-то непредвиденного напряжение всё возрастало. В конце концов, мой брат не выдержал. Он неожиданно выскочил через заднюю дверь и побежал к дому, в котором жили оставшиеся в живых наши дядя и двоюродные братья. Он пробыл там несколько часов. Неожиданно он решил вернуться, как раз тогда, когда последние немецкие солдаты должны были уйти.

Неожиданно увидев бегущего брата, солдаты окликнули его и приказали ему подойти. Этот момент я не забуду никогда! Видеть моего брата, направляющегося к немецким солдатам, было самым страшным воспоминанием, оставшимся от Джурина. Я затаила дыхание в ожидании того, что станет с моим любимым, отчаянным братом. Все мы не без основания боялись, что ему, а может и нам всем, пришел конец. Мы наблюдали, как офицер начал допрашивать его. Он ответил на беглом немецком, и указал пальцем на нашу хату. Нацистский офицер осмотрел брата, обратив внимание на его ободранный вид, особенно ноги, обернутые в лохмотья. Партизан так выглядеть не мог. Он явно не был одет как тот, которого застрелили полчаса назад. Офицер отпустил Онуя. Так брат остался в живых. Мы вздохнули с облегчением...

Оглядываюсь на людей в нашем тесном помещении. Теперь нас 14 - пятеро взрослых, 5 подростков, и четверо детей, все ютимся в трех маленьких комнатках. Эти 14 человек были членами 4-х семей - Зингеры из Вижниц, Анна Харт, дальняя родственница моей мамы, Бронштейны, и мы, Адельштейны. Я думала о троих, которых уже не было с нами. Я в особенности вспоминала мою сестричку Рейзеле, о том, как её трясло и как страдала, и как мы пытались ее утешить, насколько могли. Мой брат Онуй и я перешли жить на кухню. Это была крохотная

комната с земляным полом, маленький стол, сломанный стул, и одна на всех печь. Наверху печи мы соорудили спальное место для нашей сестры, чтоб как-то согреть ее. Мой брат спал на доске между столом и стулом, а я спала на полу. Когда Рейзеле умерла, моя сестра Мали перешла на кухню и разместилась там.

Наша хозяйка Фрума Бронштейн имела четырех сыновей в возрасте от трех до четырнадцати лет. Муж Фрумы воевал в составе Советской Армии, и к сожалению, ни разу не сообщил о себе. Фрума была приятной женщиной, которая кормила детей тем, что продавала неразграбленные остатки товаров со склада ее мужа. Дети не ходили в школу, поскольку еврейским детям было запрещено посещать школу. Тем, не менее, Фрума договорилась с раввином и шойхетом обучать Изю, старшего сына, ивриту, чтобы совершить Бар Мицву. Изя прошёл обряд Бар Мицвы незадолго до освобождения.

Фрума Бронштейн использовала одну комнату для себя и своей семьи, а три остальные семьи делили между собой другую комнату. Иногда она пускала нас в свою комнату, чтобы согреть нас (там было больше дров для поддержания огня), но в тот дождливый день дров не было. Как обычно, страх перед солдатами и их автоматами не давал нам возможности выйти на улицу. Подростки собирали прутья и щепки за пределами гетто под покровом темноты, чтоб мы могли хоть как-то согреться. Однако чаще мы сидели в хате прижавшись друг к другу, сопротивляясь холоду и голоду.

Таким и застал нас день освобождения. Такой я помню нашу несчастную компанию, которая держалась вместе ради тепла, и охваченная страхом неопределенности. Ощущения праздника не было. Вскоре все нацисты ушли. Через пару часов вошли партизаны и расползлись по городу. Они стучали в двери и на русском языке, с ликованием сообщали, что немцы ушли из Джурина и скоро придет Красная Армия.

На следующий день Красная Армия вошла в город. Эту часть Украины они не знали вообще, а термин "Транснистрия" для них не значил ничего. На нас, голодных, несчастных депортированных из Румынии, они не обращали никакого внимания. К тому мартовскому дню 44-го года только треть из всех прибывших из Бессарабии выжили в Джуринском гетто. Война была еще не окончена, и Красная Армия сосредоточилась на том, чтоб прогнать нацистов с "родной земли".

Это был день так называемой нашей свободы, холодный, сырой день нашего освобождения наступающей Советской Армией. Некоторые из оставшихся в живых связали в узел свои вещи и приготовились к отходу, хотя они не знали, куда их приведёт грязная дорога. Другие волочились позади, в неопределенности гадая, куда они идут и зачем. Я надеялась, что мне удастся попасть в госпиталь, где мне смогут уделить столь нужное внимание. Свобода все еще была словом и ощущением, которые мы не способны были постичь. Те, кто были чуть здоровее и моложе, запрыгивали на советский военный транспорт, а иногда просто следуя за армией и надеясь на остатки солдатской пищи. Многие из этих несчастных выжили попрошайничеством.

Весна 1944 не положила конец страданиям беженцам Заднестровья, наши испытания были далеки от завершения и мы были за тысячу миль от отчего дома. В моём конкретном случае ещё потребуются годы лечения и хирургии, чтобы восстановить лицо, изуродованное туберкулезом. Мое здоровье также ослабло за два года недоедания, антисанитарии, и беззащитностью перед холодом, дождём, снегом.

Этот темный период в моей жизни оставил физические и душевные раны. Я была благодарна за божий дар сохранить силу духа и воли, которые помогли мне преодолеть разлуку с семьей и вновь начать жизнь в позитивном ключе. Благодаря

безусловной поддержке и помощи членов семьи, оставшихся в живых, и позитивному отношению со стороны медперсонала и друзей, которых я встретила на этом длинном и трудном пути от больницы к больнице, я смогла увидеть перемены в моей внешности и реализовать свои цели.

Я вышла замуж за хорошего и порядочного человека и вместе мы вырастили замечательных детей - двух сыновей и дочь. Нам также повезло, что мы оказались в стране, в которой мы смогли предстать свидетелями гнусных преступлений нацистов и их приспешников во время 2-й мировой войны. Мои дети и внуки из первых рук узнали о трагедии Холокоста. Теперь дело за ними - передать эти знания будущим поколениям. Только помня и постоянно напоминая себе и другим о катастрофических последствиях политики ненависти и необузданной дискриминации, мы сможем предотвратить подобные события в будущем.

После 55 лет борьбы, трудностей, и жертв я почувствовала мое истинное освобождение и успех, когда мой внук Дов прошел Бар Мицву. Когда он произносил речь, в которой поклялся исполнять заповеди еврейской веры, со всеми обязанностями, возложенными на него, я поняла, что наследие живо. Наиболее трогательным для нас с мужем был момент, когда Дов, в своем рассказе, упомянул страдания его прауродителей и других людей, испытавших ужасы Холокоста. Когда я смотрела на мою семью, собравшуюся на это знаменательное событие, я не могла не думать о моем отце. Как бы он гордился этим юношей! С огромным облегчением и удовлетворением я ощущала уверенность того, что факел памяти будет передан следующему поколению и что память о тех, кто погиб в те печальные времена нашей истории, не исчезнет.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ИОСИФОМ

К началу войны Иосифу исполнилось три годика, а к моменту освобождения Джурина в марте 1944 года – неполных шесть лет. Он мне дал интервью на основе косвенных знаний о том периоде по рассказам старших братьев и нашей мамы. О собственном опыте и воспоминаниях говорить не приходится. Читатель, я надеюсь, имеет достаточно полное представление о Джуринском гетто во время оккупации. Поскольку эту главу я посвящаю нашей матери, приведу фрагмент из интервью Иосифа, в которой он рассказывает об одном эпизоде, произошедшем вскоре после окончания войны. Оставшись одной с четырьмя мальчиками маме ещё долго после войны пришлось много настрадаться, пока мы все поднимались...

...Папа так и не вернулся с фронта, мама осталась одна с нами четырьмя, которых надо было каждый день чем-то кормить. Мама стала ездить по близлежащим сёлам, местечкам, городам и весям и торговать всевозможным товаром. Весь товар, как правило, в двух связанных между собой мешках, один – впереди, другой, через плечо – за спиной. Маршрут – Мурафа, Шаргород, Рахны, Ярошенка, Жмеринка, Винница... Когда поездом, когда – попутной машиной, когда на телеге, а когда и пешком. В этих «путешествиях» всякое случалось. Например, был такой эпизод. После очередной недельной «командировки» мама возвращалась с товаром из Мурафы в Джурин. Расстояние – двенадцать километров. Дело было зимой, начало 1945 года. Дело привычное, мама пустилась в путь пешком. Неожиданно подвернулась оказия: паренёк на санях, запряжённых лошадей. Между этими сёлами, Мурафой и Джурином, был всем известный глубокий ров, который местные селяне называли «глыбока долина». На мамину беду эта самая «глыбока долина» подо льдом была заполнена талой водой. Вдруг лёд треснул, сани провалились, посреди долины лошадь остановилась. Паренёк оказался ушлым, распряг лошадь, сел на неё верхом и... был таков. Мама осталась на санях со своими огромными узлами, внутри которых, наряду с другим «ходовым» товаром были ещё и компоненты для изготовления мыла, которые при соприкосновении с водой пришли бы в негодность.

Встал во весь рост «простой» вопрос: что дальше делать? Остаться на месте и ждать помощи – совершенно бессмысленно: откуда ждать помощи, тем более, что приближался вечер, затем ночь. Бросить товар и спасаться самой? А чем кормить четверых мальчуганов? А если пойду – какая глубина этой чёртовой долины впереди, вдруг утону. Мама наша была, между прочим, невысокого росточка. Взвесив все «за» и «против», мама пустилась в путь с узлами над головой, по грудь в ледяной воде, местами вода достигала подбородка. В каком состоянии и самочувствии она вернулась домой, можно только догадываться. Но надо было приводить в чувство нас, голодных и холодных... И приготовить. И одеть, и обуть. И в школу собрать. И постирать-погладить. Ума не приложу, как она справлялась, особенно, в первые годы после войны. Через какое-то время мама стала работать продавщицей в магазине, а ещё позже – в буфете. Тогда стало полегче. Кстати, в буфете мама работала до самого выхода на пенсию.

Завершить все взятые мной интервью хочу высказанными моими братьями обращениями и пожеланиями будущим слушателям, зрителям и читателям их исповедей. В принципе, они мало чем отличаются от высказываний всех моих собеседников, бывших узников.

Итак, слово Ефиму. Последняя остановка нашего выездного интервью была на Джуринском еврейском кладбище у могилы нашей матери.

На этом кладбище похоронены наши предки, наши родственники. Я сейчас стою у могилы нашей дорогой, незабвенной мамы. Добрейшей души человек, великий труженик, большого природного ума, жизненного опыта. Она сумела в годы войны, одна, без мужа, в условиях гетто, без своего жилья, и в годы послевоенной разрухи накормить, одеть, обуть, воспитать, выучить четырёх сыновей. Находясь у могилы мамы вспоминаю, что довольно часто к маме приходил советоваться по всяким бытовым, общественным вопросам, касающихся жизни еврейской общины Джурина наш местный раввин. Он, сам по себе был очень мудрым и добрым человеком, тем, не менее, считал возможным и целесообразным советоваться с мамой. Помню, во время похорон мамы, в 1973

году, он обратился к нам, всем четырём: «Имя вашей мамы – Фрима, что на иврите означает – святой человек. Ваша мама, на самом деле была святой. Помните об этом, берегите память о ней». Мы, безусловно, свято храним память о нашей дорогой маме, вот уже в течение двадцати четырёх лет ежегодно приезжаем сюда, чтобы отдать дань уважения и безграничной любви нашей дорогой мамочке. *Напомню, что интервью мы брали в 1997 году. В том же году мне пришлось похоронить двух моих дорогих братьев. Изя умер в феврале, а Фима – в августе (Иосиф в то время уже был в Америке). Так, что с годами, увы, мы бываем у маминой могилы всё реже.* Поскольку наш отец с фронта не вернулся, было только извещение о нём, как о без вести пропавшем, мы решили увековечить память об отце мемориальной доской здесь же, у могилы матери. Пусть хоть эта мраморная доска напоминает нам о рано ушедшем из жизни папе.

- Ефим Яковлевич, наше интервью подходит к завершению. С какими словами вы хотели бы обратиться к тем людям, которые будут видеть и слушать ваше интервью?

- Я поистине взволнован сегодня и, одновременно, счастлив, что имею возможность вспомнить и рассказать честно, правдиво, от души, многое из того, что было со мной, с моими родными, дорогими мне людьми, с моей матерью и братьями. Спасибо судьбе и провидению, мы остались живы и я имею возможность дать это интервью. Я искренне благодарен Фонду «Пережившие Холокост» за такую предоставленную возможность. Я рад возможности рассказать грядущим поколениям, что с нами происходило в годы войны и предостеречь об опасности взаимной ненависти между людьми. Я желаю всему человечеству только мирной жизни, покоя, благополучия, счастливой жизни всем людям Планеты Земля!

Теперь слово Иосифу.

- Скажите, приходилось ли вам когда-нибудь рассказывать о своей судьбе и вашей семье в годы оккупации?

- При встречах с земляками, ровесниками мы иногда вспоминали о нашем безрадостном детстве в Джуринском гетто. Но чтобы публично, в каких-то собраниях – такого не было. Для меня сегодня очень волнительно, что даю интервью по этой теме. Конечно же, я благодарен Фонду господина Стивена

Спилберга за такую возможность. Фонд задумал и осуществляет благородную, важнейшую работу по увековечению памяти всех жертв Холокоста. Я уверен, что потомки наши, ознакомившись с нашими интервью, а я ведь не один, Фонд имеет тысячи таких интервью, изучат наш опыт и сделают правильные выводы. Это ведь наша история! Да и для каждого из нас, давшего такое интервью, это имеет большое значение. Мы не вечны, и это важно для наших собственных детей и внуков. Надеюсь, и они смогут ознакомиться с нашими интервью.

- Вы получите кассету с копией вашего интервью.

- Спасибо. Я очень хочу надеяться, что наши интервью не залежатся на полках архивов, а найдут дорогу к сердцам всех людей, кому дорога память о страшных годах геноцида еврейского народа. Мы ведь и сейчас находим и знакомимся с историей человечества, происходившей тысячи лет тому назад. А при нынешнем развитии информационных технологий эти истории тем более не должны кануть в вечность. Поэтому ещё раз выражаю искреннюю признательность Фонду «Пережившие Холокост», лично господину Спилбергу и всем сотрудникам Фонда, участвующим в его работе.

- Иосиф Яковлевич, спасибо за добрые слова в адрес Фонда. Я задал все свои вопросы, благодарю вас за интервью. Вы имеете возможность обратиться к людям, которые будут слушать и смотреть ваше интервью через десятки, сотни лет.

- В первую очередь, я хотел бы, чтобы наши интервью воплотились в фильмы, документальные и художественные, в телевизионные программы, книги. Главное, сохранить память об ужасах, которые приносит война. Я хотел бы попросить потомков сделать правильные выводы из истории Холокоста, случившегося в двадцатом веке.

Я желаю всем людям мирной, спокойной, достойной, счастливой жизни!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Должен признаться, уважаемый читатель, что искренне рад завершению моего скромного труда. Главная трудность заключалась в эмоциональном напряжении, которое испытывал, когда ещё дважды переживал с моими собеседниками их тяжёлую судьбу: один раз при записи с библиотечного компьютера на диктофон, второй раз – при перепечатывании аудиозаписи на свой компьютер. Многие моменты из рассказов пришлось переосмыслить, сопоставить, глубже в них вникнуть. Тем, не менее, пусть это и прозвучит пафосно, уж извините, я завершил сей труд с чувством исполненного долга. Ведь я обещал этим людям, что их рассказы, в конце концов, станут достоянием гласности. Я сделал для этого всё, что смог в меру своих скромных возможностей.

В мою задачу не входило проводить исследования о корнях, причинах, масштабах, организации и осуществлении Холокоста. Здесь речь, в основном, шла о лагере смерти в украинском селе Печора, о судьбах конкретных узников этого лагеря. Быть может, на фоне известных всему миру концентрационных лагерей, Печорский лагерь «Мёртвая петля» не столь впечатляющий. Однако страдания людей остаются таковыми вне связи с масштабами трагедии. Количество погибших в Печорском лагере доподлинно не известно, в разных источниках называются разные числа, но, в любом случае, счёт идёт на десятки тысяч и это число вливается в общее число евреев, уничтоженных нацистами в рамках «окончательного решения еврейского вопроса».

Я завершаю составление своей книги в ноябре 2012 года. Именно в эти дни в Украине отмечают очередную годовщину Голодомора 1932-33 г.г. Спорят историки, авторы учебников по истории Украины, депутаты разных уровней, чиновники Министерства образования. Ломаются копья, обвиняются СМИ в искажении событий. Спорят о том, что это было на самом деле. Был ли целенаправленный геноцид украинского народа? Доходит до абсурда: в разных регионах Украины печатаются разные учебники по истории страны. Я бы очень не хотел, чтобы когда-нибудь в учебниках по Мировой Истории исчезли правдивые сведения о Холокосте в отношении еврейского

народа.

Уже сейчас, через небольшой, в историческом плане, промежуток времени, находятся люди, в том числе облачённые властью, отрицающие Холокост, не считающие целенаправленным уничтожение целого народа только за принадлежность к одной нации. Именно поэтому считал необходимым опубликовать сделанные мной видеointервью самих бывших узников Печорского лагеря «Мёртвая петля», переживших Холокост.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Сайт Сергея Котелко - <http://sergekot.com/?p=147>
2. Яков Хельмер. Повесть о пережитом
3. Харолд Флендер. Датский урок. Спасение датских евреев.
4. Менаше Миллер. Живой и благословенный. Часть вторая. В долине плача.
5. Liberation day in Djurin. By Etty Zigler. - <http://www.brucop.com/genealogy/english/braunstein/jewish/stories/>
6. Пол Джонсон. Популярная история евреев.
7. USC Shoah Foundation Institute Visual History and Education. Publication License Agreement for Moris Bronshteyn

Содержание

Предисловие.....	6
Печора.....	7
Михаил Бартик.....	9
Эстер Бартик.....	19
Аркадий Плотицкий.....	28
Абрам Каплан.....	41
Раиса Чернова.....	60
Евгения Цирульникова.....	68
ЕвгенияКраснер.....	78
Рейзя Ройтман.....	86
Яков Хельмер.....	96
Михаил Барышников.....	106
Аркадий Глинец.....	112
Роза Глинец.....	123
Борис Прицкер.....	131
Клара Крейчман.....	141
Анна Шварцман.....	151
Фира Сафрус.....	159
Мойша Бейдер.....	165

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

Арон Полищук.....	171
Ефим Политман.....	181
Евгения Спектор.....	193
Лёва Гринберг.....	199
Евгения Кержнер.....	217
Доня Преслер.....	219
Пётр Розенберг.....	231
Шеля Вайсман.....	238
Рейзя Вайнблат.....	245
Семья Бронштейн.....	258
Из интервью с Ефимом.....	259
Из бесед с Изей.....	262
Из интервью с Ефимом.....	263
Из книги «Живой и благословенный».....	265
Из интервью с Ефимом.....	269
Liberation Dayin Djurin.....	276
Из интервью с Иосифом.....	284
Послесловие.....	288
Использованные источники.....	290

Морис Бронштейн «Мертвая петля»



Евгения Кержнер



Евгения Краснер



Евгения Спектор



Евгения Цирульникова



Ефим Бронштейн



Ефим Политман

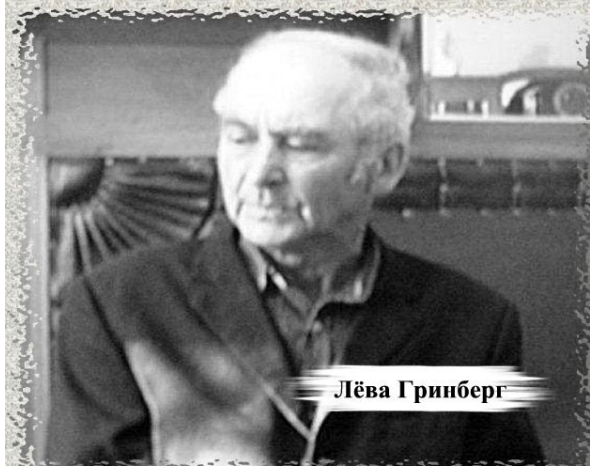
Морис Бронштейн «Мертвая петля»



Иосиф Бронштейн



Клара Крейчман



Лёва Гринберг



Михаил Барышников

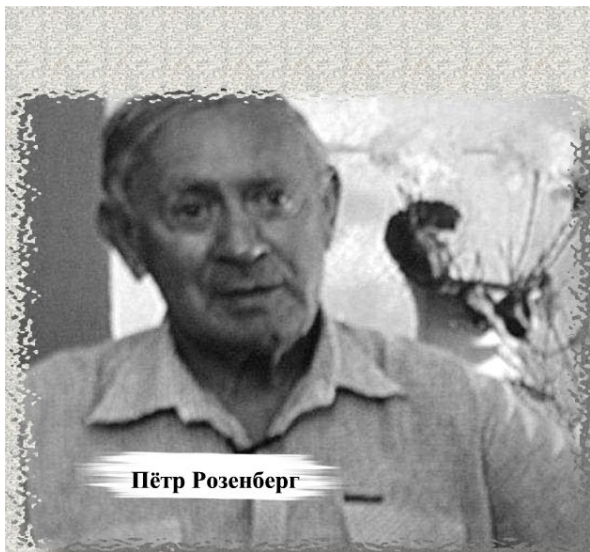


Мойша Бейдер



Морис Бронштейн

Морис Бронштейн «Мертвая петля»



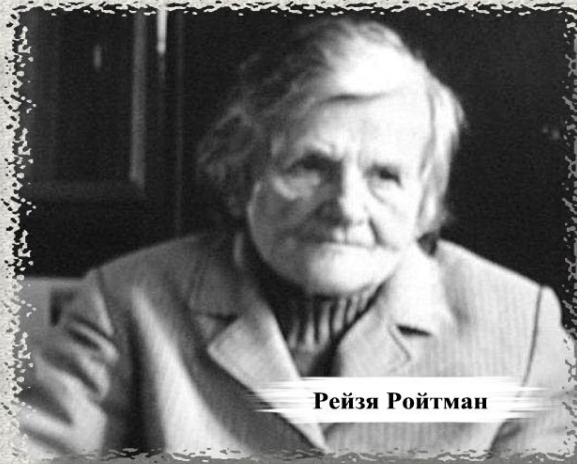
Пётр Розенберг



Раиса Чернова



Рейзя Вайнблат



Рейзя Ройтман



Роза Глинец



Фира Сафрус

Морис Бронштейн «Мертвая петля»



Абрам Каплан



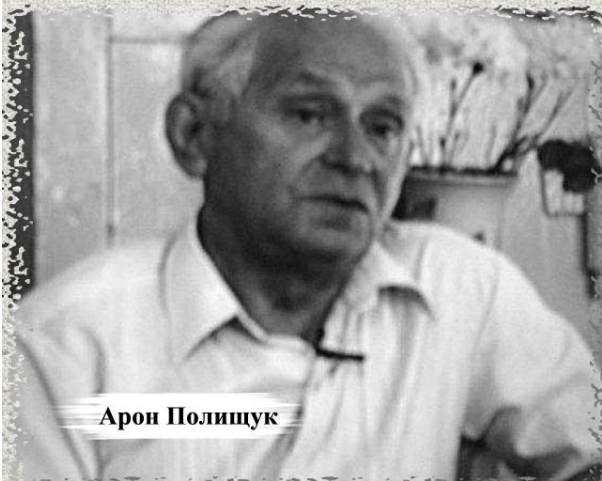
Анна Шварцман



Аркадий Глинец



Аркадий Плотницкий



Арон Полищук



Борис Прицкер

Морис Бронштейн «Мертвая петля»



Шеля Вайсман



Эстер Бартик



Яков Хельмер



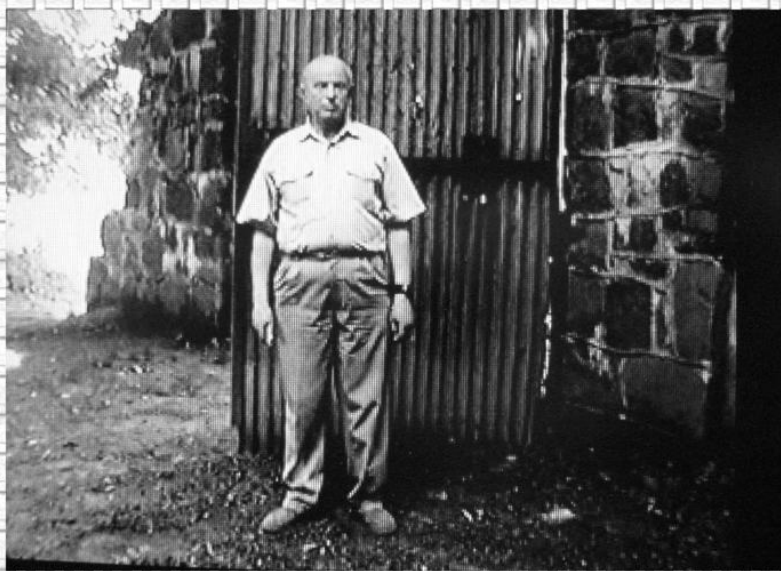
Михаил Бартик



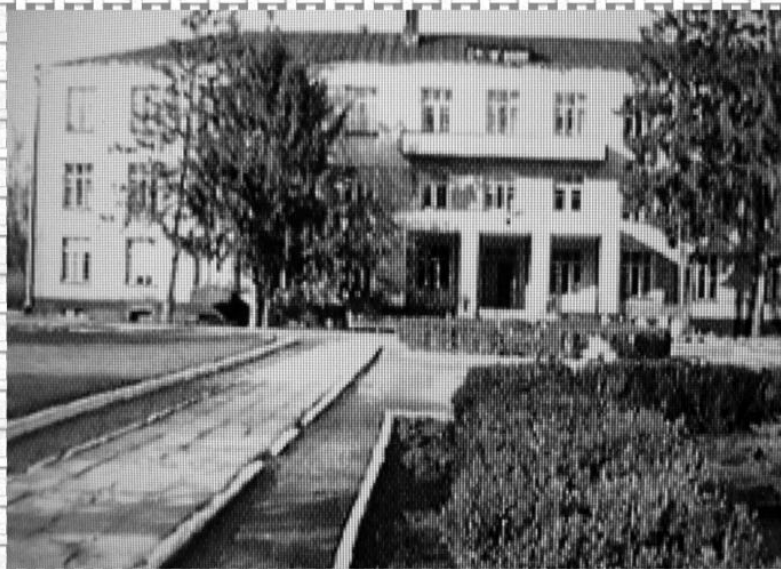
Капитан Нейман

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

Капитан Красной Армии Нейман со своим подразделением освободил узников Печорского лагеря смерти «Мёртвая петля» 14 марта 1944 года



**Аркадий Плотницкий у
забора Печорского
лагеря**



**Главный корпус
Печорского лагеря
"Мёртвая петля",
ныне - санаторий**



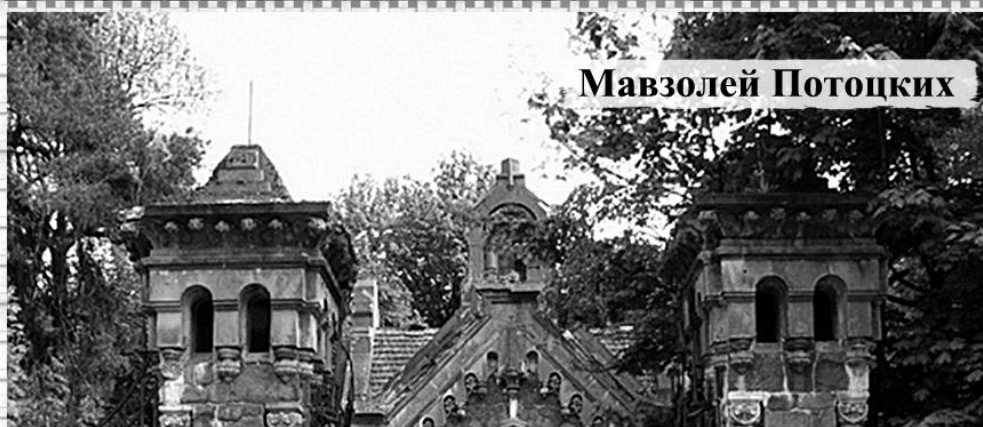
Тот самый фонтан...

Морис Бронштейн «Мертвая петля»

Тот самый фонтан



170 ступенек к Бугу за водой...



Мавзолей Потоцких



Памятная плита. г. Могилёв-Подольский

ТУТ, В ТИРІ, НА МІСЦІ КОЛИШНЬОГО
ПЕРЕСИЛЬНОГО ПУНКТУ, ПОКОЯТЬСЯ
РЕШТКИ ЄВРЕЇВ ІЗ БУКОВИНИ,
БЕССАРАБІЇ ТА ІНШИХ МІСЦЬ,
ЗАМОРДОВАНИХ ФАШИСТАМИ
В 1941-1944 Р.Р ПРИ ВІДПРАВІ
ДО ТАБОРУ СМЕРТІ.



Морис Бронштейн «Мертвая петля»

Морис Бронштейн «Мертвая петля»



**Памятник жертвам
Печорского лагеря смерти**



**Памятник погибшим в
лагере "Мёртвая петля"
от Тульчинского общества
бывших его узников**



**Памятник жертвам Холокоста,
г.Могилёв-Подольский**

Морис Бронштейн «Мертвая петля»